

Александр ГОРДИН

СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК

Рассказы
Байки
Афоризмы
Стихи





А. Гордин – 2000 г.

Александр Гордин

СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК
(лирико-иронический фарс)

*«Пострадавший – гражданин России,
других следов насилия на теле обнаружено не было...»*
(М. Задорнов. Из протокола осмотра места происшествия)

*«Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о
большом горе. Это значит, что они плачут»*
(Теффи. Ностальгия)

Рассказы
Байки
Стихи
Афоризмы

Иркутск – 2017 г.

УДК 8-1/14(573)
ББК 84(253)6
Г 57

Гордин А.И.

Сибирский валенок: рассказы, байки, стихи, афоризмы. - Иркутск: «Репроцентр А1». Издание второе. - 2013, - 212 с.

Данная книга журналиста, поэта, писателя, педагога Александра Гордина – плод его художественных размышлений о жизни сибирского общества и России в период с 1982 по 2017 годы. Общая направленность – лирико-иронический взгляд на судьбу российского народа, оказавшегося, в очередной раз, в непростой социально-экономической, нравственно-духовной ситуации, когда старые нормы и ценности поведения в жизни простых людей не востребованы, а новых пока ещё нет и не известно нужны ли они им и обществу вообще...

ISBN 978-5-91344-494-3

Гордин А.И., 2017

Посвящается
моим незабвенным родителям
Марию Ивановне Гординой (Горенской),
Иннокентию Георгиевичу Гордину,
сестре - Наталье Иннокентьевне
и брату - Алексею Иннокентьевичу,
многочисленным близким и дальним родственникам,
носящим нашу фамилию, а также, урождённым Горенским,
Суббочевым, Бутаковым и многим другим.

Слово к читателю

Уважаемый читатель!

Взяв эту книгу в руки, не настраивайтесь на многотрудное интеллектуальное чтение. Это – не эпохальное произведение, претендующее на нобелевскую премию. Если кто-то читает только такую литературу – отложите её в сторону, дабы не испортить свой вкус и настроение... Скорее, всё что в ней запечатлено, - робкая попытка глазами простого сибиряка взглянуть на наше житие-бытие. И не более того...

Если сравнивать сей литературный «продукт» с пищевыми аналогами, это не Фрикасе из телячьих почек или Сабайон, но и не попс-корм или ход-дог, а скорее, по крайней мере, надеюсь на это, граммов эдак пятьсот хорошей русской охлаждённой водки, забадяженной на байкальской воде, с аккуратно нарезанным посольским омулем, пучком Хамар-Дабановской июньской черемши, помидорчиком, огурчиком и картофаном из собственного огорода...

Кроме этого, но во вторую очередь, эта книга - своеобразный итог некоторых размышлений и наблюдений, человека «третьего возраста» о жизни вообще и, соответственно, о жизни сибирского сообщества 80-ых годов 20-го и первого десятилетия 21 веков.

Название этой книги – не самоуничижение и, тем более, не желание посмеяться над этим самобытным сообществом людей, отличающимся по географическому, интеллектуальному и другим признакам, от живущих людей не только в России, но и на нашей малюсенькой, в космических масштабах, планете...

«Сибирский валенок» - человек, который сумел, оставаясь быть грустным, смешным и, главное, непосредственным – сохранить свою наднациональную самобытность, оставаясь при этом бурятом, русским, чалдоном, украинцем, белорусом, тофом, звенком, якутом и т.п. Эта наднациональная самобытность имеет свои приметы эпохи и государства, в рамках которого она сформировалась и вот уже несколько веков существует. Но она, при этом, по твёрдому убеждению автора этих строк, «сама себе на

уме», потому что стремиться сохранить вечные простые и понятные каждому человеку ценности – любовь к природе, к человеку, к жизни, которые во все времена были склонны к ложной интерпретации отдельными личностями, преследующими узко утилитарные личные или групповые цели. Эти «героинноваторы» имели в истории человечества разные имена, но все они, говоря библейским языком – лжепророки, которые пытаются духовный смысл бытия подменить материальным. Которые есть «волки хищные, одетые в овечью шкуру». Истинный сибиряк, оставляющий в зимовье провиант, спички, дрова, боеприпасы, для случайного путника; не берущий от тайги больше, чем это нужно для удовлетворения сезонных потребностей для поддержания жизнедеятельности; презирающий трусость во всех её многочисленных проявлениях в человеке и человеческом обществе; умеющий радоваться большому в малом - находить в простых человеческих радостях высокий смысл; знающий цену физическому труду – всегда, одним фактом своего существования, будет противостоять ограниченности рационального мышления, носители которого, сознательно запутываясь в собственном словоблудии, пытаются вульгаризировать вечные человеческие ценности, превратить их в разменную монету для обеспечения сытого и, часто, бессовестного своего существования.

Ценности и нормы поведения «сибирского валенка» или территориальной национальной идентичности, представителем которой он является, формировались на основе отрицания любой господствующей государственной идеологии. Поэтому костяк её населения традиционно составляли: беженцы от религиозного и государственного произвола; политические или уголовные ссыльные (каторжники и зэка, не признающие ценности существующего общественного порядка); искатели экономической или мировоззренческой свободы в различных её проявлениях от отшельничества до старательства.

Их потомки, на генетическом уровне, воспринимают любую земную власть как явление приходящее (временное) не достойное их внимания и не имеющее реальной возможности изменить неписанный Закон Тайги, в котором главная заповедь: жить по уму, это не всегда – жить по совести... Или, точнее, жить по уму – это и значит жить по совести.

Более сохраняется этот «Закон-Тайга» в современной Сибири, в менее развращённых глобальными СМИ малых сибирских посёлках и городках, имеющих высокий уровень сопротивляемости рыночным ценностям, благодаря общинно-родовому, иногда имеющему национальный колорит, способу мышления и организации своей жизнедеятельности.

Пожалуйста, взгляните в лица героев этой книги, поговорите с ними (они нуждаются в этом!) и, может быть, в вашей душе аукнется что-то незлое и доброе. Потому что, возможно, при всей

несуразности их поступков и мыслей, они в чём-то хранят память и вашего сердца...

В книге **объединены** два раздела: рассказы и новые сибирские байки.

В первый раздел вошли рассказы, написанные в разные годы, самый ранний – быль, которая датирована 1982 годом. Особенностью их создания можно назвать то обстоятельство, что большинство сюжетов почерпнуты мной из собственных снов. Дальнейшая их разработка разумом и воображением, конечно, до неузнаваемости преобразила их, но подсознание сыграло в их написании определённую роль. Мне, сложно говорить о художественных достоинствах их, если таковые вообще имеются... Поэтому, остаётся лишь надеется, что искренняя попытка моих героев в той или иной мере, в той или иной манере, высказать свои мысли о наболевших вопросах, встретит со стороны вас, хотя бы понимание и, может быть, душевное сочувствие... Последнее, без сомнения, предпочтительнее и важнее первого...

Второй раздел – байки, афоризмы, стихи вымышленного, собирательного героя Иоанна Бубликова, которые, может быть, сочинены менее, чем рассказы «Александра Гордина». Надеюсь, вы понимаете, что в первом и во втором «случае» - образ автора достаточно условен, как бывает условно авторство любого другого писателя...

Человек, пишущий литературное произведение и автор, выступающий в этом произведении от его имени – два достаточно разных, а иногда - противоположных друг другу носителя того или иного мировоззрения. Они, при создании рассказа или книги, взаимодействуют друг с другом как равноправные «люди». И кто из них воздействует больше на форму и содержание литературного произведения и даже реальной жизни писателя – вопрос философский, на который однозначного ответа быть не может... Честно говоря, правдивее было бы любому писателю, в этом смысле, брать псевдоним... Однако, до этого додумываются немногие...

Итак, Иоанн Бубликов – это одна из творческих ролей «Александра Гордина», говорю об этом честно, так как пишу данное вступление именно от автора... То есть, как человек, имеющий отношение к Иоанну Бубликову третьестепенное: немногим больше, чем любой, взявший в руки эту книгу. Он по-своему мною любим и презираем. Но, как «автор», не отрицаю его существования и потому, сочинённая легенда – всего лишь способ, нет, точнее, попытка его понять...

Да! – Он не идеален...

Да! – Он моментами смешон...

Да! – Он иногда удачно мыслит и живописет словом...

Но, Иоанн Бубликов - даже не автор. Это важно понять, для наиболее глубокого прочтения, описанной им жизни, его мыслей и душевных порывов.

И поэтому его сочинения – взгляд на себя из себя. Иоанн Бубликов, в известном смысле, более правдив, чем автор, так как говорит на менее придуманном, возможно более неприятном, но реально существующем в сибирской глубинке языке...

Этот язык – смесь диалектизмов, современного и блатного жаргонов - должен вызывать здоровое возмущение у читателя, и тем более, критиков, если таковые вообще найдутся...

Как человек, занимающийся именно литературным творчеством и как педагог, отдаю себе отчёт в том, что Иоанн Бубликов своей манерой поведения, а, особенно, выражения мыслей – дурной пример для подрастающего поколения. Но! – Вот ведь какая штука: некоторая и значительная часть сибирского общества именно так и говорит, думает, поступает... По крайней мере, в определённом нами, в этой книге временном отрезке... Это, конечно, не распространённый во всей России, Иркутске или, например, в Ангарске тип речевого самовыражения. Но такая «неправильная» народная речевая культура существует в виде островка, прослойки, фрагмента и в России, и в Иркутске, порой, ещё в более неприглядной форме... Так, вправе ли мы этого не замечать и интеллигентно морщить носик, читая такое «мировоззрение», часто записываемое на бумаге и звучащее из эфира благодаря тысячам прототипов Иоанна Бубликова???

Ответ на этот вопрос я тоже не знаю... Поэтому, может быть, и пишу вообще (в смысле занимаюсь сочинительством) и, в частности, сейчас, обращаясь к вам...

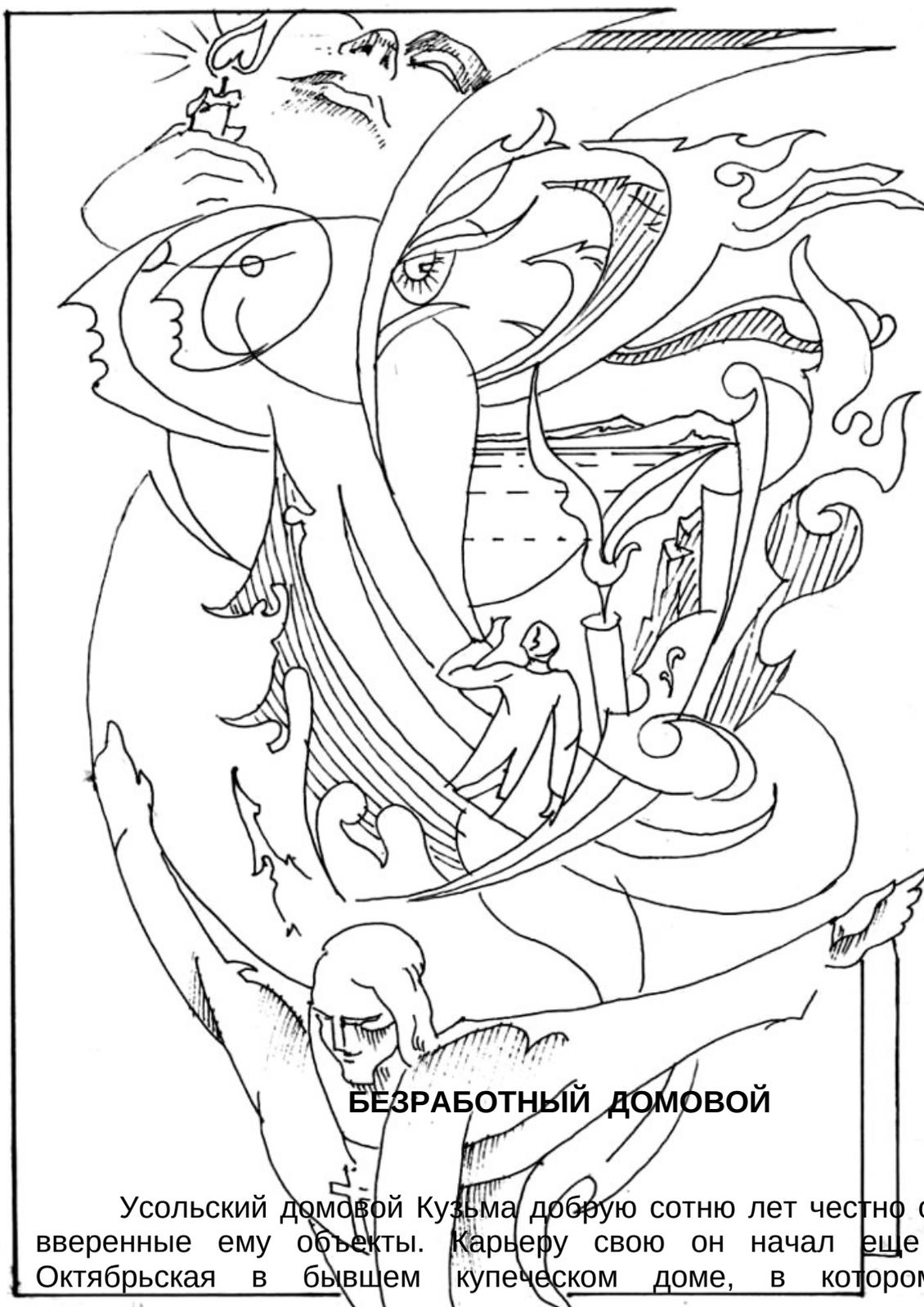
Если хватит желаний и душевных сил прочесть эту книгу - поспорьте со мной, с автором, с Иоанном Бубликовым, наконец, сами с собой... И, как говорится «ежили что – не взыщите и забудьте...» Потому что, подглядывая за моими сибиряками, грустя и смеясь вместе с ними, я подглядывал... за самим собой. И остаюсь таким же «сибирским валенком», чем несказанно, более всё-таки, горжусь, чем огорчаюсь.

Ваш, Александр Гордин

P.S. Особую благодарность за помощь в создании этой книги выражаю художникам Владимиру Быргазову, Сергею Соловьёву, коллективам газет «Ленинский Путь» (редактор – В.П.Скорород), «Усольская городская газета» (директор –Л.А. Волошина, редактор – М.В.Перевалова), «Александровский Централ» (гл. редактор – В.П.Скорород), на страницах которых в разное время публиковались рассказы и новые сибирские байки Иоанна Бубликова. А также первым читателям Валентине Моисеевне Атутовой и Анатолию Викторовичу Волчуку и литературному редактору – Владимиру Владиславовичу Шерстову.

РАССКАЗЫ

*«Любые идеалы, превращаясь в реальность,
порождают непредвиденные последствия»*
Александр Зиновьев



БЕЗРАБОТНЫЙ ДОМОВОЙ

Усольский домовой Кузьма добрую сотню лет честно обслуживал вверенные ему объекты. Карьеру свою он начал еще на улице Октябрьская в бывшем купеческом доме, в котором когда-то

располагалась «чайная», и который в советское время стоял аккуратно рядом с центральным городским почтовым отделением. После того как он покинул этот дом со старшим сыном одного из квартиросъемщиков, он, без его присмотра, вскорости сгорел. Так что пик его профессиональной деятельности пришелся на обеспечение благополучия во вверенном ему здании №55 по улице Профсоюзной. Вот уж где всё было по нему и для него: дом, баня, две кладовки, подвал, две веранды, сени, летняя кухня – всё под одной крышей, да ещё с автономным водяным отоплением. Красота! Тепло, даже в самые трескучие сибирские морозы, прохладно, даже в самое знойное лето. Так что шалил Кузьма только для порядка и незлобно: то в крещенские морозы калитку снегом закидает, водой обольёт и приморозит, то с тяжёлого похмелья хозяину вместо браги ковшичек с брусничным морсом подтаранит – в общем, мелочи!

Хороший был дом и весёлые хозяева, да в начале 70-ых годов он попал под плановый государственный снос «старого жилья». И вот по добротному бревенчатому, сибирскому жилью судьба проехала в виде гусеничного трактора, чтобы на его месте поставить временные, крупнопанельные, правда, благоустроенные дома, так называемые, «хрущёвки».

Сруб перекочевал в поселок Тельму, но там был свой домовый. А в «бетонной клетке» со своими прежними престарелыми хозяевами, Кузьма сам жить не захотел, да и они тоже, не выдержав такой житухи, слишком быстро отошли в мир иной.

Помыкался, помыкался Кузьма по Усолю – нет вакансий по специальности. Пришлось дернуть из бороды волосочек и принять человеческое обличье: превратиться в эдакого благородного старичка, невысокого роста, то ли с хитрым, то ли с глупым лицом, два глаза-буравчика, нос картошкой, рыжая бородка, волосы седые – кудрями, кожа смуглая, сам по-стариковски статен и поджар. Одежду менять не стал: тулуп овечий, шапка собачья, валенки, теплые кальсоны, носки шерстяные и прочее. Еще один волосок - и справил себе паспорт. А что ещё надо обыкновенному российскому домовому, проживающему на сибирской земле? Разве что работу! Без неё родимой, с голоду оно, конечно, не помрешь, даже и без волшебства – тайга рядом. Конечно, как сыр в масле кататься не будешь, но «всёш-таки» припасу хватит и самому прокормиться, а если придётся и ещё с кем-нибудь поделиться – знай не ленись! Но... как домовому без настоящей, пусть даже и не данной от природы, работы! – Без неё ведь можно и человеческое обличье потерять.

В общем, устроился Кузьма сторожем на одно солидное предприятие. Хозяин позволил там же жить, за харчи... Словом, редкая сволочь! Впрочем, Кузьму это мало волновало. Кое-что он ещё умел

делать из прежнего своего ремесла. Да и вынужденную безработицу воспринимал, как временную.

Однако, подвела Кузьму хозяйская жадность. Последний не собирался особо тратиться на еду для «дедка»: китайская лапшичка, хлеб, чай и еще кое-что – как раз, чтоб только ноги не протянул. А ведь общеизвестно, что чистая душа «хозяина дома» жить не может без сладенького. Причем, чем оно изысканнее, тем он ласковее с домашними. И чтобы не испортить себе репутацию, стал себя Кузьма, исключительно за свой счет, баловать мармеладами, да шоколадами. Да так увлекся таким «лечением», что стало это «бросаться в глаза» хозяину...

Его, между прочим, за глаза, меж собой, все Борькой звали: и работники, и служащие налоговой инспекции, и даже бомжи, которые у его магазинов «люминевый урожай» в виде пустых банок из-под пива каждый день снимали. Так вот, Борьке показалось весьма подозрительным то обстоятельство, что когда он «забыл» Кузьме выдать очередное «жалование», он вовсе не осерчал, и это никак не отразилось на его ни моральном, ни физическом самочувствии. Более того, Борька стал замечать, что дедок, даже поправился и как-то по-стариковски, на особинку, похорошел. Решил он проследить за Кузьмой, так, чисто, из вредного любопытства.

Однажды, поздно вечером, он, находясь в игривом расположении духа, как вор, прокрался на территорию собственного предприятия и притаился под окном сторожки. Стал ждать.

Ничего не подозревающий Кузьма, еле дождавшись пока растворятся во мраке все надворные постройки, замурлыкав себе под нос любимый романс «Гори, гори, моя звезда!», приступил к нежному чревоугодию.

Плоское лицо Борьки, не изуродованное интеллектом, медленно всплыло над нижним краем окна. Если бы Кузьма взглянул в тот момент в окно, то увидел бы круглый лоснящийся шар, обрамленный сверху норковой шапкой, а снизу тоненькой бородой и как бы приклеенными изящными усами над верхней толстой губой. Бесцветные глаза Борьки, почти не имели ресниц и, казалось, бровей тоже, по причине их белёсости. Это создавало впечатление воздушности, нет, даже особо рода бестелесности его головы. И Борькино лицо, принадлежащие этой голове, стало свидетелем чего-то такого, из-за чего вскоре зрачки его глаз округлились и стали пугающе темными, как у кота перед прыжком на добычу. И было от чего!

Кузьма, любитель ночной скрытой жизни, в силу своего непростого воспитания и таланта, несколькими щелчками пальцев привёл себя, помещение и содержание стола в полный порядок. Изящный костюм, неизвестного зарубежного покроя, аккуратная прическа – преобразили его внешность. Старинное кресло, резной

стол, медвежья шкура на полу – так он благоустроил помещение. Свечи в бронзовом подсвечнике, китайский чайный сервиз, горы сладостей, французское вино в хрустальном графине – так он «изобразил» стол.

Тело Борьки, пораженное, увиденным, как снайперской пулей, отяжелев, медленно сползло на завалинку. Потом, как бы опомнившись, снова дернулось вверх, что позволило хозяину вновь заглянуть в окно. Кузьмич блаженствовал! Уже переодетый в китайский шёлковый халат, из под которого выглядывало тонкое дорогое бельё, он маленькими порциями, смакуя, поглощал одно маленькое пирожное за другим, запивая их маленькими глотками вина, которого Борька отродясь в своей жизни никогда не видел на прилавках у сольских магазинов. Откуда-то звучала музыка и явно не «Мурка», а более что-то классическое, а потому опять-таки неизвестное Борьке.

Первое, что захотелось сделать Борьке – ворваться в сторожку с криком: «Банзай!». Но хитрость победила...

На следующий день, несчастный предприниматель напился до обморока. Параллельно соображал, как «расколоть» дедка. В его воображении поочередно возникали образы: то золотой рыбки, то скатерти-самобранки, то старика Хоттабыча.

Напившись к ночи окончательно, вдрызг, в одном из пивбаров, он жаловался другану:

- Колян! Понимаш! Тут вкалываешь, вкалываешь, можно сказать, совесть спаиваешь, душу поминая, а какой-то дедок пальцем «шелк!» - и у него все на халяву, как на блюдечке... Прикинь! Без всяких осложнений с ментами и бандитами. Без каких-нибудь: «этому в лапу», «этому в морду», «этому в лоб»!

А еще через день, Борька завалил в сторожку к Кузьме с дюжиной пива наперевес, как говорится, «жаждою томим» и, без предисловий, брякнул напрямую:

- Слушай, дед, ты мне всю голову сломал. Кто ты такой?!

- Ась? – прищурившись, откликнулся Кузьма.

- Только пургу не гони: я тебя засёк. И, предупреждаю, в сказки не верю!

- Может, куды сходить надо, хозяин? Али можа, чё не так?

- Ой, не доводи до греха, дедок! Я сейчас в крайней степени расстройства! – скрипя зубами, простонал Борька.

- Вижу, милый, вижу – аж, с лица спал. Ты пивка-то выпей, глянь, и голова поправится. Можа, чё привиделось спросонья? - сочувственно покачал головой Кузьма.

С криком: «У-у-у-у!» Борька, как подраненный пёс, выскочил из сторожки.

Так закончился их первый «откровенный» разговор.

На следующее утро Борька взял себя в руки и приказал секретарше Любане вызвать официально Кузьмича на его самоличный приём. Любаня округлила удивленно глаза и, надув губки, попыталась возразить:

- Боренька, но ведь от него пахнет!

- Дур-р-ра – сдержанно прорычал побледневший хозяин. – Во-первых, деньги не пахнут, а, во-вторых, знала бы ты вообще, чем это всё пахнет... - двусмысленно отрезал он и угрожающе прикрикнул:

- Ну, кому сказано!

Обиженная секретарша капризно дёрнула обнаженным плечиком, машинально поправила пышную грудь и прическу и, преодолевая себя, едва накинув поверх своего великолепного тела соболье манто, вызывающе твёрдой деловой походкой направилась в сторону сторожки.

Через несколько минут Кузьмич уже скрёбся в дверь хозяина.

- Да! – как можно грознее прогремел из-за двери Борька, который в окно уже видел, что к нему в контору направляется Кузьмич.

Кузьмич приотворил дверь и, осторожно заглянув, робко спросил:

- Можно?

- И даже нужно! – сразу без паузы начал Борька на старика психическую атаку. – Что же это ты творишь, бестия!? Я тебя, можно сказать, пригрел, приголубил, доверил ответственный объект, а ты в рабочее время бедлам устраивать! Пиши объяснительную, на какие такие шиши и по какому праву ты третьего дня ночью устроил пикник прямо в сторожке!

- Чего сделать-то? – и взаправду серьезно, напрягшись всем телом, спросил Кузьмич.

- Ты Ваньку-то не валяй – не прикидывайся тетеревом глухим, видали мы и не таких! Говорю – пиши объ-я-сни-тель-ную! – уже не нарочно, а всерьёз начал «заводиться» хозяин.

- Объяснить ... это, конечно, можно... - почесав затылок, как-то враз успокоившись, задумчиво протянул старик. – Только вот писать... это... этому делу ... В общем, не сподручно это мне, так как по причине ненадобности не владею такой премудростью... - сказал Кузьма чистую правду и вопросительно посмотрел на Борьку.

- Как?!

- Да в том-то и дело, что никак! – вставил быстро Кузьмич.

В воздухе повисла тревожная пауза.

Борька, вставший с места во время своего угрожающего диалога, от неожиданности медленно осел в кресло.

- Ты что, это ... в самом деле ... или издеваешься надо мной? - Выдавил он из себя. А потом, побагровев, попытался расслабить галстук на толстой шее. Со стороны могло показаться, что с ним случился приступ удушья.

- Вот тебе, кре... - поднял было Кузьма руку для крестного знамени, но, вовремя одумавшись, отдернул её ото лба будто ошпаренную кипятком. – Да посуди сам, ну зачем нам ... потомственный сторожам, эта забава?

- Так ты, что и в школу не ходил? – подозрительно осведомился Борька.

- Почему же не ходил? Ходил, конечно, вот оттуда-то за неспособность и шалости разные меня и выдворили. Как щас помню, пришел поп с кадилом и давай в разные углы святой водой брызгать, пришлось оставить ... занятия - не мой дом оказался... - абсолютно серьёзно признался Кузьмич.

- Какой поп, какое кадило?! Что ты мне голову морочишь?! – простонал, опомнившись, Борька. – Ну не умеешь писать и ладно, но хоть читать-то обучен?

- Чевось? – опять искренне любопытствовал Кузьма.

Тут вдруг до Борьки дошло, что ничего старик ему не напишет и не подпишет: он нутром почувствовал, что дед совсем его не боится, а выгнать этого, по его понятиям «придурка», просто так, «щей не похлебавши», нельзя.

- Ну ладно, дедуля... - ухмыльнулся он, покачав головой, - Иди-ка ты ... ну, в общем, пока на работу. Но разговор наш не окончен. – уже совсем серьёзно и твёрдо поставил точку предприниматель.

Едва звук шагов Кузьмича затих за окном, Борька вызвал к себе секретаршу.

Люба Ветошкина вошла в кабинет торжественно и одновременно официально. Вся её фигура выражала достоинство и особого рода честь. Надетые специально для этого случая очки, обиженно поджатые губы, воинственно прищуренный взгляд – всё выражало протестующую её душу не согласную с недавним поведением начальника.

- Я вас слушаю, Борис Петрович! – почти надменно, чуть не по слогам чеканя каждое слово, произнесла молодая женщина.

- У-у-у как всё запущено... - откровенно раздевая взглядом её сдобное тело, чуть игриво, грассируя голосом, протянул Борька. – Сколько хочешь бабла для полного счастья!? – вдруг резко, даже привстав с места, выпалил предприниматель.

- 100 тысяч зелёных! – даже не моргнув глазом, так же резко и даже как-то зло отпарировала Любаня.

- Будет! - Точно, как в аптеке! Если, как говориться, готова повиноваться.

Выражение не только лица, но и всего её тела немедленно приняли совершенно другой вид. Оно как бы сначала растаяло, затем по нему пробежал лёгкий бриз, потом оно зажурчало весёлым ручейком и в заключении зазвучало страстным прибоем, который приближался всё ближе и ближе к Борису Петровичу, пока не обрушился на него

сияющими брызгами глаз и вздохом умиления выразившемся в одном радостном возгласе:

- Боренька, я вся твоя!

Борька знал, что Любаня любит деньги искренне и вдохновенно. Что романтическая её душа интуитивно давно ищет случая совершить любой бесовский поступок ради осуществления своей чистой и бескорыстной мечты - плюнуть надменно в лицо какого-нибудь Бориса Николаевича считающего, то он может владеть ею, как вещью. Она была искренне убеждена, что для этого ей нужны деньги. Много-о-го денег! И, желательно, наличными.

Таким образом, оказалась, что сделка, ещё не начавшись, была уже на предварительном этапе завершена обоюдным согласием сторон.

...Поздним вечером того же дня, в полнолуние, в направлении сторожки маленькими шашками осторожно двигалась чья-то тень. Как только она пересекла единственный освещенный ночным фонарем пятючок двора около избушки сторожа, тень мгновенно испарилась, и на её месте возникла сияющая фигура молодой женщины, облаченная в норковую шубку, тонкий газовый платок, накинутый на пышную копну рыжих волос. Даже на приличном расстоянии от этого обаятельного оптического обмана умопомрачительно веяло дорогими духами, запах которых, перемешиваясь с запахом только что выпавшего снега, мог произвести на обоняние случайного проходившего мужчины, что-то наподобие специальной газовой атаки. Такая атака способна любого из особей этого пола привести в иступленное состояние, передав мгновенно все функции разума здоровому инстинкту - немедленно и желательно безраздельно обладать объектом, являющимся источником данных запахов. Конечно, это была Любаня, которая приступила к исполнению коварного плана Борьки, суть которого сводилась к тому, чтобы подручными для неё средствами морально разложить Кузьму и выведать секрет таинственного обогащения.

Кузьма в этот вечер был настроен особенно миролюбиво. Обстоятельства складывались таким образом, что ему в последние дни даже не надо было и выдумывать какие-то свои традиционные, положенные по статусу, шалости. Естественное его поведение, без каких-либо ухищрений с его стороны, производило такой каламбур чувств у хозяина, что, как говорится, «тьфу-тьфу, не приведи Господи!» Кузьме оставалось только быть собой, что он собирался сделать и в этот вечер, как вдруг раздался осторожный, но дробный стук чьих-то, как показалось, безработному домовому, маленьких когтей о стекло окна сторожки. Не по-стариковски проворно Кузьма во мгновение ока оказался у двери и, нарочито глухим голосом, пробурчал: «Кто там?».

- Свои... - ласково и негромко откликнулась за дверью Любаня.

- Свои все дома! – присказкой, но уже менее сурово, скорее, для приличия, ответил Кузьма и одним щелчком отворил тяжёлый дверной засов.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась волнительное тело молодой женщины.

- Ну, что, дедуля, жизнь прошла, как говорится, а вспомнить нечего!? – развязано, по-босяцки, приняв соответствующую позу, небрежно бросила Любаня заранее приготовленную фразу.

- Как, уже! – совсем по-молодецки, ни сколько не смутившись, будто бы всегда ждал этого вопроса, отпарировал, подхватив интонацию Кузьма, чем явно сбил с толку Любаню, не ожидавшую от него такой словесной прыти.

Женщина поджала обиженно губы и подумала: «Ах, ты, старый козёл!.. – Ну, ничего! – От меня так просто не отделаешься!»

И тут же её красивое тело содрогнулось от всхлипа, а ещё через мгновение лихорадочно затряслось от плача.

- О, несчастная я женщина! – простонала театрально Любаня. – Я бы никогда не позволила себе обратиться к вам с просьбой, но у меня такие проблемы, такие проблемы... - Тараторила она, очевидно, соображая, какие могут быть проблемы у дамочки, бывшей уже несколько лет успешно любовницей хозяина, увешанной как новогодняя ёлка драгоценностями и вдобавок, одетой в норковую шубку, так запросто, как в какой-нибудь застиранный домашний халатик... Но так и не найдя ответа на эти мгновенно возникающие в её голове вопросы, решила, не замарачиваясь на них и, в целом, на личности дедка, прямо перейти к делу:

- Дедуля, ходят слухи, что вы подпольный миллиардер?! – Выдержав паузу, для большей правдоподобности затаив дыхание, она умоляюще посмотрела на Кузьму.

Домовой сделал удивленные глаза и развел руками вокруг, как бы говоря: «Разве так живут сказочные богачи?!».

- Только не говорите мне, что это не так! – продолжила свой трагико-комичный монолог Любаня и для большей эффектности, на всякий случай, плюхнулась головой на грязный стол, застланный старой газетой с забавным названием «Свеча».

Кузя, наблюдавший за лицедейством молодой женщины, будучи сам прирожденным актёром, искусство которого было важной частью его основной профессии, не мог не любоваться шалостями молодой женщины. От удовольствия его глаза засветились, с лица спала нарочито накинута тень, словом, он помимо своей воли, начал постепенно молодеть, ибо ни по возрасту (300 лет для домового не возраст!), ни по натуре своей он, конечно, не был старым человеком.

Седая его борода превратилась в огненно-рыжую, брови – в смолянисто чёрные, кожа на лице подтянулась, пивной животик исчез,

осанка выправилась. Усилиями воли домовой пытался сдержать этот процесс, но это было выше его сил – игра стремительно затягивала его в свои силки. Вот уже и комната сторожки начала преображаться. Куда-то исчезли обшарпанные и закопченные стены, которые заменили свежетёсанные брёвна, увешанные чучелами охотничьих трофеев (глухаря, тетерева, головами кабарги, кабана и т.п.), на выскобленном докрасна лиственничном полу лежала большая медвежья шкура. Вместо старого письменного стола, с одной сломанной ножкой, на котором, можно сказать, «лежало» тело Любани, возник резной «ореховый» стол, застланный дорогой скатертью, на которой, в свою очередь, уютно расположилась в хрустале и фарфоре разная сибирская снедь, и соответствующие случаю напитки. В углу жарко полыхал камин, на стенах в старинных подсвечниках мерцали толстые не парафиновые, а восковые свечи. Словом, когда женщина подняла на Кузьму свои заплаканные, наглые, но красивые глаза, он уже сделал всё, чтобы ей достойно подыграть.

Но то, что для домового игра, для человека – мистика. Увиденное произвело на Любаню неожиданный эффект: она по слабости девичьего своего здоровья, как принято говорить, лишилась чувств. Или, может быть, это была удачная её импровизация. Так или иначе, но когда Кузьма, встревоженный произведенным эффектом, наклонился над женщиной, чтобы так сказать оказать скорую медицинскую помощь, Любаня неожиданно цепко вцепилась своими тонкими руками в его шею. Ещё мгновение и, благодаря какому-то неуловимому до автоматизма отработанному движению, тело женщины очутилось на руках у Кузьмы. Оно, несмотря на свои округлые формы, оказалось достаточно легким, и домовому ничего не оставалось, как поднять его. Застегнутая всего лишь на одну пуговицу шубка соскользнула с плеч Любани, и Кузьма, буквально перед самым носом своим, увидел обнаженную женскую грудь. Его взору открылось белое, что называется кровь с молоком, тело, которое было главной примечательностью и достоинством секретарши. Любаня, умевшая им управлять виртуозно даже с закрытыми глазами, бесчувственно-кокетливо откинув голову навзничь, грациозно «демонстрировала» Кузьме маленькую соблазнительную родинку на шее чуть пониже левого прозрачного уха...

Это был уже перебор: терпение домового лопнуло. Помещение сторожки во мгновение ока потонуло во мраке. Любаня почувствовала, как что-то мохнатое, то ли урчащее, то ли мурлыкающее сначала заёрзало на её теле, а потом забегало, тыркаясь носом в самые неприличные места. Женщина взвизгнула. Попыталась соскочить с рук Кузьмы, и ей это легко удалось, так как оказалось, что она лежала уже не на его руках, а на топчане, застланном овечьим тулупом. Женщина на мгновение застыла как суслик, стоящий в поле на задних лапках, прислушиваясь и принюхиваясь к происходящему. Стоя на полу, она

отчетливо почувствовала, что её шуба (на её родном теле!) ожила, задвигалась. Возникло ощущение, что сотни мышек соскальзывали с её плеч на пол. Ей даже показалась, что она во мраке слышала шлепки от падения их маленьких тел на пол. Любаню затрясло. Потом она, позвериному, длинно и протяжно, взвыла, стряхнула шубку, пинком отворила дверь сторожки и так, прямо в чем мать родила, ринулась на улицу.

Через минуту в сторожку с грохотом ввалился запыхавшийся и решительный Борька.

- Ты, чё, дед, совсем спятил! Ну, пошутила баба, за что же её так-то?! А если она немой на всю жизнь останется?! Да, я же тебя к ней сиделкой приставлю!!! – вопил он, переходя временами на визг. И вдруг, «споткнувшись» о глаза Кузьмы, осёкся.

Перед Борисом Петровичем сидел совершенно другой Кузя. То есть он внешне был прежним: та же клетчатая, выдавшая виды латаная перелатаная байковая рубашонка, белые как снег, вьющиеся волосы и борода, нос картошкой, лицо, слепленное из глубоких морщин, руки, сплетённые из набухших вен и золотистой кожи, но вот глаза... На Бориса Петровича внимательно, даже немного сурово, смотрел совсем другой человек. Человек, который имел особое право так смотреть. Предприниматель почувствовал даже некоторую робость перед Кузьмой, от которой тут же, скорее по привычке, он попытался избавиться, размышляя про себя: «Ну, разыграл нас дед! Да, ловко у него это получается! Но не Хаттабыч же он, в самом деле!?» А вслух, серьёзно и уже спокойно добавил:

- Кузьмич, ты прости нас... В самом деле, немного перестарались ... У меня к тебе деловое предложение... Словом, поделись своим секретом, разумеется не задаром! Говори, сколько? - Всё будет, ручаюсь, путём!».

- Куда сбегать-то? - стряхнув с глаз холодную пелену, хитро прищурившись, приложив ладонь к уху, спросил Кузьма.

- Да ладно, дед, хватит придуриваться. Говорю же, неправы были...

Кузьма досадливо крякнул. Затем сначала взворошил, а потом погладил обеими руками окладистую бороду, как будто только что вышел из бани, и ему необходимо было её подсушить. Потёр правой рукой нос, так как будто у него он чесался, или его прихватило на морозе. Медленно поднял на Бориса Петровича, вновь ставшие серьёзные и, как показалось предпринимателю, даже усталые глаза.

- Что же вы за люди такие? – Тихо и задумчиво произнёс домовой. – Выгляни в окно.

Борька послушно прильнул к окну.

- Видишь?

- Чего-го-го? – удивленно протянул предприниматель.

- Вот в том-то и дело, что ты уже ничего давно не видишь, а значит, и чувствуешь навряд ли. Выйди-ка, выйди, выйди во двор. Может быть, стронется сердце, да и увидишь что-нибудь.

И снова Борька, как заколдованный, послушно, вышел во двор.

«Двор как двор... - незлобно размышлял Борька, – Вот недавно складское помещение классное построили, а внутри, подалее от посторонних глаз, сауну замастрячили, с бассейном, предбанником отделанным под старинную сибирскую заимку...» Вдруг по глазам его скользнул свет слегка раскачивающегося на столбе электрического фонаря. Борька на мгновение зажмурился, потом открыл глаза и ...

Причудливые лунные тени кудрявых акций, стройных высоких елей, посаженных давным-давно прежними хозяевами, струились по белому покрывалу недавно выпавшего снега, только в одном месте перечеркнутого ногами его и Любани. На ветвях елей было столько снега, что казалось – во двор пришли невиданные богатырского роста сказочные герои, одетые в роскошные песцовые шубы. Повернув голову направо, Борис Петрович как будто впервые увидел открывающуюся с пригорка, на котором располагалось его хозяйство, панораму старого города. Ему на мгновение показалось, что он оторвался от земли и полетел над светящимися белыми крышами, темными срубами домов, из труб которых курился легкий древесный дым, а почти каждый из которых окружали разнообразные, сахарные от снега, деревья. И всё это: сугробами засыпанные маленькие огородики, торчащие из снега покосившиеся заборы, электрические столбы, повиснувшие на проводах, нахохлившиеся вороны орнаментно застывшие на огромных тополях, даже проваливающиеся в снег, но гордо шествующие по крышам кошки, а также брешущие во дворах собаки с заиндевелыми мордами, вывалившимися красными языками и белым дыханьем - вдруг показалось Борису Петровичу таким трогательным и родным. А когда он поднял глаза к небу, то, от хлынувшего сияния звезд, таинства манящего простора, у него закружилась голова и оттаяли глаза. Когда, ослепленный и одновременно прозревший от увиденного, он их зажмурил, с ресниц скатилась большая слеза, которая стукнувшись о верхнюю губу, просочилась к нему в рот. Солоноватый её вкус почему-то напомнил предпринимателю, вкус собственной крови, который он когда-то «испробовал» впервые после очередной мальчишеской драки.

Притихший, словно пристыженный, Борька, осторожно приоткрыв дверь, шагнул внутрь сторожки.

- Ну и сколько это всё стоит? – насмешливо спросил предпринимателя Кузьма. – Неужто и взаправду думаешь, что можно чудеса такие, как песню колыбельную, глаза влюблённой женщины, душевный разговор – купить и продать?

От этих простых слов у предпринимателя мороз по коже пробежал. Он вдруг ощутил какую-то давно неведомую ему, то ли сердечную слабость, то ли душевную пустоту.

- Слушай, дед, у тебя выпить ничего не найдется, что-то так муторно на душе, что аж в горле пересохло? – судорожно прохрипел Борька, глотая воздух как хариус, выброшенный на берег рыбаком.

- Что больно? Это хорошо... Знамо сердце ещё шевелится. А из питья у меня только чай индийский с чабрецом, говорят, успокаивает... На-ка, глотни. – сказал Кузьма, протянув предпринимателю белую эмалированную кружку с обитым краем.

Борис Петрович сделал несколько больших глотков теплого, действительно душистого чая, поблагодарил и как-то нерешительно встав, спросил:

- Я пойду?

- Иди, милый, иди ... И шубку Любанину прихвати, пусть не сердает на старика...

Когда за мужчиной закрылась дверь, Кузьма, выглянул в окно. Предприниматель неспешно брёл по двору в сторону своего офиса, край длиннополой шубки слегка задевал сугроб, оставляя извилистый след. Снег вновь не на шутку разошёлся, большие его хлопья падали так плотно, что вскоре силуэт Бориса Петровича растаял в снежной небыли.

И всё бы закончилось, как в сказке, если б не проклятый русский характер. В этот же вечер Борька запил горькую, а уже через неделю прямо из запоя попал в психушку. Случай оказался крайне тяжелым, поэтому «эпатировали» бывшего хозяина Кузьмы напрямик в Иркутск, а потом и далее, поговаривают, в Александровский централ, печально известный тем, что там «оседают» неизлечимые душевнобольные. Один из местных жителей рассказывал, что он совсем перестал изъясняться на человеческом языке. Только всё почему-то пальцами щелкает и глядит вокруг выразительно так, будто ожидает, что после очередного щелчка произойдет какое-нибудь чудо.

Кузьма после этого случая уволился. Народ сказывает, его видели в сторожках и на проходных других предприятий, преимущественно частных. И будто бы по этой зловерной причине, численность предпринимателей в маленьком сибирском городке стала постепенно сокращаться.

УТОПЛЕНИК

Идея поехать на рыбалку возникла спонтанно после выпитой родственниками, образно говоря, «поллитровочки». Причём, надо заметить, образ этот был настолько неопределённого размера, что впоследствии никто из них не мог назвать даже приблизительно вместимость ёмкости, жидкость которой, имевшая слегка резиновый привкус, и стала настоящим прологом этого рассказа.

Ну, как бы там ни было, а именно её чудотворное действие побудило в определённый момент Алексея-старшего почти в приказном тоне заявить Алексею-младшему:

– А не сгонять ли нам, того самого, на утреннюю зорьку. Да и ушицу опять-таки давненько около костра не хлебали...

Сказано – сделано. В металлическом гараже нашлось всё необходимое: снасти, рыбацкая экипировка, фонарь-шахтёрка, топор, котелки, посуда, продукты, главнейший из которых – «баян» с гомырой.

Младший Алексей, не имевший ещё пока богатого опыта употребления спиртного, уверенно держался за руль мотоцикла «Урал». И, неуверенно стоя на ногах, ещё более неуверенно, но глубокомысленно изрёк:

– Чё-то мне всё это как-то не по себе.

– Как раз! Красота! – бодро резонировал дядя Лёня, которого промеж себя родственники звали Говорушей – Раз так – ныряй в люльку – я поведу... Но, чур, и не дыши. А то наши «гаишники», сам знашь, – сущие звери: унюхают тебя за версту. Не зря слава о них по всей России гуляет, как медведь-шатун, по умам разных гонщиков-перегонщиков.

И тут я, уважаемый читатель, должен вам, как человек искренний, сообщить очень даже характерную историю об усольских гаишниках, вполне истинно подтверждающую мысль Говоруши. Тем более времени у нас предостаточно: не так-то просто завести и приладиться к мотоциклу, который стоял «на приколе» уже не один месяц, двум, хотя и лирически настроенным, но явно находящимся в подпитии сибирякам

Не далее как за год до описываемой нами истории мимо города следовал военный транспорт в виде боевой машины пехоты (БМП). Держал он путь-дороженьку не откуда-нибудь, а аж из самого что ни на есть центрального тела России. Заляпанный сначала чисто российской, потом уральской и западносибирской грязью, он резво нёсся по просторам нашего Отечества, отставляя за собой густой шлейф выхлопных газов, с короткими, но весёлыми остановками у понравившихся речушек и изб, хозяйки которых имели приятственную внешность.

БМП вполне благополучно таким макаром проследовала почитай полстраны. И вот, поди ж ты, споткнулся об Усолье. Да ни об какое-нибудь там уральское, а что ни на есть о самое настоящее «Сибирское». Дело было так.

В то раннее утро на въезде в пригород, около моста через речку Белую, стоял самый матёрый из районной госавтоинспекции старшина Гаврилов, который, поговаривают в народе, ни то что у залётных лихачей, у собственной жены два раза права изымал за нарушение установленных государством дорожных правил. Надо сказать, что испорченный службой и семейной жизнью крутой нрав старшины в то утро был подобен двум взведённым куркам, на которых лежали его вспотевшие от ожидания выстрела дуплетом пальцы. Причина тому была очень даже простая и житейская: дежурство было праздничное, а его, старого служаку, как молодого, втолкнули нести службу в праздничный день. Обидно... В общем, не повезло экипажу БМП. Когда сей экзотический транспорт, имевший от грязи непонятный цвет, замаячил на мосту, да ещё неосторожно на повороте пересёк встречную полосу, клокотавшая в душе Гаврилова обида выплеснулась наружу, и он поднял милицейский жезл. Ну, уж когда БМП, слегка притормозив около Гаврилова, дала аккурат напротив него по газам, обрызгав грязью не ожидавшего такого манёвра милиционера, в душе у старшины будто что-то перевернулось.

«Совсем оборзели вояки! Мало того что с заляпанными номерами рассекают, так ещё и пренебрежение выказывают! Ну, ничё! Щас я вам покажу, кто здесь хозяин!» – лихорадочно размышлял Гаврилов, нервно вставляя ключ в замок зажигания казённого милицейского уазика. А дальше всё происходило как в лучших приключенческих фильмах. Без особого труда старшина настиг не очень-то ходкую БМП, но его приказание остановиться осталось без внимания экипажа. Более того, когда он поравнялся с ревущей от напряжения боевой машиной, она попыталась вытолкнуть его российский джип на обочину. Учитывая, что весовые категории у автомобилей были явно не в пользу государственного блюстителя дорог, Гаврилов по рации обратился к городским коллегам, которые оперативно перекрыли своими автомобилями въезд в город. А так как кроме Московского тракта, пересекавшего город, никаких других входов и выходов из него не было, БМП, не решившись на таран, свернула в сторону Ангары и петляла по улочкам старого города, пока её блюстители порядка не прижали к берегу реки напротив Красного острова...

Каково же было удивление гаишников, когда из открывшегося люка с поднятыми руками показались не военные, а гражданские лица... Впрочем, удивление было обоюдным, некие граждане России, приобретшие по сходной цене одну из списанных не имеющих вооружения БМП, так сказать для хозяйских нужд, никак не ожидали, что благополучное их путешествие по городам и весям нашей страны будет пресечено в коком-то захолустном сибирском городке. После этого случая усольских блюстителей порядка на дорогах по-особенному зауважали коллеги из других регионов, а также местная

автолюбительская братия. Станным было только одно: герой этой истории так и остался старшиной, а вместо повышения в звании даже, поговаривают, получил взыскание за превышения своих полномочий. Якобы он формально не имел право останавливать транспорт другого ведомства... Хотя, может быть, это только сплетни. Ведь наш народ горазд на выдумки... И тем не менее усольские (да и не только усольские!) счастливые обладатели личного транспорта суеверно верили, что по дорогам города и района рыскает некий обиженный старшина Гаврилов, который возникает неожиданно, как дух, в самое неподходящее время, в самом непредсказуемом месте для рядового водилы, чтобы сорвать на нём злость за совершённую над его личностью несправедливость.

Эту историю и ещё в более красочных подробностях знали оба Алексея. И хотя вслух они не произносили тотемное имя и должность, но каждый в душе по-своему сомневался. Однако природная гордость сибиряка им не позволяла своими опасения делиться друг с другом. Нервное напряжение выразилось лишь в том, что когда родственники всё-таки завели вытолканный из гаража «Урал» и взгромоздились на сидения, сразу же как по команде притихли, неизвестно почему то затаивая временами дыхание, то глубоко дыша в сторону.

Тем не менее город рыбаки, хоть и неестественно медленно, но преодолели успешно: повезло, на Московском тракте, который пронизывает его, почти не петляя, в этот день не было ни одного «скрытого» поста государственной автоинспекции. А когда миновали стороной злополучный мост, где они инстинктивно всё-таки ждали засаду, то и вовсе осмелели. Ехали «с ветерком», заглушая шум двигателя, кричали в ухо друг другу какие-то малозначащие, но радостные слова и через каких-нибудь 30 минут были уже на месте.

А место это знатное, раздольное, величавое! От безохватного взглядом пейзажа, от густого воздуха, настоящего на полевой ромашке и хвое корабельных сосен, которые, выйдя на крутой берег реки, стройными рядами стоят, подняв свои руки в небо, – голова с непривычки от разгула запахов, цвета и пространства кружится. А недалеко, но чуть поодаль – Магойская гора, сотканная уже совсем из другого леса: лиственниц, берёз, осин и пихты. Если бы оба Лёхи шагнули в эту сентябрьскую благодать, уже вспыхнувшую малиновыми, оранжевыми и жёлтыми цветами, то непременно сапоги окропили бы спелой брусникой, которая бродила в «чанах» солнечных распадков, как брага в бутылки где-нибудь за хозяйской печкой. Да и по нетрезвому делу наверняка примяли бы ни один сырой или сухой груздь, которые в здешних местах растут хитро, прячась в опавшей хвое исключительно «слоями», то есть небольшими семействами, когда один из «родственников» иногда хоронится под шляпкой другого. А уж что говорить о волнушках, рыжиках и опятах...

Лёхе-младшему это место было известно сызмальства. Именно здесь многочисленная его родня дружно сажала, а затем копала в прежние времена каждый божий год картофель. Он, любимец молодых тётушек, проворно делал таган, разводил костёр, пёк в углях картофель, а затем с наслаждением наблюдал как усталые, но счастливые родственники ели и пили, что, как говорится, бог послал. А потом травили байки, пели песни, которые разносились по воде далеко-далеко...

Дядька знал, как племянник любил эти места, поэтому и заманил его «под настроение» в эту благодать. И тем более было удивительно услышать Алексею-«большому» от Лёни-«маленького», когда они очутились у реки, почти неприличный вопрос:

– Где мы? – устало, будто очнувшись от долго сна, спросил он, тоскливо всматриваясь в темнеющую гладь реки.

– Ты что?! – Ёлки-моталки! – В Магое! – с небольшой обиденкой в голосе, но всё же достаточно бодро отрапортовал старший. – Смотри, какая красота! А запах! Запах-то! Это тебе не у бабы под подолом нюхать!

– Чё-то мне всё это как-то не по себе... – подозрительно оглядывая песчаный берег, резко обрывавшийся перед водой, уже почти трезво констатировал «маленький» Леша.

– Ты мне брось, понимаешь ли, накручивать! Софиокл сыскался! Каркаешь тут: «Не по себе, не по себе...» Не порть настроения. Да и опять же – рыба этого не любит. Наверно, уже «лыжи наострила» от наших берегов! Лучше запали костёр, да сгоноши чего-нибудь поесть, а то что-то в горле пересохло...

Пока младший занимался костром, ходил за водой, старший поставил переметы, закинул удочки и закидушки. К этому времени совсем смеркалось. Небо слилось с речкой, и от этого казалось, что звёзды просыпались на землю. Казалось, что именно их мерцание, а не блики от пламени костра освещали лица мужчин, которые, закончив каждый своё дело, присели подле него рядом с разложенной на брезентовом плаще нехитрой снедью. Две эмалированные фляжки, самодельная фляжка из нержавеющей стали, именуемая в народе баяном, чёрный хлеб, нарезанный толстыми ломтями, несколько помидоров, дольки домашнего душистого сала, зелёный хвостастый лук – вот и весь «пир горой», который Говорун оценил короткой, очевидно одобрительной фразой: «В самый раз!» И с видом очень занятого человека, быстренько набулькав в кружки гомыры, сходу, подняв одну из них, весело продолжил:

– Ну, чтоб хотелось и могло!

Родственники, как водится, чокнулись. Помня святой девиз, что «не вовремя выпитая вторая – безнадёжно загубленная первая» – повторили, но уже не чокаясь. Именно после второй чарки настроение у

младшего начало резко увеличиваться, а у старшего, наоборот, пропадать: он после каждого приёма вовнутрь резво бегал проверять закидушки... Но рыба как сквозь землю, то есть сквозь воду провалилась!

– Это всё из-за тебя, Лёха Боханский, – ворчал он, награждая немного обидным, но свойским прозвищем младшего. – Говорил же, не любит она этого!

– Да ладно, ну чё ты? Давай банку сайры вспорем – вот тебе и уха! – виновато, чуть картавя, отпирался младший, подбрасывая в огонь сухие ветви черёмухи и вытирая рукавом суконной куртки перепачканное сажей лицо. Видел бы он в эту минуту себя со стороны! Косматые грубые, чуть выющиеся волосы больше напоминали русое воронье гнездо, из которого торчали хвоя, какие-то листья и даже обломки тоненьких сухих веток. Внушительный нос, особенно пострадавший от сажи, казался обугленной головешкой. Не человек, а лесовик с двумя зелёными глазами, в которых отражалось пламя костра, и от этого казалось, что они как-то по-особенному светятся в наступивших сумерках.

– Худая примета... – задумчиво произнёс старший, потом, почувствовав, как в желудке гомыра стала превращаться в Змея Горыныча, требующего чего-нибудь срочно перекусить, отрезал: «А, давай, ёлки-моталки, всё одно уже до утра к речке ни ногой!».

Сказано – сделано. Младший Лёха «во мгновение ока» сгношил «уху», и они, обжигаясь, потушили полыхающее пламя спирта в желудке. Правда, при этом литровый «баян» быстро убавился в весе... И вскоре всё тот же дядя Лёня воскликнул: «Там ща-а-с налимов около берега кишмя кишит! Надо перемерт проверить!» С этими словами он бодро встал, сделал несколько шагов в направлении берега, резко затормозил на самом его краю, за которым следовал заурядный песчаный обрыв, но было поздно... Старший родственник мужественно попытался руками схватиться за воздух, но тело сообразило, что это дело пустое, поэтому на мгновение напряглось и застыло, а затем благополучно, но кубарем скатилось к самой воде. Раздался лёгкий всплеск...

Младший тем временем оцепенело смотрел на пламя костра, кажется, даже не заметив, когда и как дядя покинул его. Его память, растворяясь в тёплом дыхании огня, подарила ему детские ощущение радости от соприкосновения с удивительным и загадочным миром природы. Как будто он только что встал рано-рано утром и со своим закадычным другом Вовкой, прокравшись на велосипеде по сонным городским улицам, выехал на берег Ангары. Река встретила их шёпотом волн, приятной прохладой и туманным взглядом противоположного берега, над прибрежным лесом которого только ещё начало еле-еле светлеть небо на Востоке. Сердце молодого мужчины заколотилось по-

мальчишески тревожно и сладостно, как тогда, когда он первый раз дотронулся до руки любимой девчонки.

Он и сам не понимал в то мгновение, отчего и почему так любит колдовство прикосновений своей души к непостижимому и тревожному миру природы, наполненному невнятным и ясным, сложным и простым, пугающим и манящим смыслом жизни, которая совсем непохожа на жизнь людей и одновременно немыслима без её осуществления в каждом человеке в виде обыкновенных дождя, снега, ветра, солнца, деревьев, птиц, воды – всего, что он привык называть тёплым и добрым словом «природа». Словом, которое при всей своей притягательности не отражает и мгновения великого возвышенного смысла, которое оно должно вмещать в себя.

Леонид чувствовал особым нечеловеческим чутьём себя частицей, былинкой этого космического явления. Никакая существующая в мире сила или любовь не могла разорвать этого предопределённого или, точнее, *обречённого единства*. Несмотря на постоянное напоминание жизнью людской, что он человек, например, дома, везде где он появлялся среди людей, он явственно ощущал, что он, прежде всего, всё ЭТО – зелёное, золотистое, голубое, белое, щебечущее, цветущее, шепчущее, вздыхающие, движущееся, дышащее...

Нет! – Он никогда не произносил слова признания любви ни к небу, ни к таёжным распадкам, ни ягодным борам... Даже если бы и захотел, то не знал, как это сделать. Он просто, так же как сейчас, зачарованно смотрел на всё ЭТО, забывая о том, что он человек, постепенно становясь с миром природы одним целым. А запомнив совсем, что он человек, – чувствовал себя *осуществимым*, что на языке людей может называться счастьем. По сути, и общался он с людьми только для того, чтобы поделиться этим своим *осуществлением*, к чему был приучен неосознанно с самого раннего детства своими ближайшими родственниками – прирождёнными таёжниками, такими как дядя Лёня. Это он начал брать его с собой на охоту и на рыбалку с раннего детства. Например, именно Говорун научил его, как разжигать костёр на снегу, ночевать в тайге без палатки, находить съедобные растения, ловить рыбу подручными средствами (если понадобится без крючка и лески), добывать зверя без единого выстрела (петлёй, плашками), отличать съедобные грибы и ягоды от ядовитых, метко стрелять и многому другому, что позволило ему самостоятельно видеть, слышать и чувствовать, как живёт тайга. Какой у неё характер в той или иной местности, какое в данный момент настроение, о чём она думает сейчас, как поступит завтра, что ей нравится, а за что может наказать. Поэтому подолгу иногда оставаясь в тайге, он временами начинал «плутать» сам в себе, не понимая, где начинается он, а где она. Поэтому, о чём бы и с кем ни говорил Леонид среди людей, постепенно, незаметно для самого себя, начинал рассказывать не о себе и своих поступках, а об ощущениях и

чувствах, которые у него возникали при очередном общении с природой. Он быстро начинал скучать среди людей и тосковать по этому общению. Зимой и летом для него было достаточно малейшего предлога, чтобы «удрать» в тайгу. По большому счёту, никому из домашних, ни жене, ни тем более детям не нужны были его грибы, ягоды, рыба, орехи, черемша и прочие дары природы. Всё это можно было купить для их небольшой семьи на ближайшем рынке. По вполне понятным причинам, им был нужен он сам – муж и отец. Но он относился к традиционным сибирским промыслам с религиозным фанатизмом, не позволяя никому даже заикнуться против его этой своеобразной, добровольной службы. Такое языческое самоистязание вызывало недоумение, раздражение, в лучшем случае, жалость со стороны близких людей... Даже огородничество, которым он увлёкся в последнее время, было всего лишь, хоть и рукотворным, но островком природы, на котором он, насколько это было возможно, прятался от назойливой семьи, постоянно угрожающей его мироощущению разными бытовыми проблемами. Особенно для него был невыносим квартирный порядок, в котором не было места ни его телу, приученному сизмальства к походной постели, благородной тесноте зимовья, космическому простору тайги, ни его душе, привыкшей слушать себя и природу, а не пустую болтовню о житейских горестях и печалях, ни ему разуму, логика мышления которого не совпадала ни с одним из домочадцев. Особенности расхождения в миропонимании, как ни странно, у Леонида сложились с домашним котом, которого в семье считали даже более равноправным членом, чем его. Он воспринимал кота как перебежчика в человеческий мир с другой стороны. Домашний, то есть очеловеченный кот отвечал ему явно тем же. С любопытством наблюдая за молодым мужчиной, он смотрел на него с высоты своей подстилки (в качестве которой частенько выступал, в том числе, Леонид) в лучшем случае снисходительно, а чаще презрительно-понимающе. Словом, по-настоящему дома «маленький Лёня» чувствовал себя только в лесу. И поэтому сейчас на душе у мужчины, несмотря на бурлящий в крови алкоголь и щемящую грусть одиночества, было хорошо и просто. Хотелось смотреть, не отрывая взгляда от пламени костра, долго-долго на рдеющие угли и медленно проваливаться в сон вместе со своим постепенно затихающим ночным собеседником... Но! Вдруг с берега донёлся голос Говоруна:

– Лёша! Кажись зацеп – подмоги!

Оцепенение спало с глаз Леонида. Чувствуя, что гомыра отчасти уже сделала своё дело, он не рискнул резко встать на ноги. Но, как сознательный, попытался сделать это плавно. Не получилось. Тогда трезвый разум отправил пьяное тело на помощь к дяде на четвереньках. Поэтому падение его с обрыва было менее болезненным: он

проскользил по песчаному откосу на животе, как это делают порой дети, катаясь со снежной горки, политой водой.

Мужественно присоединившись к дяде в роли Жучки из сказки «Репка», Лёша-«маленький» даже нашёл в себе силы прокомментировать ситуацию:

– Не-е-е, Лёня дядя, это не того, а – топляк. Вишь, понемногу, поддаётся.

И действительно, старательно сопя, рыбаки, сантиметр за сантиметром, выбирали бечёвку, пока метрах в пяти что-то не появилось на поверхности реки.

– Дело верное – топляк, – настаивал младший. Старший ничего не отвечал: посапывая он упорно продолжая тянуть «бревно». Когда до него оставалось рукой подать, дядя вдруг принял стойку пса, почувствовавшего опасность.

– Японский городской! – выдавил он из себя. – Да. Какой же это, к ядреной Фене, топляк? Аккурат – натуральный утопленник!

– Чё-ё-ё?! – почему-то шепотом спросил младший и застыл как вкопанный.

На некоторое время стало так тихо, что рыбаки слышали тихий плеск волн о гладкий песчаный берег и завораживающее гудение комарья, которое, сбившись в «кучу», терпеливо поджидало родственников на суше.

– Вот гад, на ближние крючки «клюнул», – прервал паузу младший. - Режь леску, дядь Лёнь!

– Не по-человечески это. Надо его достать, раз уж так вышло...

– Ну-у-у, ты-ы-ы да-а-а-ёшь... – всё ещё не решаясь двинуться с места, выдавил из посиневших губ младший, слегка постукивая то ли от страха, то ли от холода зубами.

– Молчи, малява. Привяжи бечёвку за что-нибудь, мать твою за ногу, и посвети мне фонарём.

Младший послушался, как и положено, старшего. Фонарь выхватил из тьмы тревожное лицо дяди. Оно в этот момент показалось Лёше не по годам молодым. Тёмные пряди чудь седеющих волос прикипели к мокрому лбу. В чёрных бесовских глазах расплавились зрачки, обыгавшие губы слегка вздрагивали, выдавая внутреннее напряжение мужчины, которое любая особь мужского пола хоть один раз в жизни испытывала перед схваткой с противником. Кровь отхлынула со смуглых почти цыганских щёк, движения дяди стали точными и резкими. Скинув сапоги, он, стиснув зубы, сопровождаемый лучом «шахтёрки», медленно перебирал леску, направляясь напрямиком в сторону покойника...

Когда до него оставалось всего метра полтора, дядя Лёня в нерешительности остановился: старшему почудилось, что на него внимательно смотрит большой, открытый глаз мертвеца. Поэтому он

машинально повернулся к берегу лицом. Потом намотал для верности леску на руку. Затем, чуть отдышавшись, начал медленно переставлять ноги по мелкой гальке, которая щекотала голые ступни и скатывалась с лёгким шуршанием вниз по течению. Дядя Лёня, взятый на буксир Лёшей маленьким, двигаясь наискосок, уже почти достиг берега, как вдруг леска ожила и, издав мелодичный негромкий звук, натянулась как струна. Последовавший резкий рывок не дал возможности Говоруно удивиться. А уже в следующее мгновение раздался чуть ли не у него под ногами оглушительный всплеск. Дяде показалось, что это разорвался снаряд или граната. Бечёвка взвизгнула и, как порванная струна, со свистом резанула воду. Оживший «покойник», вильнув хвостом, ушёл в глубь Белой.

Ноги у старшего Лени подкосились. Он сел. Вода журчала у самого подбородка.

– Чё это было? – раздался голос с берега.

– Сколько мы выпили сегодня? – вопросом на вопрос ответил старший.

– А кто ж его знает: баян-то из нержавеющейки...

– Да, Лёня, жидко мы с тобой ... это самое, сам понимаешь... Таймень это был! Матёрый... – и, нервно хихикнув, добавил:

– Смотри, не сболтни кому. Мужики до смерти засмеют. Рыбаки, ядрёна вошь...

Через некоторое время они уже молча сидели у костра, который в этой компании теперь был самый весёлый. Хмель у мужиков как будто рукой сняло. Произошедший инцидент каждый переживал по-своему. Племянник, не желая обсуждать произошедшее, пошёл, светя себе под ноги фонарём, в лес за дровами, хотя их около костра было в достатке. Дядя плюхнулся около костра на брошенную на траву стежёнку и сделал вид, что спит. Но это ему плохо удавалось: он беспрестанно ворочался с боку на бок, вздыхал, покрывали и что-то недовольно бормотал себе под нос. А когда Леонид пришёл из лесу, волоча на себе внушительную лесину, первым «ожил»: резко сел и, растирая затёкшие ноги, в категоричной форме заявил:

– Ещё не хватало захворать! Так ты говоришь, Лёха, там в баяне что-то ещё булькало???

Намёк дяди племянник понял как прямое руководство к действию. Снова на таганке закачался котелок, подброшенные сухие ветки в огонь «разговорили» костёр. Блики от пламени весело забегали по лицам рыбаков, их огромные от полнолуния тени начали исполнять пантомиму на траве. А не умеющий подолгу унывать Говорун, подёргивая плечами от смеха, начал в лицах припоминать произошедший курьёз, особенно забавно передразнивая испугавшегося племянника. А когда эмоции, подогретые остатком спиртного, понемногу улеглись, он, вдруг посерьёзнев, заметил:

– А леску-то я на руку зря намотал... В верховьях по Ангаре года два назад был такой случай...

Жил там на Заячьем острове дед Михеич. Дедом его звали не из-за того, что ему лет много было от роду, а потому что, во-первых, по наружности своей выглядел он стариком. А во-вторых, из уважения перед его рыбацкими способностями. Словом, «дед рыбалки», наподобие того, как «дед ВДВ». А почтение ему такое было оказано за знание особых секретов добывания ни какой-нибудь там соровой рыбы, скажем, ельца, хариуса, карася, окуня или щуки, а линка, осётра и особенно тайменя. Ловил он только на заказ, но по призванию души. Брал за свою работу дорого, так как этот промысел был его единственным заработком, поэтому простые смертные, такие как ты и я, к нему не обращались...

И всё-таки я пару раз бывал у него в зимовье... Как и многие местные рыбаки, хотел подружиться с дедом и, каюсь, выведать хоть какие-нибудь его рыбацкие секреты. Михеич вычислил меня, как говорится, на раз. Нет, он не прогнал меня, от нехитрых подарков моих в виде сала, чая, варенья не отказался. Показал, где лучше всего рыбачить на острове, посоветовал, на какую снасть лучше всего ловить то, что каждый малец умеет удить в Ангаре... Но как только речь зашла о таймене, хитро прищурился и перевёл разговор на другую тему. Когда же я попытался повторить свой вопрос, прямо посоветовал мне не браться за это рискованное и муторное дело, которым надо жить, а не из спортивного интереса шлындать по реке. В общем, так я от него и уехал не солоно хлебавши...

Помню, при первой встрече меня поразила его внешность и необычного вида его жильё. У седого как лунь Михеича были совсем молодые, какие-то необычайно ясные глаза, которые не вязались с глубокими морщинами на его лице и багровым шрамом от уха до подбородка. По всей видимости, это был след от ножа или какого-то другого острого режущего предмета.

Неприхотливый в одежде и еде, он не курил, не пил и строго следил за чистотой в своём зимовье: с грязными ногами ввалиться в его дом было непозволительно самому крутому клиенту. Бревенчатый его сруб ни чем не отличался от подобных зимовьюшек, раскиданных в окрестной тайге. Двери ниже среднего человеческого роста, маленькое окно, двускатная крыша, почерневшие от ветра, солнца и влаги стволы листвяка, которого, кстати, отродясь не росло на острове.

Зато внутри зимовья была своя атмосфера. Вместо полатей у одной из стен стоял старинный кожаный диван, покрытый толстым верблюжьим одеялом. Над ним всегда весела шашка и двустволка с резными вензелями и необычными курками в виде миниатюрных изюбровых рогов. У приземистого стола не лавки, а несколько табуретов ладной ручной работы. Ещё у одной стены стеллаж, полностью

заставленный книгами. На особом месте среди них стоял импортный транзисторный приёмник – единственное средство связи с миром. На полу домотканые половики, перед дверьми коврик и какие-то простецкие полочки для обуви, на которых стояло несколько пар кожаных тапочек, очевидно, для гостей. По крайней мере, мне выдавались Михеичем именно они. Посередине комнаты, как водится, железная печка, обложенная кирпичом, который был облицован керамической плиткой. Вот и вся обстановка...

Разговаривая с кем бы то ни было, Михеич мысли свои выражал просто и незатейливо, никогда не матерился. Лишь иногда сквозь его речь прорывалось какое-нибудь мудрёное слово, которое он сразу же, как бы извиняясь, объяснял. По всему было видно, что он человек образованный, но никогда своим образованием не перед кем не козырял и решительно оставил всё это своё образование в какой-то другой своей жизни, о которой никто толком ничего не знал.

Сказывают, как-то раз дед Михеич во время нереста на одной из своих потайных ямок выловил крупного тайменя с икрой. Дело для него обычное. Но не успел он его снуть с якорька, как деревянное днище лодки кто-то так протаранил, что дед едва не вывалился из неё в Ангару. Рыбак подумал «Топляк-нырок!» Но через некоторое время, когда он, налегая на вёсла, уже преодолел значительное расстояние до дома, удар в днище повторился. Михеич понял, что здесь что-то не чисто: не мог же топляк, хоть и нырок преследовать лодку против течения! «История» повторилась ещё несколько раз, пока он плыл к Заячьему острову... А когда, раскатав болотники, он вытаскивал лодку на берег, метрах в трёх от деда сплавился огромный таймень. Он был, судя по хвосту и бочине, такого размера, каких Михеич отродясь не видал. Удар по воде был такой сильный, что брызги от него не просто долетели до рыбака, но и окатили его, можно было бы сказать «с головы до ног», если бы дед не стоял в это время по колено в воде.

Потом дед рассказывал мужикам, что от этого у него в душе сделалось как-то нехорошо... Он вдруг отчётливо понял, что его преследует друг пойманной им самочки, с которой он, видимо, на пару поднимался выводить потомство, и который в отличие от других рыб обладает каким-то особым нечеловеческим разумом...

И случилась с дедом в ту пору неладное. Скрытный, не особо разговорчивый Михеич, никогда не рассказывающий встречному поперечному о том, что у него на душе, стал навязчиво пересказывать всем, кто к нему наведывался, о странном поведении тайменя. Рассказ его приобретал всё больше и больше фантастических деталей, которые в первоначальном варианте им не упоминались и вообще быть в природе не могли. Как, мол, он отскребал от днища лодки чешую и кровь тайменя, что вечерами он рыскает около берега, отгоняя от острова мелкую рыбёшку, в лунные ночи подымается на самую

поверхность реки и смотрит долгим холодным взглядом в сторону его зимовья ... А когда он спускает лодку в воду, будто бы преследует его, разгоняя, а может быть, сообщая рыбе об опасности, поэтому фортуна рыбацкая отвернулась от него и больше он не может добыть ни линка, ни осётра, ни тем более тайменя... Словом, «крыша поехала» у деда. Ясные глаза помутнели, взгляд стал тревожным, блуждающим. И будто бы он кому-то из мужиков заявил, что пока он не выловит этого тайменя, житья ему не будет...

Я думал, брешут мужики, но как-то, проплывая с друзьями на моторке недалеко от острова, я заметил его лодчонку. Мы свернули к деду, чтобы его поприветствовать. Заглушили мотор, подошли на вёслах, так как знали, что Михеич не признавал моторного рёва, считая, что он распугивает рыбу. Он, увидев нас, помахал рукой, показывая, чтобы подгребали поближе. Когда наши лодки «чёкнулись» бортами, я смог его хорошенько разглядеть.

Это был совсем другой человек. Из заросшего щетиной лица, на нас смотрели глаза затравленного зверя. Всегда загорелая, смуглая кожа почему-то имела матовый с лёгкой синевой оттенок. Обыгашие на ветру тёмно-коричневые, потрескавшиеся губы с белым налётом около краёв более напоминали коросту, чем рот человека. А когда он открыл рот, между верхней и нижней губой на мгновение образовалась нитка слюны. Говорил он глухим потусторонним простуженным голосом. Слова появлялись, как фарш из мясорубки, после каких-то, как мне показалось, болезненных усилий. И вообще было такое ощущение, что вместо языка у него во рту какая-то клейкая масса или каша. Кроме того, на расстоянии полутора метров явно чувствовался запах перегара: без сомнения, дед был либо с крепкого похмелья, либо находился в длительном запое. Потрясающий воображение портрет завершали ключья седых волос, торчащие из-под брезентового капюшона плаща, надвинутого на самые глаза рыбака.

Без всякого злого умысла кто-то из мужиков, видимо, тоже пораженный внешностью Михеича, брякнул, думая, что он пошутил: «Ну, ты дед даёшь! Ни дать ни взять – чистый утопленник! Да, ты тут нам своим видом всю рыбу распугаешь!»

– А я и есть утопленник... – угрюмо в тон ему ответил Михеич. – Только вот не пойму, когда утоп, то ли лет десять назад, то ли вчера...

Почему-то после этих слов не только шутить, но и продолжать разговор уже не хотелось. Мы, не сговариваясь, оттолкнулись от лодки Михеича и как от чумного, едва извинившись, рванули от него, как говорится, на всех парусах, пообещав, что на обратном пути заглянем к нему на огонёк. Через сутки, проплывая мимо острова, мы уже держались противоположного берега: ни у кого из нас почему-то не было желания прикоснуться вновь к явно опустившемуся человеку. К тому же, глянув мимоходом в бинокль на зимовье деда, мы увидели, что дверь

его была раскрыта настежь, из трубы не вился дымок, лодки на берегу не было. Стало быть, и хозяин отсутствовал...

Спустя некоторое время по реке прошёл слух, что Михеич бесследно исчез. Примерно ещё через месяц вниз по течению на другом берегу Ангары, где-то за Олонками, местные рыбаки обнаружили утопленника. По плащу опознали, что это Михеич. На руке его была намотана леска, на другом конце которой, метрах в десяти, так же на берегу, лежал громадой, по виду килограммов под сто, полусъеденный воронами таймень, челюсти которого были плотно прихвачены крупным якорем, насаженном на искусственную мышь. Стало быть, поймал-таки Михеич своего обортня-тайменя, да только это была его последняя рыбалка...

Закончив свой невесёлый рассказ, Говорун немного помолчал, а потом негромко добавил:

– Так что зря я леску на руку намотал – не делай так никогда...

– Да, ну-у-у, жути нагнал. Нас же двое было! Я, можно сказать, тебя на буксире тащил! – уточнил племянник.

– И то верно... Не просто двое, а двое родственников. Давай помянем мужика, хоть и нелюдимый, но всё же человеке был. И, потом, мы все на этой земле в каком-то смысле родственники... Михеич как-то об этом запомнил... Ну, пусть будет ему земля, как говорится, пухом.

Родственники выпили не чокаясь. После этого поминального тоста разговор между ними как-то не клеился.

Лёшка-младший, поджав ноги к подбородку, снова начал оцепенело смотреть на языки пламени, время от времени поправляя ногой горящие древесины.

Дядя некоторое время, лежа спиной на бараньем полушубке, провожал долгим взглядом тающие в ночном небе искры костра. Потом его веки потяжелели, и он мирно засопел.

Племянник заботливо укрыл дядю брезентовым плащом, чтобы шальная искра не нарушила его нехитрый костюм и сон. А сам повернулся к реке и, насколько у него хватило бодрости, долго и неотрывно смотрел на тёмную ленту реки, которая, изгибаясь на Восток, несла в сторону ближайшего сибирского посёлка сонмы трепещущих звёзд. Где-то вдалеке на другом берегу плясал огонёк рыбацкого костра. «Наверное, такие же как мы полуночники ...» – засыпая, подумал Лёшка. От этой мысли у него почему-то по жилам растеклась приятное тепло, тело расслабилось, и смешная, грустная, таинственная жизнь постепенно превратилась в ясный и понятный сон, в котором двадцатипятилетний парень продолжал восторгаться и удивляться красотами родного края, любить близких и родных ему людей.

И снились Лёшке-младшему переливающаяся на солнце прозрачная вода, гальяны, тыкающиеся об ноги на мелководье, широкая речная зеркальная гладь, посередь которой он со своим другом и младшим

братишкой плывут на плоту будто бы не по воде, а по небу, облака которого отражаются один в один в быстрине Белой. А ещё ему снился домик с пыхающим камином, будто бы причмокивая, поедающий осиновые поленья; русская баня, в которой они с дядей и другими родственниками наяривают друг друга берёзовыми вениками, а потом нагишом выбегают в ночь, жадно вдыхая всем телом ночную прохладу, источающую тонкий запах первого снега; чёрный кот, млеющий на солнцепёке; сырые лопухие, чуть с горчинкой, хрустящие на зубах грузди в большой тарелке рядом со скворчащей на сковородке поджаренной на сале картошкой; огромная луна, трепыхающаяся в речных волнах, подобно сказочному сазану; какие-то женщины, развешивающие полощущееся на ветру постиранное бельё на верёвке; дружное застолье всей своей родни с теми, кто уже давно ушёл из жизни и теми, кто здравствует ныне, а он среди них совсем маленький смотрит, смотрит широко раскрытыми глазами на их разгорячённые счастливые лица, и кажется, что этому счастью – видеть их, нет конца и края...

Словом, снилась ему вся его прошлая, настоящая и будущая, может быть, долгая, а может быть, короткая, как Бог даст, жизнь. И лицо его в этот момент, уже тронутое слегка морщинами, было по-детски чистым, простым и задушевым, открытым для его прочтения хоть человеком, хоть деревом, хоть птицей...

ЖАРЁХА

Городок наш небольшой. Еще каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад, это сибирское поселение было всего лишь «большой

деревней», и звание города по отношению к нему звучало пародийно. Но в последние десятилетия советской власти значительно расстроился комбинат - единственное более или менее крупное предприятие города - и вместе с ним выросли новые кварталы благоустроенных домов, Город неузнаваемо изменился. Испокон веков живший строго размеренной жизнью провинции, он вдруг зажил стремительно, в ритме развитого индустриального города.

Не все из старых жителей сумели приладиться к такой жизни. Часть разъехалась по окрестным деревням. Часть, нервничая, крепко попивая и проклиная всё на свете, доживала свой век за добротными бревенчатыми заборами, из-за которых можно было временами услышать одну и ту же фразу: «Вот в старину бывало... А щас... - всё не то».

Третья часть сумела приспособиться и найти своё место в этой свалившейся на их голову круговерти стрекочущих трамваев, шмыгающих туда-сюда автобусов.

Приезжие бывших жителей «большой деревни» называли старожилами, потому что жили они в старой, деревянной его части, которая ютилась вдоль берега Ангары. Попадешь в этот жилой район, и на вас сразу, дохнет запахом старины. На длинных прямых его улицах, между огородами, многие из которых по причине ненадобности поросли лопухами и крапивою, кажется, застыло само время. Всё: резные ставни и наличники на добротных лиственных домах конца 19-го начала 20-го веков, лай собак и истошный вопль кошек по ночам, запах дыма и сена, бабки на завалинках, рассматривающие тебя долгими пристальными взглядами, - вызывают в каждом коренном сибиряке воспоминания милого, увы, безвозвратно минувшего детства.

Детство! Пора открытий и узнаваний себя и окружающего мира через жизнь своих близких и дальних родственников, их друзей, знакомых и соседей. Да, именно соседей, потому что сосед – в небольших сибирских деревнях, посёлках, а ранее – заимках, это почти родственник. С ним делились радостью и горем: настоящий сосед – это первый помощник на свадьбе и похоронах, ему особое доверие и уважение. Он был подмогой при строительстве, заготовке дров, сборе урожая, заготовке сене – да, мало ли дел по хозяйству, которые требуют в горячую пору лишнюю пару рук. Так всем миром спокон веков и жили в Сибири.

И «мир» этот был наособицу, потому что его живая душа слагалась из потомков тех, кто в Сибири когда-то искал прибежище своему уму, смекалке, желанию жить по людским, а не по казённым законам. Такой образ жизни охранялся и охраняется ещё до сих пор кое-где, не писанным кодексом, который в народе кличут «Закон –

Тайга». Этот закон не разбой или своеволие, как думают некоторые «проходничи» - прохожие на этой земле, не знающие своих корней, да и собственное семя, не умеющие толком заронить в землю. Это - порядок, обусловленный суровыми обстоятельствами общения с природой, которое невозможно без взаимовыручки, уважения друг к другу среди людей, без рачительного, хозяйского отношения к тайге, без известной смелости и стойкости преодоления не только сибирских морозов (это скорее метафора!), а вообще всего чего бы не свалилось на голову от кровопийцев, которые, кстати говоря, любят рядиться в государственные, церковные, партийные и прочие одежды. На миру и жизнь и смерть красна, потому что «сообща», нет, не легче, а надёжнее и справедливее жить.

Это знали, и в это твёрдо верили, все, кто приходил жить в Сибирь. Будь то лихой казак, осуществлявший государственный промысел, но не забывавший о выгоде и достатке товарищей своих, потому что от плеча их зависела в прямом и переносном смысле жизнь его и его семейства. Старообрядец, который вообще не мыслил свою жизнь без общины. Любой бывший ссыльный, каторжник, позже зэк, понимал, что без поддержки местного населения он не протянет в тайге и недели. И «тайгою» этой был не только лес, распадки, горы, прижимы, ягодные боры и т.п., но и люди, ставшие неотъемлемой её частью, которые, если что не так - не по совести, – могли покарать не хуже любого дикого зверя. Об этом знали и переселенцы Сибири всех мастей, народов и времён: в чужой монастырь со своим уставом – ни-ни!

Что же касается города, в котором произошла наша история, то уклад его жизни на протяжении веков складывался, сначала казаками, потом осевшими в этих краях старообрядцами, бывшими политическими и уголовными каторжными, ссыльными, зэками, репрессированными, депортированными, зажиточными или разорившимися крестьянами, бежавшими от раскулачивания из ближайших и далёких сёл. Именно такой «корень» был у старожилов. Надо ли говорить, что у них, как у потомков этого разношёрстного народа, верившего и надеявшегося только на себя, своих родственников, соседей и тайгу, на генетическом уровне, при словах «государство», «власть» начиналась нервная аллергия. Но это не мешало им, находясь всегда в состоянии партизанской войны с ними, строить вполне сносную, без особых изысков, но достойную жизнь в рамках самобытного сообщества, проживающего в старом городе упоминаемого нами населенного пункта Иркутской области и называть себя запросто, но гордо – сибиряками.

События, которые мы опишем ниже, произошли именно в этой части города в январе. В этот день с утра ещё было морозно, а к вечеру

начался снегопад. А это значит - оттепель! Задышалось легко-легко. Вот в эту пору Фёдор Игнатьевич решил заколоть поросю, потому как опыт ему подсказывал: мясо уже в кладовке не пропадёт, а инстинкт активно подначивал: «Пора, Фёдор, жарёхой, да первачом свой организм потешить!»

Жарёха! Какой сибиряк не любит этого, сызмальства известного ему блюда, когда мама, отобрав самые сочные куски свинины, режет тесаком мясо на «хозяйские» дольки, кладёт в большую чугунную сковородку и жарит их прямо на собственном жире. Спустя некоторое время, когда мясо начинает «скворчать» и «плавать» в сковородке, издавая запах свеженины, она добавляет заранее некрупно нарезанный картофель, а ещё спустя несколько минут вместе с водой (совсем немного) и солью много сочного резанного кольцами репчатого лука и горсть сырой, кубиками накрошенной моркови. А потом в русскую печь потомиться...

Далее всё как полагается: огурчики, помидорчики, грибочки И, конечно, самогоночка. Не каждому такое кушанье по душе. Видывал я не раз, как кто-нибудь из заезжих, не в меру городских, платочком нос свой смущённо прикрывали, и – вон из избы! Оно и понятно: с непривычки жарёха из свеженинки требует особого воспитания организма и культуры потребления, которую ни за какие деньги не купишь и не приобретёшь, даже ослепнув от напряжения в библиотеках и музеях. Вот в предвкушении этой самой жарёхи, Фёдор произнёс фразу, которая положила начало нашей истории:

- Ну, чё?! Стало быть, будем резать поросю,- сказал коротко он, то ли самому себе, то ли своей «половинке» Анисье Яковлевне. И пошёл звать в помощники соседа и закадычного друга - Ивана Петровича.

Необходимо буквально в двух словах описать эту парочку интересно стареющих мужчин.

Фёдор – балагур с пышной курчавой с проседью бородой, имел на своём смуглом лице два молодых карих вечно хитро прищуривающихся глаза. По всему было видно, что в молодости девкам от него прохода не было. Сказывают, что он появился на селе, которое позже стало городом, с маленькой дочуркой и женой как бы ниоткуда... Народ поговаривал, о каких-то табунах коней, перешедших к Федору по наследству от отца, но чего не знаю, того не знаю – врать не буду. Известно только, что он сразу по приезду приобрёл несколько десятков ульев, которые его и его небольшую семью, теперь состоящую ещё и из двух внуков и одной внучки, кормили вплоть до тех самых пор, пока комбинат не начал по ночам устраивать для трав и насекомых загазовки. Пчёлы погибли,

а вместе с ними ушёл и достаток из семьи Фёдора Игнатьевича. Перейдя на «подножный корм», уже немолодой к тому времени мужчина, отродясь не работавший на государство, устроился для виду в какую-то контору сторожем, занялся вплотную разведением домашней живности, ягодным, рыбным и охотничьим промыслами.

В праздничные дни, когда вся улица становилась одной, сплочённой самогонкой, роднёй, он любил рассказать, как он получил ранение в русско-финскую войну, на что Анисья авторитетно заявляла:

- Слушайте его больше, это его партизаны подстрелили, когда он своих лошадей от них прятал...

Ещё он был знаменитым на улице, благодаря своему коню по кличке Мальчик, который регулярно особым образом доставлял домой своего хозяина, не имевшего возможности по причине действительной хромоты, в подпитии, самостоятельно забраться ему на спину. Происходил этот цирковой номер примерно так: Мальчик то ли садился, то ли ложился на землю (я коня уже не застал в живых), Фёдор заползал на него, цеплялся за холку, конь вставал и вёз ценный груз домой, который подабающим образом встречала у ворот бойкая Анисья. Так вот, потихонечку, еле сводя концы с концами, и дотянули они с Анисьей Яковлевной до почтительной старости.

Иван, напротив, обладал исключительно белобрысой безбровой наружностью с отполированной временем лысиной – этакий Кашей, при встрече с которым впечатлительные маленькие дети обычно плачут. Плачут, потому что пока не в состоянии понять, что за столь странной отталкивающей его внешностью кроется неторопливая, добрая душа, которая просвечивает в спокойных и мудрых глазах.

У него с его женой Глафирой – романтическая история. Иван Петрович не скрывал, что родом из зажиточной семьи. Батяка его был крупным в Приангарье производителем кедрового масла, которое, экспортировалось в Европу и Китай, принося миллионные барыши хозяину и существенную прибыль российской казне. Когда в тридцатые годы в Сибири полным ходом началась коллективизация, производство кедрового масла, образно говоря, «погорело синим пламенем». Погорело-то погорело, да только батя Ивана - калач тёртый, который был в своё время не по зубам царской власти, оказался не по зубам и советской... После того как он свернул своё производство, рецепты этого редчайшего целебного продукта оказались утерянными, вместе с его хозяином,

обладателем авторского патента на его производство. Теперь кто-то из наследовавших право на этот патент или перекупивший его припеваючи проживает в Америке.

Иван не последовал за своим отцом, отказался от него, вступил в комсомол, позже в коммунистическую партию, воевал, был ранен награжден орденом Красной Звезды и медалями... И весь этот кувырок судьбы не из-за любви к родине, и тем более к власти большевиков и их вождю, а ... из-за любви к своей ненаглядной Глафире. Она была его старше на год. В своё время вышла замуж, родила троих детей от первого брака. Муж был вдвое старше молоденькой к тому времени уже 19-летней женщины, один из ведущих специалистов на комплексном производстве отца. В один прекрасный для Ивана и Глафиры день их пути-дороженьки пересеклись, они влюбились друг в друга и через несколько месяцев парень умыкнул её вместе с детьми из соседней заимки. Они бежали и, без благословения родителей, оформили свой брак в советском загсе. Завербовавшись на стройку, Иван, как семейный, получил землянку, и зажили они с Глашей в страшной бедности, но большой любви. К тому моменту как им дали настоящую двухкомнатную с отдельным входом «фатеру» в большом бывшем купеческом доме, от холода и сырости умерли дети, прижитые в первом браке. В новом доме Глафира родила ещё шестерых – двух девочек и четырёх мальчиков и заделалась пожизненной сердобольной домохозяйкой и нежнейшей мамкой своих мальцов – поселковой голи перекатной, пацаны которой уже до войны держали в руках местное «общество», а после войны, став взрослыми мужчинами, и подавно. Вся жизнь её – это ожидание мужа из командировок, с войны, штопанье, глаженье, стирка, готовка, уборка, работа на огороде. Но ни на минуту в своей многотрудной жизни она не пожалела, что когда-то ради своего белешенького Ивана оставила уважаемого мужа, сытую, налаженную и благополучную жизнь. Муж и дети – это и было её Отечество, а всё окружавшее их – политическая борьба, технический прогресс, строительство коммунистического общества, ни то что было второстепенным для неё – вообще не существовало... И прославилась на своей улице одной присказкой, которую часто повторяла и соседи, удивляясь её дремучести, недоумевали: как это у Ивана из-за её «языка» нет никаких неприятностей с властью...Глафира всегда была очень набожной, хотя Иван как «партийный» работник запрещал ей в доме держать иконы и ходить в церковь, которой, по правде сказать, в посёлке и не было: её в тридцатые годы переделали в клуб. Это была серьёзная травма для её души. «Лечила» Глафира её большим количеством молитв, строгим соблюдением постов и других

православных, а, заодно, и языческих праздников. А когда кто-нибудь из детей, конечно, бывших в свое время октябрятами, пионерами, комсомольцами, пытался на неё распространить дурман атеизма, убеждая её в том, что Бога нет, она покорно «соглашалась», комментируя это по-своему: «Нас это не касается, мы люди тёмные – не советские...». Дети, пораженные таким заявлением своей тишайшей, добрейшей мамы, которая за всю свою жизнь мухи не обидела, где-то «по секрету» проболтались кому-то из своих сверстников. С тех пор, так и повелось: «Где живут такие-то», «А это которые «несоветские»? – Вон там!» Детей это обзываловка страшно злила, пока не повзрослели. А потом попривыкли, а в новые либеральные, а потом «дермократические» времена - даже гордиться стали этой историей. А Глафира, если её спросить сейчас, по совести, и сама не сможет объяснить, почему она «несоветская». Но только это действительно так было, есть и теперь уж будет всегда до скончания её веку.

Когда эта парочка – Иван да Фёдор - соединялась вместе, что случалось по причине их соседства, довольно часто, происходили различные забавные истории. Забавные для всех, кроме их жён...

Вот в этот раз выбор оружия был недолгим.

- Ружьём. - Дуплет в голову и – верное дело... Нечя здря животину мучить,- решил, вслух, за себя и за друга Игнатъевич.

Приняв по стакашке (чтобы руки не дрожали), и приготовив всё, что полагается в таких случаях, они, взяв ружье, бодрым шагом направились в стайку.

И тут... Васька (так звали поросё), издав крик самого настоящего дикого зверя, неожиданно бросился между ног Игнатъевича. Дед не ожидал такого свинского поступка от кабана и со всего маху сел тем самым местом, что пониже спины, в гущу мокрых опилок. Пальцы, лежащие на спусковых крючках взведенной «втулки», произвели ложный, но от этого не менее оглушительный, выстрел. Когда дым от выстрела рассеялся, Игнатъевич, встав на четвереньки, «перешагнул» за порог стайки.

- Петрович?!

Лысая голова друга увенчанная молодёжной вязанной шапчонкой, медленно появилась из-за двери ...

- Чё ж ты, ядрена корень?.. Ловить надо было-ть! - не зная, что сказать, отрезал растерянный и злой Игнатъевич.

- «Ловить надо бы-ло-ть».- передразнил его Петрович.- Вот ты бы-то и ловил!

- Эхе-хе-хе! - сплюнув в сердцах и махнув рукой, Игнатъевич встал и поспешил к огороду. Тем временем возбужденный кабан по

ходу своего движения крушил в огороде живым тараном своего тела решительно все, попадающиеся ему навстречу надворные постройки. Этого оскорбления Игнатьевич выдержать был не в силах. Уже не раздумывая, с ходу, как бывало в молодости, вскинул он вновь заряженное ружье и выстрелил. Кабан упал...

На этом мы прервем на некоторое время рассказ, опуская, может быть, кому-то неприятные подробности разделывания туши кабана, а также описание небольшого сибирского застолья (соседски!), которое может развиваться по разным сценариям, но финал будет всегда один и тот же - похмелье.

А вот горькое оно будет или, фигурально выражаясь, «побуждающее к возрождению жизни» это уже зависит от различных жизненных обстоятельств, главнейшее из которых для сибиряка - его жена. Она, как правило, является не только хранительницей домашнего очага, но и зарплаты или пенсии... А, возможно, того и другого вместе - в зависимости от возраста и здоровья похмеляющегося. Так вот, в некоторых экстремальных случаях «это обстоятельство», в обличье второй половины, может оказаться жизненно непреодолимым, по причине испорченного мужем накануне настроения: неласковым словом; «неверным», в прямом смысле этого слова, взглядом, сориентированным налево; излишней болтовней или чрезмерным молчаньем; удушающим запахом курева; раздражающей прямолинейностью и открытостью в разговорах с друзьями (язык развязался!); хвастовством или того хуже бахвальством; большим количеством выпитого и ещё сотен, а может быть и тысяч подобных причин, имеющих одну цель – объяснить непутёвому мужику, что истинная ценность в их семье не телевизор, ружье или автомобиль, а жена, желания которой – закон, а статус священ! А сам он, дескать, только для того и существует, чтобы эту ценность хранить и беречь как зеницу ока. Ясно, что при таком раскладе, шансов на похмелье как явление, «побуждающие к возрождению жизни», равно почти нулю, поэтому у сибиряка похмелье, как правило, горькое...

Вот и в этот раз проснулся Фёдор от беспорядочной ругани Анисьи Яковлевны, каждый поток которой начинался с одной и той же присказки: «Да чтоб тебя...».

Старик приподнял от подушки голову. Её тотчас пронзила страшная боль. Но, вспомнив одно старое золотое правило (лучшая защита – нападение), набрал впалой грудью побольше воздуха и, стараясь предать своему голосу как можно большую суровость, попробовал сделать заявление, которое в данном случае прозвучало как чистосердечное признание на допросе:

-Ну-ка, старуха! Давай...того... за поллитровкой в магазин – голова трещит.

Анисья Яковлевна удивленно подняла на него свои, враз почему-то остекленевшие глаза. Её лицо, на лоб которого спадала седая прядь, вдруг напомнило Фёдору лицо мультяшной снежной королевы, но только состарившейся.

Возникла пауза, после которой Игнатъевич, облегченно было вздохнул и хотел поднять глаза. В тот же миг над его головой просвистела алюминиевая походная кружка. Старик втянул голову в плечи. Анисья сделала угрожающий шаг в его сторону. Но потом, раздумала, безнадежно махнула рукой в его сторону и, вернувшись на место, с ожесточением, но уже молча принялась за прерванную работу. Старик, накинув стежёнку, выскользнул из дома.

- Вот возьму и повешусь, поплачешь ты тогда у меня... - раздраженно пробурчал он себе под нос. «А что, если...» - мелькнула у него лукавая мысль ...

Будь Игнатъевич не с такого глубокого, да ещё «горького» похмелья, ни за что бы в жизни не решился на такую глупую шутку. Короче говоря, он обмотал себя за пояс веревкой. Затем пропустил её через подмышки. Накинул сверху стежёнку. Встав на лавку, подвесил веревку на крюк, предварительно надев отдельно петлю на шею, которую для видимости тоже подвязал к этой же веревке. Потом выбил из-под собственных ног лавку... Но то ли звук падающей лавки был недостаточно громким, то ли бабка стала туга на ухо под старость лет... Словом, Анисья сразу, то есть в тот же миг, на пороге не появилась.

«Что же это она? - подумал дед, - Издевается что ли? Муж, можно сказать, повесился, а она...».

Но только когда тело Игнатъевича изрядно затекло, на пороге появилась Анисья. Старуха, тихо ойкнув, выронила из рук сумку, присела и, издав что-то вроде протяжного:

«У-у-у!» - пустилась вон из сеней.

«Куда ты? - чуть было не закричал дед.- Вот - дура - возмущенно думал дед.- Снимать надо - вдруг я ещё живой!». Едва он успел обдумать этот возмутительный поступок своей старухи, как на пороге появилась она, но уже не одна, а с Глафирой.

«Ну, вот это уж зря...» - с досадой, опять подумал Яков.

-Ой, чё же я наделала... Ой, господи! - запричитала Анисья.

«Ага! Поздно-поздно, голубушка!» – злорадствовал про себя, войдя в роль, Фёдор.

- Ну, ладно, девонька, плачь не плачь - слезами горю не помочь. Веди мужиков, без них нам не управиться,- печальным, но решительным голосом сказала Глафира и, немного подумав, добавила:

- А я тут за тебя поплачу.

Аксинья вышла. Как только шаги её затихли, Глафира перекрестила висящего Фёдора, затем сама перекрестилась и, прошептав «Прости, господи», взяла топор и оттыкала от туши поросёнка добрый кусок мяса.

«Ах, Гланька, Гланька... Знавал, что душонка у тебя малость с душком, но такого от тебя всё-таки не ожидал», - с негодованием подумал Фёдор и вслух, неожиданно для себя, добавил:

- Глафира, положи мясо...

Глашка как-то странно дернулась. Сначала осторожно глянула на дверь. Потом, полуобернувшись на Фёдора, грохнулась на пол. Фёдор, в свою очередь, видя её недвижимое тело, не на шутку заволновался. Попытался сняться с крюка - ничего не вышло. Но все же он не оставлял попыток и продолжал дергаться на крюке до тех пор, пока не услышал во дворе шум приближающихся шагов.

В таких позах и застали их Петрович с Анисьей. Женщина бросилась к подруге. Пораженный увиденным, Петрович застыл на месте. Раскачивающийся еще немного Фёдор тоже застыл, не на шутку испугавшись последствий своих шуток.

Попрыскали водой на Глафиру. Та очнулась и, выпучив глаза, замычала, тыкая пальцем на Фёдора.

- Ну, ладно, хватит икать-то. Сам знаю. Отведи-ка её, Анисья... «Вдова» не без труда утортала упирающуюся Глафиру в избу.

- Буду снимать тебя, Фёдор, - как будто живому, дрожащим голосом, смахнув наворачившуюся слезу, пролепетал верный друг. Потом поднял лавку. Встал на нее. И потянулся к веревке...

«Эх, балда, ты, балда... Как был балбесом, так и остался им!» - с ужасом подумал, открыв глаза, Фёдор. Но было уж поздно... И с криком:

- Что ты делаешь, сатана, ведь зашибёмся! - он схватил Петровича за плечи и вместе с обмякшим враз его телом рухнул на пол сеней. Потом Фёдор посадил поудобнее Петровича и плеснул ему в лицо водой. Глаза того открылись. Побледневшие губы прошептали:

- Ты-ты-ты???

И голова снова безжизненно откинулась набок.

Когда он очнулся вновь, Игнатиевич с большим трудом растолковал ему, что к чему.

Молчавший долгое время Петрович, наконец, прошептал:

- Шутник... Эх, врезал бы я щас тебе, да жаль - сил нет...

Игнатиевич страшно обрадовался голосу друга.

- Ну, пойдём, пойдём, - суетился он. - Ты моей все как следует растолкуешь. А то ж ты знаешь, какая она у меня...

Пользуясь замешательством Анисьи, вызванным её хлопотами вокруг Глафиры, мужчины, не сговариваясь, тихо просочились в дверь, а затем, на корточках под окнами и после короткими перебежками, прокрались в баню.

Пока наши герои отдыхают и располагаются в бане, мне хочется несколько слов сказать об этой территории мужской свободы. Баня! Что она значит в жизни сибиряка, знает каждый житель, по крайней мере, небольших, затерявшихся в просторах тайги, посёлков. Таинство отдохновения в этом святилище тела и души многократно описано различными писателями, так что нет надобности долго и подробно останавливаться на подробностях этого целебного и одновременно одухотворенного процесса. Хотелось бы только обратить внимание на одно обстоятельство.

Баня в наших местах для мужской половины – островок свободы, где они довольно продолжительное время могут оставаться без женского доглаза: всласть похвастаться своими, часто несуществующими достоинствами; немного приврав, повспоминать былое; употребить, кроме редких травяных настоев и замысловатых морсов, в зависимости от состояния здоровья и возраста, чего-нибудь покрепче кваса. Это также место неспешных мужицких разговоров «за жизнь», в ходе которых решаются как мелкие текущие проблемы, так и глобальные, когда на доступном философском уровне осмысливается, что творится в мире и стране.

Сколько мною было подслушано и рассказано баек в такой тесной мужской компании! Настоянные на хвое и березовых листьях, каждая из них принимала свой окрас и даже иногда принципиально иной смысл в зависимости от температуры, качества пара и каменки, расположения полков и наличия или отсутствия лежаков в предбаннике и, конечно же, от «качества» употребляемых во время рассказа напитков. В такие моменты «распаренное» людское воображение творит чудеса! Жаль, что в своё время это мной не записывалось – добрая во всех отношениях книжка могла бы родиться... Но и за то, что помню – спасибо, банька! Продолжай, милая, радовать душу и тело сибирских мужиков, располагая их души своей «наготой» к открытости и святой непосредственности!

А между тем, Иван, прикрыв за собой дверь бани, действительно, переведя дух, с опаской поглядывая в окно предбанника, как-то неопределенно и прерывисто обратился то ли к себе то ли к другу:

- Слышь, Фёдор, сдаётся мне, что за солидарность пострадаем мы вместе, а потом, дома, каждый по отдельности ещё раз. Ты – от Анисьи, а я...

На полуслове его голова дёрнулась, как поплавок на воде во время сильной поклёвки сначала вниз, а потом резко в сторону. Фёдор при этих судорожных движениях соседа тоже инстинктивно вжал голову в плечи, съехал вниз и моргнул глазами, как будто уклоняясь от залпа картечью, пущенного по нему из двух стволов одновременно...

Причина столь странного их конвульсирования была проста: распахнулась дверь бани и на пороге появилась Анисья.

- Фё-до-о-ор! – раздался раскидистый и звонкий помолодевший голос женщины. Медленно, как снайпер прицелом, обведя местность своими гневными глазами, выждав паузу, она, уже потише, не совсем уверенная, что её слышат, добавила:

- Ну, паразит! Только объявись – я уж тебе покажу, где раки зимуют...

Кобель Туман, оказавшийся в поле её зрения, как единственный из мужской половины, почуял в интонации хозяйки опасность и, громохая цепью, поспешил спрятаться в будке.

А Анисья, на одном дыхании, продолжила свой монолог в таком же духе. Ещё в течение нескольких минут её слова, отскакивая от ближайшего забора, как рекошетящая шрапнель, била по барабанным перепонкам в панике разлетающихся с деревьев птиц и сидящих тише воды, ниже травы в бане мужчин.

- Во, даёт ... как по писаному шпарит... - прошептал Фёдор.

- Шпарит не шпарит, а вот то, что она тебе сегодня вечером вжарит – это точно! – почти стихами отозвался Иван и добавил. – И поделом...

Глаза Фёдора, подогреваемые мужской гордостью, изобразили было возражение, но из груди вырвался предательский тяжелый вздох, который дал свою независимую оценку словам Ивана. Вслух же он произнёс: - Стало быть, Глафира очухалась, раз моя в курсах... Ох-ох, почему я маленький не сдох... Зазря переполошил наших девок... Анисью жалко, мне б на неё молиться, а я из каких-то сто грамм... Сволочь я...

Иван, не слушая причитания Фёдора, сосредоточенно молчал. Потом, спустя некоторое время - крякнул и жертвенно произнёс:

- Ну, кажись, делать нечего... Придётся мне, дабы избежать лишнего кровопролития, парламентом выступать...

- Ага, ага...- с нескрываемой радостью поддакнул Фёдор и льстиво добавил. – Ты у Анисьи в авторитете...

- Ну, авторитет... Авторитет это, конечно, хорошо – только он не булькает и потому слабый аргумент – строго урезонил Иван. - Ты пока я буду отвлекать внимание, перемени позицию, а главное, сбегай огородами к Маруське в сельпо и под честное слово... - тут Иван прервался, споткнувшись об враз сникший взгляд Фёдора и,

покачивая головой, добавил: - Под моё честное слово! – Возьми магарыча, скажи - до пенсии - два, нет, три... флакона. Но предупреждаю, Фёдор, до пенсии твоей! Усёк! Потом с этим «аргументом» дожидайся меня на сопредельной, пока ещё нейтральной, территории – у меня в мастерской, в сарайчике...

- Ага, ага... - послушно выслушивал наставления Фёдор, раза два, попытавший подобострастно исполнить план друга сию же минуту.

А тем временем, Анисья с Глафирой после пережитого стресса решили поправить здоровье домашним винишком, настоящим на лесной смородине. Только они выпили по первому стаканчику, головы у них «поехали», о чём они с удовлетворением сообщили друг другу и, не сговариваясь, прыснули от смеха... Но сразу прикусили язык, потому что в сенях раздался скрип входной двери, потом писклявый говорок половиц - дверь в прихожку осторожно приоткрылась и на пороге, почему-то спиной, появилась долговязая фигура Ивана.

- Так-так, лазутчик пожаловал... - нарочито серьёзно, прокомментировала появление Ивана Глафира.

- Чё застыл? – Проходи, раз пришёл: всё равно уже не стирёшь... - в тональность голосу подруги пригласила Анисья.

- Дык, я вижу, вы уже... поминаете ... - неуклюже пошутил Иван, делая шаг навстречу подругам.

- Что?! – в один голос угрожающе прошипели женщины.

Иван, на мгновение, от неожиданности застыл с поднятой ногой... Потом аккуратно поставил её на пол и смиренно продолжил:

- Так я чего...Я ничего... Балбес, говорю, Игнатич – заворил кутерьму... Вот теперяче мучает совесть... Можно сказать, искренне соболезнает случившемуся, - начал сочинять Иван, что вообще-то не свойственно было его натуре. Но, как говориться, с кем поведёшься...

- Говорит, здря обидел женщин... Не стою я, говорит, их даже пальчика, поэтому готов понести заслуженную конфузю...и, вдохновлённый молчанием подруг, продолжил. – Вы того ... Простите уже его... С отчаяния это он... Да, ещё похмелье это, тудыть твою в глотку... Неровён час, взаправду со здоровьем его чего-нибудь приключится...

Последнюю фразу он заканчивал, уже сидя за столом, протягивая руку к графину... Громкий шлепок по руке Ивана прозвучал, как пощёчина.

- Куды, бестия! Ишь как приловчился воск на воду лить - какие фигуры только не получаются! Оба вы на одну колодку! – осадила Ивана Глафира.

- Да, ладно тебе, Гланя, он-то здесь при чём... - заступилась, смягчившись, Анисья. – Пусть поправится, ведь он, как и мы, тоже стресс пережил...

- Во-о-о, точно, стресс! – обрадовался Иван и, воспользовавшись предложением, быстро налил и выпил настойки.

- У меня предложение, - хрустя солёным груздём, продолжал он. – Раз он, так сказать, дуба дал... Организовать по всем правилам ему... Поминки! Чтоб неповадно было... Заодно пусть этот артист и балабол послушает, что о нем люди говорить будут...

- Да, ты что?! Очумел что ли! – тут уже не выдержала Анисья.

Что б по живому-то поминки... Это грех-то какой... Беду накликать хочешь?!

- Он, конечно, виноват... Но не настолько же... - поддержала подругу Глафира.

- Веником он, конечно, по хребтине получит. – рассуждала Анисья. – Но, ежили честно, то я тоже хороша – не с той ноги сегодня встала... Да! Всяко бывало в нашей жизни. Но всё-таки, разве Фёдор мой хуже других мужиков: от него вреда не больше, чем от мухи, работа в руках кипит! Слабоват на язычок, что правда, то правда, так какой же человек без недостатку?!

- Да ну вас! То кроете друг дружку, почём здря, то заступаетесь... Твой тоже давеча... - сориентировался в этот раз правильно Иван, - Говорит: «Лучше моей Анисьи на всём, мол, белом свете нет... Даже не знаю, за что меня такой милостью Бог наградил...» - искренне сочинил Иван и попал в точку...

Женщины, от расстройства чувств, прослезились и со словами: «Да, чего уж там, зови злодея!» - выпроводили Ивана.

Вот так у нас всегда: если не за упокой, так за здравие. А то ещё хлеще! За упокой как за здравие, что, конечно, противоречит всякому религиозному канону, но сколько раз я присутствовал на поминках, которые заканчивались хорошими, задушевными песнями! И не потому, что хмель в голову ударил, а потому, что «покойник был весёлый человек». Словом, - мотивация! За которой вырисовывается глубокий смысл. Так уж заведено у русских: человек рождается – застолье и песни поют; человек живёт, худо ли, бедно ли, по какому-никакому поводу - застолье и опять не обходится без песен; человек умирает – обязательно застолье и нередки случаи, когда звучат песни, как один из видов памяти по его душе.

Причём, песни разные: грустные, печальные, светлые, юморные... Потому что именно она, песня, объединяет людей и в

горе, и в радости, по-особенному подчёркивает их духовную близость, сплочённость, равенство судеб перед ликом жизни и смерти...

И в этот раз нелепая шутка Фёдора стала причиной сначала скорби, потом обиды, а затем радости: «Ведь жив всё-таки, лихоимец!». Случай помог почувствовать и Анисье, и соседям, и самому Фёдору, как они все дороги друг другу, как страшно расставание с любимым из них, с кем «не один пуд соли съели» в этой жизни...

Поэтому вечером из дома Фёдора Игнатьевича и Аксиньи Яковлевны слышался хохот множества людей: друзей и соседей, пришедших посмотреть на воскресшего "покойника". Сочинилось почти стихийное застолье с хорошей сибирской закуской, потом кто-то притащил гармошку, и понеслась, как говорится, душа русская в рай!

СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК

Командировка под Новый год - это больше, чем подарок. Петрович знал об этом ещё с советских времён. Убежать из дома от

предновогодних хлопот: закупки продуктов, от головоломки, кому что подарить, кого пригласить в новогоднюю ночь – благо из благ. Опять же какая экономия денег! В общем, Иван Петрович согласился «сгонять» в Питер за новым оборудованием для фирмы без лишних разговоров.

Детище Петра Первого встретило его ненастной, дождливой не по сезону погодой. Новогодние елки на улицах города и даже в витринах магазинов в такой погодной обстановке выглядели, по меньшей мере, нелепо. И вот что странно: хотя на улице была практически нулевая температура, Петрович так зябнул, что даже умудрился на следующий день подхватить насморк, а ещё через день, под вечер, уже слёг в гостинице с температурой.

А тут ещё поставщики начали мурьжить командировочному голову. Долговязая худая фигура Петровича, маячащая по отделам сбыта, явно действовала их обитателям на нервы. Особенно женской половине: молодые и не очень молодые особи слабого пола, капризно оттопыривали губки при виде шоколадок и коробок конфет, которыми он пытался смягчить их сердца. Всё было тщетно... Что-то изменилось в стране. Петрович был опытный снабженец, но в последние годы стал замечать, что его, наработанный годами «багаж» общения, деловая хватка, воспринимаются, например, в Питере и Москве, как сундук с не востребуемым хламом. Он то и дело ловил на себе сочувствующие взгляды тех, кто, по его мнению, должен быть заинтересован в нём как в потребителе.

Может быть, всему виной возраст? Пятидесятилетний мужчина, естественно, стремительно терял свой товарный вид: походка уже явно была не рысья, а под рубашкой на груди, как бывало когда-то, не играли мышцы. Может быть, стремительное время выработало новые схемы деловых отношений, осваивать которые Петрович не успевал или не хотел успевать.

Так или иначе, но этот новогодний приезд на давно знакомую базу в Питере дал Петровичу повод остро усомниться в своих способностях соответствовать новым веяниям времени. Он ясно видел, чувствовал, нет – даже чуял, как его искреннее желание быть услышанным натывается на организованное сопротивление тех, кто с его голоса, представляющего солидную сибирскую фирму, в недалёком прошлом припеваючи жил.

Он ощущал себя человеком, который пришёл на чужой праздник жизни, да ещё в чужую страну. И пытается этот праздник всем испортить. Так совпало, что, действительно, «на носу» был новогодний праздник. На базе во всю шумели «корпоративы». То и дело при виде Петровича у рта служащих замирали вилки с закуской. Сытые люди, запивающие черную и красную икру шампанским, морщили недовольно нос, показывая всем своим видом: праздник начался, и на нём нет места «праздно шатающимся» работягам, да ещё откуда-то из далёкой

Сибири. В их глазах Петрович ясно читал: «Сидели бы вы, уважаемый, дома и не мешали людям готовится к исполнению новогодних желаний. Виноватый тон Петровича, его извиняющий вид – только добавляли масла в огонь. За три дня до наступления Нового Года этот «огонь» в приемной начальника одного из отделов вспыхнул с такой силой, что секретарша Петровичу, фигурально выражаясь, «показала на дверь». Под полуторанедельными хождениями Петровича по административным лабиринтам базы была подведена черта в виде короткой фразы, сказанной в паузе между разговором по мобильному телефону: «Начальник улетел отдыхать на Кипр, без него мы ничего решить не можем! Заходите после праздника...».

Автор этого «заявления», сорокалетняя женщина, которая, судя по манере одеваться и говорить, была склонна выдавать себя за двадцатипятилетнюю девицу, сделал ударение на последних словах, как будто Петрович живёт где-то на соседней улице и ему ничего не стоит примерно 15 января забежать в контору на минутку и поставить необходимую подпись.

- Вы понимаете. Я приехал из Иркутска! – простонал Петрович. – У меня на 31 декабря взят билет на самолёт!

- Счастливого Нового Года, привет Иркутску! – холодно, но вежливо, глядя сквозь мужчину, пожелала женщина, крутнулась в кресле и продолжила томным подростковым голосом прерванный с кем-то разговор по телефону...

У Петровича на мгновение потемнело в глазах. Он мысленно схватил рыжую кудлатую бестию за загривок, вырвал из её рук телефон и грохнул его об пол. Женщина с ужасом и уважением посмотрела на мужчину...

Но мрак рассеялся. Петрович, как побитая собака, поплёлся из кабинета восвояси. Мимо него стремглав проносились люди, которые бесконечно о чём-то с кем-то говорили по мобильным телефонам, хлопались и вертелись двери, вверх и вниз импульсивно двигался лифт, в котором транспортировались человеческие тела... Всё это вместе взятое создавало иллюзию жизнедеятельности, которую человек только с очень богатой фантазией мог назвать жизнью.

По крайней мере, эта жизнь была совершенно чужда Петровичу, родившемуся и живущему в небольшом сибирском городке, где самый популярный вид транспорта - допотопный, но такой близкий сердцу трамвай. Петрович в это мгновение полжизни бы отдал за то, чтобы присесть в одно из удобных его сидений и неспешно, покачиваясь из стороны в сторону, скрипя на поворотах и слегка подпрыгивая на стрелках, может быть, даже слегка вздремнув, проехаться по предпраздничному родному городу, в котором как в большой деревне все друг друга знают и уж, во всяком случае, увидев на лице тень усталости или грусти, обязательно, не для галочки, справятся о том как

твоя «жись». «Нормально!» - ответил бы как можно бодрее Петрович в знак благодарности за внимание к своей персоне и потому, что таких людей огорчать своими печальями негоже.

Именно в таком настроении за три дня до Нового Года оказался Петрович (теперь уже совершенно свободный!) в центре Питера на Невском проспекте. Нервы сибиряка, наверное читатель догадывается, были на пределе. Огорчённая душа требовала не только территорию свободы, но и места, в котором он обретёт пусть временное, но успокоение... Таким местом стало небольшое кафе-бар «Рюмочная». Прельстило оно Петровича небольшими размерами, которые, по его мнению, сигнализировали о невысоких ценах этого заведения. В дневное время он оказался всего вторым посетителем кафе. Общительный по натуре сибиряк, разглядывая незамысловатый интерьер заведения, как-то сразу проникся уважением к его хозяевам. Именно к хозяевам, потому что, наблюдая за работой, слушая разговоры между барменом и официанткой, он отметил про себя, что перед ним типичные представители, как сейчас принято говорить, семейного бизнеса.

И действительно после двух-трёх вопросов Петровича, выяснилось, что Василий и Елена, продав небольшой дом в пригороде Питера, рискнули организовать своё дело. А чтобы хоть как-то сэкономить на первых порах, хозяин встал сам за барную стойку и параллельно занимался закупкой продуктов. Хозяйка выполняла роль официантки и повара. Мытьём посуды и уборкой «заведовала» племянница – востроглазая девчушка лет восемнадцати с виду. Коренастый, с пивным животиком Василий то и дело демонстрировал всем своим видом и речью, что он глава данного предприятия. А Елена, пышногрудая провинциалка с «химкой» на голове, как и положено в семье, слегка, но не грубо огрызалась на придирки Василия, подтверждая всем своим видом старую русскую пословицу, что «жена не рукавичка с белой ручки не стряхнёшь, и за пояс не заткнёшь».

В ожидании заказа, скорее от скуки, чем из любопытства Петрович спросил Василия

- И сколько же вы платите за аренду помещения?

- Сто пятьдесят... - после короткой паузы, явно неохотно, ответил Василий.

- Всего? Здорово!

- Чего ж тут здорового! - уже явно раздраженно отреагировал хозяин бара. – Сто пятьдесят долларов за один квадратный метр...

- Сто пятьдесят долларов! – удивлённо выпалил Петрович и, машинально прикинул размеры кафе, тревожно подумал про себя «Так сколько же будет стоить моя котлета и сто пятьдесят грамм водочки?». Цены в меню он, конечно, по привычке не посмотрел...

- А ты что думал - деревянных? – ответил Василий и добавил. – Эх, ты - сибирский валенок!

Петрович обиженно насупился, отошел от стойки, присел за свой столик.

- Сам ты сибирский валенок... - пробурчал, Петрович себе под нос. «Подумаешь, спросил, сколько стоит аренда! Ну, кто же знал, что 150, по-ихнему, – 150 «зеленых»! Я ж хотел порадоваться за человека, что так хорошо устроился, а вышло как раз наоборот...» - раздумывал сибиряк, нервно теребя салфетку в ожидании своего заказа.

Василий, временами поглядывая на притихшего Петровича, через несколько минут, о чём-то пошептавшись с Еленой, сам лично принёс заказ посетителю и, присев рядом, вполголоса извинился:

- Мужик, ты того... Ну, не хотел я тебя обидеть. У вас, конечно, всё там по-другому... Накипело, понимаешь?

Петрович поднял свои мутные глаза на Василия и увидел такую боль во всей его фигуре, что сразу же оттаял.

- Да, что там... Я сам тоже – хорош... Какое моё такое дело... А вообще, конечно, беспредел... На своей собственной земле, а думаем в долларах... Давай мировую «по сотке» - угощаю.

На мгновение в глазах Василия мелькнуло сомнение, но мужская солидарность взяла верх.

- А-а-а... Давай!

Событие это произошло днем. А вечером весь кафе-бар «Рюмочная», а точнее та его часть, которая в виде «нарисовавшихся» откуда ни возьмись «друзей» Петровича, пила за его счёт. Хозяйка и хозяин заведения сначала молча наблюдали за разворачивающимися событиями, потом пытались по-хорошему проводить сибиряка в гостиницу, а в конце концов махнули рукой: «Не маленький, сам знает что делает!». Словом, плакали «хозяйские» денежки, которыми был снаряжен Петрович для «лоббирования» дорогостоящего оборудования... Так внезапно начался философский период в жизни Петровича, который в простонародье несправедливо кличут «запоем».

Через трое суток Петрович очнулся в метро. Оно, подобно лавине, уносило его куда-то бесконечно вниз. Пошарив по карманам, он обнаружил паспорт, командировочное удостоверение, билет на самолёт, остатки каких-то денег. Рядом на скамейке, как ни странно, смиренно лежала приплюснутая, но целехонькая его спортивная дорожная сумка, из которой торчало бельишко. «Ага, значит, из гостиницы я всё-таки съехал...», - догадался Петрович.

Домой почему-то возвращаться уже не хотелось. Неопохмеленную голову свербела неприятная, назойливая, как муха, мысль: «Вот тебе и сэкономил денежки...». «Философским» размышлениям Петровича все

больше и больше способствовала окружающая его обстановка. Время и пространство, запутавшись в клубок неразрешимых противоречий, творили чудеса. Например, Петрович, после трех дней «философствования» уже решительно не мог отличить станции метро «Площадь революции» и «Площадь восстания» в Москве и Питере. Зато пришёл к оригинальнейшему выводу, что мировой терроризм зародился, где-то именно здесь. Очень уж угрожающе-фанатично выглядели скульптурные группы из мужиков, баб и детей, держащие в руках гранаты и другое смертоубийственное вооружение. Прямо как живые! Казалось, ещё мгновение и жажнет взрыв...

Петрович, стараясь интеллигентно не вступать ни с кем из окружающих в контакт, сосредоточенно двигал глазами слева направо и наоборот, удовлетворительно читая тексты питерских реклам, которые будоражили его воображение, порождая ортодоксальные выводы. Его по-мальчишески радовало их содержание, которое на его вкус и цвет свидетельствовало о неиссякаемом юморе и жизнелюбии петербуржцев.

Они, размышляя о российской жизни, утверждали, что в ней давно уже *«Всё равноценно»*. Или, болея за благосостояние народа и любимую футбольную команду, сочинили умопомрачительный лозунг: *«Детям – мороженое, золото – народу! Музеи – туристам, золото – народу! Медали – «Зениту», золото – народу!»* Буквально издеваясь над журналистами, исторически пожелали всему бывшему советскому народу накануне очередных выборов: *«С легким ПИАРОМ!»*.

Немного растормошив таким образом свой разум, Петрович, поднял градус своего настроения. Ему опять захотелось наверх, к людям. Не то чтобы их было недостаточно в метро. Но в сегодняшнем его состоянии они воспринимались им как нереальные, абстрактные особи мужского и женского пола, которые почему-то испуганно не глядели в глаза друг друга. Как будто кто-то невидимый разъединил их, выключил способность замечать себе подобных, для чего достаточно было сосредоточиться всем своим электронным существом на наушниках, телефонах, или, в крайнем случае, на газетах и книгах. Он искал, в толпе этих, как ему казалось зомбированных людей, хоть одни человеческие глаза и не находил. Хотелось встать и крикнуть: *«Люди, ау-у-у! Где вы?!»*. И он даже встал. Тряхнул кудлатой головой и... вышел на первой остановке.

Поднявшись на эскалаторе наверх, в город, Петрович, как только шагнул за порог двери-болтушки, глубоко всей грудью вздохнул зимнего питерского воздуха.

Слякоть из города не ушла. Но морозный воздух превратил его в сказочный ледяной дворец. В зеркальных полотнах проспектов

отражались неоновые сияния разноцветных витрин, вывесок, реклам, новогодней иллюминации и фонарей. Запоздавший праздник пришёл в душу Петровича. Он вдруг внезапно понял, что сегодня 31 декабря. Его немолодое лицо сначала чему-то, а потом кому-то улыбнулось. Второе было явно зря. Этим кем-то оказалась молодая шустрая женщина, претендовавшая по виду на роль снегурочки, но почему-то с микрофоном в руках.

Поймав Петровича взглядом, она мгновенно оказалась рядом с ним и заявила так уверенно, как будто вела телевизионный репортаж с кремлёвской новогодней ёлки:

- Улыбнитесь, гражданин, – вас снимают! – показывая рукой на глазок видеокамеры, висевшей над входом в метро.

- Вот ещё один счастливчик, которому судьба дарует в эту новогоднюю ночь исполнение его самых заветных желаний! – щебетала женщина, обращаясь к невидимой аудитории.

- Фирма «Поле чудес» предлагает вам принять участие в благотворительной акции и со-о-овершенно бесплатно дарует вам за символический взнос свою продукцию!

При этих словах, как будто бы из-под земли, возник сияющий молодой парень в пошарпанных джинсах с коробками в руках, которые буквально посыпались на растерявшего Петровича.

- Всего за 100 долларов! – продолжала верещать девица. – Три предмета, которые стоят более 10 тысяч рублей. Прекрасный новогодний подарок, уставшей от кухни жене!!! Улыбайтесь, гражданин, вас снимают! Что бы вы хотели в эту новогоднюю ночь пожелать всем жителям нашей необъятной страны?!

Петрович, придя несколько в себя, обратил внимание, что от «снегурочки» пахло заурядной водочкой, которую она явно наспех закусила соленым огурцом, одно из семечек которого «застряло» на смачно замалёванных губной помадой губах. А шнур от микрофона заканчивался где-то в кармане её куртки, отороченной мишурой, но имевшей сомнительное китайское происхождение. Поэтому он, усмехнувшись, подыгрывая съёмочной группе, неожиданно для участников шоу обратился к «телезрителям» в лице участников представления:

- Братцы! А можно не шмотками, а – деньгами... На обратную дорогу в Иркутск не хватает! Я, если чё, честное слово, переводом вышлю!

Ещё последние слова не успели слететь с губ Петровича, как приветливое лицо девицы исказилось гримасой.

-Ты что, издеваешься, старый козёл?... – прошипела в самое ухо Петровича деваха, нервно оглядываясь на образовавшуюся толпу зевак. – Нет денег – проваливай! Не мешай людям (сделав ударение на последнем слого) работать...

И как вихрь понеслась к очередной жертве своего шоу, выходящей из станции метро, на доверчивом лице которой крупными буквами было написано «провинциал»...

Петровича произошедший инцидент и обидные слова, почему-то совсем не огорчили, а даже, напротив, развеселили. И поэтому, когда он буквально споткнулся, пройдя несколько шагов, о нищенку, его сердце хоть и ёкнуло, но мысли приняли совершенно противоположный оборот. Глядя на «примету нашего времени» - бабульку в потрепанном, но чистом пальтишке, с очками в приличной оправе на носу, которая бессловесно, одними глазами взывала к сочувствию прохожих, он, даже разозлившись на себя, подумал: «Действительно, валенок я и есть валенок. И не просто так, а сибирский! Что мои недоразумения по сравнению с бедолажеством этой бабули!» Пошарив в карманах, он нащупал горстку мелочи и, не задумываясь, пересыпал её в рукавицу бабули.

- С наступающим Новым Годом, мать. Извини, больше нет...

- И на том, спасибо, Ваня...

Петрович облегченно вздохнув, машинально пошёл дальше. Только через несколько десятков шагов, его осенило: «Бабушка назвала моё имя! Но откуда она его знает?!» Резко повернувшись, он, буквально расталкивая прохожих, ринулся обратно, не обращая внимание на возгласы питерцев, которым он, встречным движением, доставлял определённые неудобства.

Нищая стояла на том же месте. Новому явлению Петровича она несколько не удивилась, и это показалось ему странным. Глаза старушки излучали спокойствие и достоинство.

- Мать! Откуда ты знаешь моё имя? – выдохнул Петрович, пристально разглядывая каждую морщинку на лице пожилой женщины.

- Как же не знать-то, сыночек, ведь столько ночей над твоей зыбкой глаз не смыкала, столько пеленок вот этими рученьками перестирала, столько колыбельных спето было...

- Да нет же, мать ты путаешь! – почему-то горячо начал убеждать сибиряк. - Моя мама давно уже на погосте, я - не твой сын!

- Как же мой, мой... Все, кто добрые - мои дети... Мои Вани, да Марьи... Я так хотела, я для этого жила и живу теперь...

И тут Петрович вдруг понял, что бабуля, как принято говорить в народе, «не в себе».

- Ну-ну... - пробормотал он, вытирая рукавом вдруг взопревшее лицо, - Пусть так и будет... А скажи ... мама ... ты где теперь живёшь? – вдруг, неожиданно сам для себя спросил он.

- Так на земле, где ещё-то... На ей родненькой... Ты не забижай её, Ванюша... Она, конечно, всё стерпит и простит, но ... грех это...

- Чем же тебе помочь, родная моя... – со слезами на глазах, дрожащими голосом прошептал Петрович, так, как будто он, и впрямь, проснувшейся душой признал в нищенке родную мать.

- А ты поплачь, поплачь..., - поглаживая рукавичкой Петровича по рукаву пальто, приговаривала мать... - Легче будет... А мне уже от того, что ты рядом, от того, что ты есть на белом свете – так хорошо... Спасибо, милый! - и поклонилась в пояс.

Странно выглядели со стороны эти два уже немолодых человека, которые не гармонировали с окружающими и своей внешностью, и своими речами, и тем уже - просто, что стояли неподвижно посредине этого постоянно находящегося в движении холодного города.

И охватившая было Ивана Петровича тоска от бессилия, накопившаяся за последние годы обида на себя, на людей, на нелепую российскую власть – незаметно, то ли от прикосновения этой вселенской матери, то ли под воздействием её безумно-мудрых слов и тихого взгляда – улетучились.

Обняв старушку, он прошептал ей на ухо:

- Это тебе спасибо, мать, за то, что ты есть... Береги себя ... Новый год наступит, обязательно наступит, я тебе обещаю... Мы ещё поживём... - и уже не оборачиваясь поспешил прочь, навстречу этой действительно непростой жизни своей, жизни страны, вообще всех живущих на земле.

Шагая вперёд твёрдой походкой, он абсолютно точно знал, что Новый Год он встретит в аэропорту с такими же заплутавшими вдалеке от родного дома, как и он. Что первый раз за последние сутки ему удастся поесть только в самолёте. Что, несмотря на всё произошедшее с ним, его с работы не выгонят, но придётся долго выплачивать растроченные деньги. Что дома, конечно, его ждут, а, значит, простят, да ещё и пожалеют. Всё это теперь ему казалось малозначительным и неинтересным, потому что он уже видел, как искрится белоснежный снег в свете фонаря на большой ели, растущей в соседском дворе, которая хорошо просматривается из окна его дома. Как его будет встречать, нетерпеливо переступая с лапы на лапу, черномордая, лохматая верная и ласковая собака, которую он обнимет и шепнёт на ухо: «Ты, хорошая моя!» А она, счастливая от встречи с хозяином, будет наворачивать круги по двору до тех пор, пока его шаги не затихнут в сенах. Он, кажется, ощущал уже своим телом, как к нему, зябкому и давно небритому прильнет жена, теребя его седеющие кудри и приговаривая: «Ну, вот и слава богу, приехал... Ну, вот и хорошо...». Как он истопит баньку, поддаст пару, обиходит себя берёзовым веником, а потом, блаженно прикрыв глаза, растянется на лежаке в предбаннике, отлетев на мгновение душой туда, где в центре Питера на Невском

проспекте стоит, оберегая его совесть и совесть таких же, как он, – мать, по мнению некоторых, сумасшедшая, но он-то теперь знает: она – в своём вполне русском уме, который не имеет ничего общего с алчущей развлечений и душевного забвения так называемой современной, проще говоря, временной действительностью, которую кто-то, почему-то пытается прописать в нашей душе как Закон. А Закон и в Сибири, и в России один – любить и быть любимым по совести - не ставя себя выше другого человека и превыше Бога.

ИСПОВЕДЬ

1

Ночь. Начавшийся с вечера снег усилился, раздуваемый зябкой позёмкой. Между спрятавшихся в сугробы домов, шёл человек. Он, то тихо-тихо ступал на снег, прислушивался к скрипу своих шагов, то, начинал отчаянно, короткими перебежками, не разбирая дороги, двигаться вперед, наугад рассекая плотное пространство мглы. Нескладная фигура, поднятый воротник потрепанного пальто, рассеяно блуждающие глаза, выдавали в нем, окончательного интеллигента.

Сергея Коврижкина в городе, как говорится, «знала каждая собака», потому что он вот уже несколько лет работал корреспондентом в местной районной газете. Вот поэтому он, никогда не спешил после работы домой, дожидаясь пока улицы маленького провинциального сибирского городка максимально опустеют...

Горожанам этого населённого пункта кто-то когда-то внушил вредную мысль, что газета и вообще средства массовой информации - «рупор правды», так сказать истина в последней инстанции. И, следовательно, все, кто в них работают, обязаны костью лечь за правое дело... Им даже в голову не приходило, что они такие же люди, как они, и имеют право на ошибки, сомнения, заблуждения. Что они умеют бояться, любить, ненавидеть, наконец, мстить! То есть, что журналисты – обыкновенные люди, а не абстрактные, бестелесные явления, которые они лицезреют на экранах телевизоров, слышат по радио, с которыми они беседуют про себя, читая статьи в газетах. Поэтому в том случае, если, например, газета и её коллектив по каким-то причинам не могли решить какую-нибудь из местных проблем – это ими воспринималось как личное оскорбление.

А проблем в любом заштатном сибирском городке всегда хоть отбавляй. Например, Сергей давно уже себе уяснил, что если есть город, то в нём есть дома. В домах – квартиры. Причём, в двух или трех из них обязательно замерзают от холода или варятся в духоте (в зависимости от этажа и сезона) взрослые, дети, их кошки и собаки. Процесс этот совершается самым серьезным образом, вплоть до частичного физического и полного морального околевания или, наоборот, сварения, когда от духоты мозги человека становятся горячим студнем, в котором мысли уже никакие плавать не могут, зато эмоции с шипением, наподобие пара, вырываются наружу.

. И люди жалуются... И не куда-нибудь, а в газету! Как будто именно она распоряжается в этом мире судьбами людей. Делать они это предпочитают письменно и, преимущественно, коллективно. Но

случаются и индивидуумы. Вот от них-то, в большинстве своем энергичных женщин бальзаковского возраста, и принимал завсегда Коврижкин страдание. Постоянное ожидание встречи с ними, как в помещении редакции, так и за ее пределами, до такой степени сотворили в нём душевное смущение, что он ночами в личной квартире стал шархаться от собственной тени. А по городу предпочитал передвигаться преимущественно вдоль стенок. Втянув голову в плечи, стараясь не задевать встречных и других прохожих не только локотком, но и даже взглядом. Становясь на время пребывания среди людей, не защищённый стенами редакции, такой своеобразной, бесшумной тенью.

По этой же причине каждое утро всходил Коврижкин в свой кабинет, как на голгофу. Когда на его пороге появлялся очередной «террорист-посетитель», он был согласен отдать свой месячный заработок любому прохожему, лишь бы в это мгновение превратиться в птичку и выпорхнуть в форточку. Квадратное пространство кабинета для него в эти мгновения становилось тесным даже для дыхания.

Очень волновался он перед такими встречами. Мысленно, прятался в шифоньер и запирался изнутри ключом. Трепетно ждал их и просчитывал на улицах города. Но, увы, случались они всегда непредсказуемо, часто им предшествовали какие-то невразумительные события или поступки...

Например, в этот раз его подвела любовь к животным. Проходя мимо жилого дома, Сергей увидел сидящую на теплом канализационном люке колодца мурлыку. Молодая рыжая кошка, почти котёнок, сделав передние лапки муфточкой, пытаясь согреться, прижималась всем телом к спасительному металлу. А оно, то ли тело, то ли невесомый дух, нахохлилось и синхронно её ушам дрожало от холода на ветру, отчего казалось, что вот-вот оторвётся от земли как воздушный шарик и улетит, растаяв в снежной мгле. Но в том-то и дело - это был не шарик, а живое существо с хмурыми и грустными человеческими глазами. «Замерзнет ведь, бедолага», - посочувствовал корреспондент. Сама эта мысль была не первой за последние дни ошибкой Коврижкина: она предательски выдавала наличие в нём человека.

И хоть он прекрасно знал, что половина жителей города в это время года даже в благоустроенных квартирах живут как на подледном лове, дёрнул его не иначе как чёрт за рукав взять котяру на руки, приоткрыть дверь ближайшего подъезда с целью спрятать его в нём хотя бы от ветра, в надежде, что жалостливое мяуканье животного поможет найти ему достойный приют в виде человеческого жилья. Вот в этот-то момент и произошла одна из таких встреч: в

подъезде, прямо у входной двери, он «нос к носу» столкнулся с читательницей своей газеты.

- А-а-а, здрасти! Вот вы-то нам и нужны! – сходу выпалила женщина.

Животное, почуяв перемену температуры, слабо дернулось в руках Коврижкина и испуганно затихло.

- Вот занёс погреться... - не зная, что сказать и от неожиданности, пролепетал Сергей. Видимо это была та капля, которая переполнила «чашу терпения».

- Что, животину пожалел? А нас кто пожалеет?! – взвизгнула, осерчав, жительница. Сергей зажмурил глаза, как будто ему со всего размаха вlepили пощечину. А тем временем краснощекая женщина, в подвязанном на том месте, где когда-то была талия пуховом платке, медленно начала наступать на него. Он это чувствовал даже с закрытыми глазами. Импульсивными движениями ног, напоминающими судороги умирающего, он пытался переместить своё тело в обратном направлении. Но с закрытыми глазами осуществлять такого рода движение было весьма неудобственно. Поэтому он решился и разжмурился. Прямо над собой, в непосредственной близости от своего лица, он увидел, сверкающие как бритва на солнце, глаза женщины. Она выбрасывала в пространство подъезда немыслимое количество слов, которые, не успев слепиться в суждение, разбивались о предыдущую фразу. Из-за этого было бы совершенно невозможно даже в нормальной, спокойной обстановке понять, что она хочет конкретно сказать. Но общий смысл её высказываний Сергею, засыпанному шелухой её слов, конечно, был понятен... Уж слишком энергичными были лицо и телодвижения читательницы! Каждую свою, разрушающую фразу она подкрепляла, тыканьем в его хлипкую грудь авоськой, напоминавшей боксерскую перчатку. Опытный Сергей знал: в подобной ситуации вступать в диалог не только не желательно, но и опасно. Зажатый в угол, он, максимально напрягшись, попытался сделать такое выражение лица, будто бы внимательно, а, главное, доброжелательно слушает свою внезапную собеседницу.

Она ответила ему полной взаимностью... Почуяв, что собеседник загнан в угол, женщина позволила себе, перед решительным броском, продлить удовольствие наблюдениями за последними беспомощными рассуждениями жертвы. После короткого описания каждого квадратного метра сантехнических и морально-этических проблем, царивших в подъезде в виде труб, муфт, унитазов, кранов, батарей, любовников Василисы, проживающей в квартире №25, третьего по счёту автомобиля Пизюкиных, беспробудного пьянства Егоровича, хамства Кузыкиных и т.п., она в заключение своего монолога, с особой искренностью, сообщила:

- А вы, корреспонденты и начальство всякое, шастаете в это время без дела по городу, да жиреете в своих катеджиях, да Иркутсках!

Последняя фраза прозвучала, как выстрел, который стал сигналом к развитию последующих событий. Захлопали входные двери квартир. Подъезд начал стремительно оживать. Как упыри и вурдалаки в рассказе Гоголя «Вий», изо всех дверей и, как показалось Сергею, из щелей тоже, на их голоса слетелись, сползли жильцы подъезда. У всех у них в глазах он читал страстное любопытство - поглядеть на живого корреспондента! Атмосфера накалялась... Во всех смертных грехах жильцы сгоряча, уличали не только коммунальные службы города, администрацию, но и его персонально. Коврижкин не удивлялся. Выслушивать подобные заявления было частью его профессии.

Вдруг какой-то подгулявший с вечера гражданин, явно провокационной наружности, заявил: «А ты думаешь, кто я?!» И сам же ответил: «Снежный человек!» Коврижкин благоразумно не стал отрицать и этого, лишь застенчиво пробормотав: «Да-да, конечно... Понимаю... С удовольствием...»

Затем кто-то, тяжело дыша ему в затылок, раза два попытался укусить его за ухо. А когда ему этого сделать, благодаря профессиональной ловкости Сергея, всё же не удалось, зловеще шепелявя, заявил:

- Щё-ё-ё? Кису пожалел, бестия! Щё-ё-ё мы ему тут докладываемся? Шлесаря-кровопийцы и корреспонденты – одна шайка!

Наступила угрожающая тишина. Кошка жалобно дернулась в руках журналиста. Он ослабил руки, и животное, почуяв неладное, рвануло наутёк. В одно мгновение перед глазами Коврижкина прошелестела вся его бумажная жизнь. Вспомнился до мельчайших подробностей родной город, который зимой, с высоты птичьего полета, бурлящий многочисленными гейзерами подъездов, напоминал один из Курильских островов или корабль, потерпевший бедствие в открытом океане, который медленно, но верно, идёт ко дну. Милые, в целом добрые лица подвыпивших горожан, которые будучи преимущественно мужского пола, «вершили государственную политику», кучкуясь после смены в многочисленных пивных - своеобразных неформальных народных собраниях, в которых можно было искренне высказаться по текущим политическим вопросам. И даже, почему-то одного знакомого председателя «Общества спасения на водах», который в пылу откровенности как-то сознался ему, что не умеет плавать. Все эти картины промелькнули в его сознании в одну секунду, пока он неотрывно, как замороженный,

глядел, на крупную сантехническую деталь, которую нервно сжимал в руках один из жильцов.

Но все кончается в этой жизни, закончилась и тишина. Чей-то решительный голос внёс конкретное по существу сложившейся ситуации предложение:

- Давайте-ка разденем его до состояния «в чем мать родила» и оставим на ноченьку в одной из квартир. Выживет – не грешен в страданиях людей. Не выживет – аминь!

Сергей даже прослезился от столь «гениальной идеи», предвидя последствия её реализации. Но милости было просить поздно...

2

Это была ночь просветления. Как случилось, что он, уважаемый и любимый Сергей Сергеевич - для домашних, превратился для всех в городе в своеобразное имя нарицательное – «корреспондента Коврижкина». Он, человек нрава тихого, любящий свою работу, всегда относился как к служебным, так и семейным обязанностям трепетно, аккуратно. Сергею всегда казалось, что он вызывает у окружающих его людей только положительные эмоции...

Многое вспомнил и передумал он за эту ночь. Как по-молодости объездил все свалки и помойки, исследуя экологические проблемы города. Как спал в качестве «подсадной утки» в медвытрезвителе, в период общегосударственной борьбы с «зеленым змием». Как работал грузчиком в мебельном магазине, чтобы, выявив кому и как по благу, минуя профсоюзную очередь, продается дефицитные импортные гарнитуры. Как его объявляло местное отделение КГБ руководителем антисоветской рок-группы с причудливым названием «Флирт», а потом, заподозрив в связи с «зелёными», прослушивало домашний телефон. Да, мало ли...

Обстановка для размышлений, вполне способствовала: стены с обшарпанными обоями, койка с голой панцирной сеткой, тряпичные коврики на полу, качающийся журнальный столик, доисторический комод, еле теплящиеся батареи неопределенного цвета – вот и всё, что от щедрот жильцов, для которых и на которых он, по большому счету, положил всю свою жизнь. Это не могло не щекотать самолюбие. Это будоражило воображение...

В перерывах между пробежками и немудреными физическими упражнениями он ритмично заклинал себя: «Так тебе и надо! Так тебе и надо!» Потом, вдруг остановился, подышал на заиндевшее

окно, оттаял пальцем в нем дырочку и стыдливо поглядел на звезды. Затем, неизвестно от чего повеселев, переступая с ноги на ногу, начал рисовать ногтем на изморози человечков, смахивающих на египетские иероглифы. И, странно, охватившее было его отчаяние, быстро сменилось забытой им где-то в детстве легкостью и естественностью. Как будто бы, подпрыгнув, он воспарил. Прически деревьев, покатые головы домов, муравьюшки-люди, светляки фонарей – остались далеко внизу. Подобно пловцу, управляя своим телом, он, словно птица, парил над всем этим невесомым миром.

Его фантазии прервал скрип открывающейся двери. Сергей резко повернулся. Перед ним, прижимая к груди какой-то сверток из газет, стоял...

- Я, это...Того... Ты извини, паря, давеча про снежного человека, это, конечно, лишка шуткнул. Егорыч я ...

- Вы успокойтесь. Присаживайтесь. Чего уж там...

- Ну, вот и ладно! Ну, вот и хорошо!. На-кось, облачись в человечье,- зачастил старичок, протягивая сверток.

Что и говорить, одежда была кстати! Пока окоченевшими пальцами Сергей «воевал» с пуговицами и застёжками, Егорыч рассказал ему немудреную историю типичного мытарства жильцов по разным бюрократическим инстанция в поисках правды, которая в данном конкретном случае выражалась в виде обыкновенных теплых батарей.

- В общем, куда мы только не торкались – все зря! Осерчали люди, понимаешь ли... Но ты зла на нас не держи...

Выждав еще несколько минут, видимо, решив, что знакомство состоялось, и все формальности для душевного сближения соблюдены – он полез в карман своих широченных штанов. А еще через мгновение в его жилистых, воскового цвета руках засверкала бутылка водки. При этом лицо у Егорыча «сверкало» не меньше. Прищурившись, щелкнув жёлтым ногтем по стеклянному телу бутылки, он многозначительно и торжественно произнес:

- Вот она, родёмая! – Лучшее лекарство от простуды и несправедливости! - И уже более спокойно, со смешинкой в глазах и голосе, добавил, - Ты как, не против для облегчения страданий тела и души, принять слегка на грудь?

И, не дожидаясь ответа, начал разливать в неизвестно откуда взявшиеся стаканы драгоценную «коммуникативную жидкость», имеющую магическое свойство в течение пяти минут, пусть порой ненадолго, но прочно соединять воедино самые разные человеческие души.

Уже после первых традиционных криканий и занюхиваний Егорыч «пошел в атаку».

- Мил человек, ты всё же ближе к этим, ну, которые у власти! - категорично начал он, показывая пальцем куда-то неопределенно вверх, – Объясни мне: почему у нас такая чехарда, наподобие, как карусель в обществе? Куды не кинь взглядом – грязь, мусор, холодно, голодно. Душу у людей мутит, хуже зверя друг на друга порой глядим! Ведь так и до греха недалеко, хоть как сегодня, к примеру...

- Ну, это ты зря – люди у нас хорошие. Типичная ошибка... Например, некоторые, вознося простых людей всюду и везде, про меж себя презрительно называют их «гегемоном». И звучит у них это так, как будто бы речь идет о навозе. Мол, алкаши, пропойцы и все такое. А у тебя-то, Егорыч, и очень хотелось бы верить, что у меня, с душой как раз все нормально. Так что ... это как взглянуть... И потом, мне лично, тоже многое не понятно.

Вот недавно приехал из ближнего зарубежья мой первый редактор – отсутствовал в России примерно лет пять. Ещё не старый. Железный, в хорошем смысле этого слова, был когда-то человек. Справедливый, принципиальный, ответственный... А его на работу, даже корреспондентом, никто не берёт... И кто? Те, кто под его началом работали, многие у него учились... Я вижу, что человек многого не понимает: страна не та, люди не те... Скукужился как-то – весь ушёл в себя, тревожно наблюдает.

Недавно всё-таки один из частных предпринимателей взял его на должность редактора. Смотрю, и вовсе загрустил человек. А вчера спрашивает меня: «А кто такой теперь редактор?». А я и не знаю, что ему ответить... Трудно что-то сказать о должности, которая записывается на бумаге в какой-то негласной превосходной степени, словом, как нечто значительное, а на самом деле - мыльный пузырь... Ткнёт в него пальцем учредитель – и нет человека... Журналисты это хорошо понимают и соответственно относятся – не уважают и даже, в душе, презирают... А наивные читатели, по инерции, всё ещё верят, что редактор – значительная фигура. Как я мог это сказать человеку, которому наконец-то подвернулась работа?!

Вдруг снова раздался стук в дверь. Егорыч проворно, не погодя шустро, соскочил с кровати и юркнул в прихожую. Вскоре оттуда раздалось: «Да. Всё нормально! Я тоже смекнул, что лишка загнули. Давай, давай...». Вернулся Егорыч с ломтем колбасы, термосом, сдобными булочками, одеждой Сергея.

- Петровна опомнилась... Это та бабенка, которая первая тебя застучала...

Его сообщение прервал новый стук в дверь. Диалог в прихожей повторялся еще три раза. Гора еды на койке увеличивалась. Егорыч довольно потирал руки, констатируя:

- Подвезло мене с хвартирантом! Теперяча місяць, а то и більше, буду жить припеваючи!»

По мере того, как в бутылке уменьшалась благодатная влага, разговор вновь испеченных товарищей становился всё задушевнее.

- Вот, ты, Егорыч, говоришь, что когда вышел на пенсию, – запил горькую. Вроде не у дел оказался, а пенсии хватает едва за квартиру заплатить. Почувствовал беспомощность свою перед этой жизнью и, главное, одиночество... А я знаю много примеров, когда люди в твоём положении, не только не прекращают трудиться, бороться, но и наоборот – это становится смыслом их оставшейся жизни. Смотрю на них и, веришь, поражаюсь! Ведь заведомо на износ работают, в то время, когда, казалось бы, самое время поберечься, отдохнуть.

Сам-то я, чего греха таить, давно затаился: голова от нашей российской круговерти закружилась. Потерял ориентиры. Отсиживаюсь. Смотрю, что дальше будет. А были времена... Точнее – друг. Так получилось, что то и другое у меня соединилось в одном человеке – Пашке Непомнящем.

Спорили мы с ним, конечно, но дело своё знали и, главное, делали его с душой. Слишком уж он был дотошный, занозистый мужик. А я всё «острые углы» в своих публикациях норовил обойти. То под предлогом недостаточной аргументации, то еще чего-нибудь... Мыслил красиво, но обтекаемо и называл это объективностью. Пашка мне за эту «объективность» не раз врезал по первое число. Конечно, один на один, без свидетелей.

Извини, Егорыч, может говорю загадками?

- Не-е-е... Все путём... Валяй дальше!

- Так вот, «подцепил» однажды крепко Пашка нашего мэра. Раздобыл какие-то сногшибательные факты криминального характера. И как только это стало известно в редакции – стало известно во всем городе. Материал еще только писался, а звонки из разных инстанций, от разных людей, разного, мягко говоря, содержания, буквально «придушили» Пашку. Все начальство ополчилось против него, а он - стоит на своем и всё!

Тут Сергей хватанул залпом большую порцию водки, тяжело ее проглотил, выдохнул, сморщился на несколько секунд и, совершенно трезвым голосом, продолжил:

- До сих пор себе простить не могу... Мне бы руку ему протянуть, а я что-то засуетился... Э-э-э, да что там – струсил!

В общем, однажды, заходит к нему в кабинет редактор, а Пашка ему, так надменно, сквозь зубы, говорит:

- А, милейший! Поезжай на рынок – отоварься. Скажешь от меня. Потом, мою «половину» в деревню скатаешь! На завтра ты мне не нужен – можешь заниматься своими делами.

Редактор от такой наглости остолбенел. Даже не от дерзких речей своего подчинённого, а от вида Пашки. Представь себе, Егорыч: взлохмаченные волосы, блуждающий взгляд, барственная осанка! Смекнул он, что к чему. Разговаривать с мэром, его учить не надо было – привычное дело. Покорно склонил голову, пробормотал заучено: «Нет проблем – будет сделано!» и вон из кабинета...

Я в этот день работал дома. Пришёл немного позже, как раз в тот момент, когда Пашку в смирительной рубашке выводили из редакции. Я к нему:

- Паша, что с тобой?!

А он вроде как на минутку пришёл в себя, говорит:

- Нет, нет! И ты - тоже нормальный. Один я сумасшедший...- а потом дернулся, как рыба на кукуане и как заверещит:

- Машину к подъезду! У меня в областной администрации совещание

Так мне почему-то обидно и больно стало. Веришь, даже слёзы из глаз брызнули. Закрылся в кабинете, плачу без удержу, как в детстве, когда понапрасну родители наказывали. А в редакции атмосфера такая, словно в одной из комнат покойник лежит. Потом очухался немного - и к Пашке в кабинет. Сел на его стул. Гляжу передо мной рукопись. Начал читать. А там такое! Егорыч, это был настоящий памфлет. С цифрами, с фактами!. У нас в газете уже давненько в печати таких не бывало. Пашка в язвительной манере, разоблачил «догола» низкого человека, которого весь город боится, потому что, хоть и мэр, а бандит. Очевидно, Пашка настолько вошел в образ своего героя, что не смог по окончании работы уже из него выйти...

Я с рукописью к редактору. Взволновался он, узнав, в чём дело. Пожал мне руку. Поблагодарил. Забрал рукопись... Через неделю я спросил о судьбе Пашкиного материала. Он долго и невразумительно мне что-то объяснял, про искажение фактов, что делом занимаются соответствующие органы... Я всё понял! А еще через месяц весь город узнал, что наш мэр пошел на повышение и переехал в областной центр. Старик, ты меня понимаешь?!

- А что же с твоим Пашкой дальше приключилось?

- Пашки вскоре не стало. Слишком болезнь его серьёзным делом оказалась. По крайней мере, нам так объяснили...

- Ну, давай помянем его, коли так.

Выпили молча. Зачирикали за окном первые трамваи. Кто-то, сначала чихнул, а потом чертыхнулся за стенкой. Этажом выше зазвенел будильник. Босые ноги зашлепали по скрипучему полу. Послышался шум воды в туалете, на который, в какой-то другой квартире, ответил «матерным» шипением неисправный водопроводный кран. Все вокруг задвигалось, зашуршало людьми и засвистело

чайниками. Человеческая душа дома ожила. Пришло утро. А хмель собеседников всё не брал. Они даже будто трезвее стали.

- Плохо мне, Егорыч. Давно уже душу воротит. Всё старался не обращать на это внимания. Даже высказаться некому. Спасибо тебе. – И, помолчав, добавил, - А Пашку-то я, выходит, предал...

- Ну-у-у! Началось. Не возводи на себя напраслину. Всяк на твоём месте смекнул бы так же. Своя рубашка - она ближе к телу. Да и чё ты мог сделать-то? Головой об стенку хряпнуться?! Кому легче? Только порадовал бы ещё кого... Да, ты и сам уже все кости себе перемолол. Вон, одна рожа да кости остались. А ишо ведь молодой, жить да жить! Понятное дело, нелегкая у тебя работа. А коль исполняешь её справно – мучаешься. Так что, верно говоришь, с душой у тебя всё в порядке. Накось, лучше пригуби ишо, тут осталось маненько...

На этом исповедь и закончилась. Новоиспечённые друзья напоследок «повеселили душу» крепким купеческим чаем. Сергей облачился в свою одежду. Пожал крепко мозолистую руку Егорыча, приобнял на прощание старика, пробормотавшего Сергею на ухо: «Держись, паря...», и направился к входной двери. На пороге остановился, ещё раз окинул взглядом свой ночной приют.

Он теперь уже не казался ему казематом. Да! Всё те же заиндевелые окна, обшарпанные полы, полинявшие обои, но всё это - согретое дыханием, а главное сердцем ночного его собеседника. Лицо Егорыча «исчерченное» глубокими морщинами, с нависшими над глазами густыми бровями, которые излучали мягкое спокойствие, почему-то напомнило ему лицо отца, который уже лет десять назад покинул этот мир. От этой мысли на душе у Сергея стало чисто и просто.

Выйдя на улицу, он уверенно зашагал в сторону редакции, а навстречу ему двигался оживающий город. Длиннорукие клены, шутейно похлопывали его по плечам, припорошивая снегом. Молодые женщины загадочно улыбались, поглядывая ему вслед. Помолодевшие от ночного снегопада дома, притихшие хрустальные деревья в верхнем парке, даже натружено пыхтящие и ещё не совсем согретые после ночной стоянки автомобили – всё обнаруживало в себе жизнь, которая ещё вечером, казалось Сергею, прекратилась или, по крайней мере, пошла на убыль.

«Надо жить, надо жить!» - в ритм своих шагов повторял про себя уверенно Сергей. Эти его слова звучали как заклинание и, одновременно, были подтверждением того, что он не согласен просто плыть в этой жизни по течению, что у него ещё есть силы, желание постоять за себя, за своих близких, за тех людей, которые ждут от него помощи. И если будет надо для этого начинать каждый день своей жизни заново - он готов к этому!

БИВЕНЬ МАМОНТА

«Бивни мамонта принимаем в неограниченном количестве», - такое объявление появилось в одной из газет небольшого сибирского городка, недалеко от которого в посёлке имел честь жить Анатолий. Адрес приемного пункта: город Москва и так далее.

Анатолий Викторович Лопухов, может быть, не обратил бы внимания на эту столичную заманиловку, если бы к ней не было коротенькой приписки: «Один килограмм – 100 долларов». Эти несколько слов мгновенно прояснили разум простого, но сообразительного работяги.

«Ёшкин кот! Да у нас этого «металлолома» в каждом дворе завались! - подумал про себя он. – Кто стог сена вместо жердин ими приваливает, кто на стену примострячит: бивень все-таки, да еще мамонта!»

У Анатолия в голове заработал природный калькулятор: «Кажная такая мамонтовская штука весит 15-20 килограмм. В поселке их – завались! Почитай, наружи - по берегу реки, да и внутри огородов на глубине всего каких-нибудь двух, трёх штыков лопаты! Любой хозяин, за энное количество гомыры, будет рад избавиться от этого мусора, а тем паче на халяву, огород вспахать. Тонну костей собрать – плёвое дело. В пересчете на «деревянные» это...»

Анатолия Викторовича от этих мыслей даже в пот бросило. Перед глазами расцвели фантастические видения: новый свежее срубленный дом, гамак во дворе, кресло-качалка на веранде, бассейн с рыбами, прогулочный катер, элегантно бороздящий ангарские волны, прямо на палубе, которого... много красивого и хорошего могло быть.

Однако, зря говорят, что русский мужик – дурак. Например, Анатолий Викторович явно имел природную смекалку. В начале девяностых, когда страна, после развала СССР, потонула в разгуле грабежа государственной собственности, который в народе метко прозвали «прихватазацией», а большинство населения было бессовестно надуто с помощью ценных бумаг, так называемых ваучеров, Викторович проявлял недюжую сообразительность по части того как быстро разбогатеть.

Он сразу раскусил, что иностранное слово «ваучер» имеет русский корень: «Чур, меня!». И в соединении с английским восклицанием «Вау!» возникает вполне определенный зловейшемистический, не предвещающий ничего хорошего, смысл: «Вау! Чур, меня, чур!». Поэтому надеяться на честный раздел государственной собственности, по мнению Викторовича, было, по меньшей мере, наивно, или говоря более прямо – глупо.

Поэтому Викторovich решил сделать ставку на природную кладовую – сибирскую тайгу, «ключики» к которой имелись у него и его земляков с детства и бережно передавались по наследству из поколения в поколение. Только вот не каждому это было дано понять... Анатолий это понял и начал действовать. Отбросив лежавшие на поверхности такие «богатства» как грибы, ягоды, орехи, пушнину, он обратил свой взор на забытый старательский промысел. Золото было прямо под ногами: надо было только не полениться нагнуться и взять его. Бродя по распадкам вдоль Кругобайкальской дороги, он обратил внимание на то, что почти все ручейки, впадающие в Байкал, имеют странные искусственные, явно сделанные рукой человека запруды, в которых оседают горные породы, вымываемые с байкальских сопков. Уболтав свою супругницу Марусю пожить с ребятишками с полгода без него во имя будущего их семейного процветания, он уволился с работы, прикупил припасы, необходимое снаряжение и «рванул» в начале июня тайгу. В конце октября появился в поселке загорелый, бородатый, поджарый и таинственно-гордый. Действительно, в его рюкзаке было кое-что в кожаном мешке потяжелей, чем полукилограммовая гантель, которой он иногда баловался во время утренней физической зарядки. И всё бы ничего, но что делать с этим самым «весом» дальше, Викторovich решительно не знал. Как превратить металл в деньги, ему было неизвестно. Да к тому же и страшно, так как оказалось, что он невольно преступил черту закона, хотя вроде бы никого не грабил и не обманывал, как это продолжали делать в стране десятки людей, жиревших на народном несчастье. Словом, измучился весь Викторovich, стал нервным, подозрительным, даже исхудал, в одно мгновение как-то постарел и осунулся. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он в Иркутске не наткнулся на мужиков кавказской наружности, у которых на шее болталась картонка с надписью «Куплю золото». В общем, рискнул Анатолий Викторovich. В результате остался без золота и денег. «Но зато живой!» - резюмировала этот эпизод его жизни позже мудрая Маруся. И действительно, как только всё это произошло, Викторovichу дышать и жить стало легче: он вновь приосанился, вернулся на работу, как он выражался, «на железку», в глазах у него появился прежний романтический блеск, за который так его обожали дети и жена.

Этот эпизод (попытка быстро и оригинально заработать деньги!) был не единственным в последние десятилетия в жизни Лопуховых, но заканчивалось всё одинаково. Однако Викторovich никогда не терял надежды.

Вот и сейчас он, после очередного «осенения», быстрым шагом пошел в чулан, где валялась его доисторическая собственность - бивень, на который он наткнулся, копая погреб в огороде.

Бережно стряхнув с него пыль, взвесил. Бивень потянул на 20 килограммов 50 граммов. Это был последний самый веский, да и весомый тоже аргумент.

- Ну, Маруся! – твёрдым и слегка загадочным голосом заявил Викторovich своей второй половине. – Скоро заживём с тобой припеваючи, есть идея!

Мария Иннокентьевна, собиравшая ужин на стол, от этих слов Викторovichа застыла, как вкопанная, и у неё что-то тревожно засосало под ложечкой. Она хорошо знала эти интонации в голосе мужа. Красивое лицо сорокалетней женщины, приняло немедленно насупленный вид, губы напряженно сжались, и через стиснутые зубы вырвалось что-то наподобие испуганного вздоха:

- Опять!

Да, опять в доме Лопуховых закипела интеллектуальная жизнь: Викторovich увлечённо излагал свои аргументы, ушедшей в глухую оборону Марусе. Женщина в ответ то воинственно гремела посудой, то раздавала с досады подзатыльники ни в чём неповинным подросткам, то, взяв на колени малолетнюю Валюшу, обняв её, начинала причитать. Особенно доставалась живности. Опытный кот Васька, всего лишь раз получивший по загривку веником, растворился в огороде, очевидно решив переждать тревожные времена где-нибудь у соседей. Труднее пришлось Дик – дворовому псу, гремящему цепью в ухоженном хозяйском дворе. Подвела его привередливость в еде. Когда он, осторожно понюхав миску с похлебкой, брезгливо морща нос, отошёл в сторону, в его сторону немедленно полетел «снаряд» в виде попавшегося под руку Марусе полена. После прямого попадания Дик, испуганно взвизгнув, скрылся в конуре, откуда несколько дней украдкой выходил, только по ночам, чтобы справить нужду и теперь уже добросовестно вылизать до зеркального блеска миску с едой. Куры, почуяв неладное, вообще перестали нестись, за что неоднократно награждались не самыми приятными прозвищами, а пшено и зерно летело в их сторону так, как будто по ним кто-то стрелял из пулемёта. Особые отношения стали в это время складываться между боровом Борькой и хозяйкой. Раздобрившего кабана она не хаяла, и тем более, не занималась в отношении него рукоприкладством. Наоборот, нежно чесала за ухом, когда он доверчиво тыкался ей в ноги, да о чём-то негромко, но как-то демонстративно, непонятно для кого разговаривала с ним в стайке, когда кормила, будто бы он был единственное живое существо в доме, которое достойно человеческого разговора с Марусей.

Анатолий Викторович знал, что подобные «боевые действия» жены – явление неизбежное, но временное. Он терпеливо переносил угрожающее молчание Маруси, адресованное одному ему. Спать, на всякий случай, временно перебрался в комнату на диван, старался, несмотря ни на что, быть нежным и предупредительным, выполняя все свои текущие хозяйские дела впрок, заводя время от времени ненавязчиво разговор о своей поездке в Москву как о факте, который неизбежно свершится.

Через неделю Маруся сдала свои позиции. Прологом стала, как ни странно, телевизионная информационная передача, которую притихшее семейство вечером смотрело перед любимым сериалом. В ней журналист весёлым голосом рассказывал, как один из российских олигархов, обобравший народ в начале девяностых годов до нитки, объявленный в международный розыск, припеваючи, не прячась не перед кем, живет в Англии.

- Вот, гадёныш! И не подавится же... - вдруг «выпустила пар» Маруся. И тут же ни с того ни с сего, навзрыд заплакала. Вся семья, включая Викторовича, бросилась успокаивать пришедшую в отчаяние женщину. В этом душевном акте даже поучаствовал, взявшись неведомо откуда, кот Васька, который хитро прищурившись, упал, растянувшись всем телом перед ногами хозяйки.

- Да разве ж я тебя держу? – приложив указательный палец к своим брусничным губам, немного успокоившись, глядя в глаза Анатолию, с укоризной сказала Маруся. - Езжай, всё равно не отступишься ведь! Только Христом Богом прошу – не связывайся ни с кем в дороге! Случись с тобой что – кому мы с ребятишками нужны-то...

На том и порешили. Окончательным примерением стала ночь. Конечно, не в прямом смысле, а фигурально: ахи и вздохи, щебетание, как в молодости, на ушко друг другу, смех в подушку, чтобы дети не услышали, шлепанье босых ног по остывшему полу, несколько глотков студеной воды из черпака, ну и тому подобное... А потом по-детски глупое любование друг другом при блеклом лунном сиянии.

Прежде всего, конечно, Марюшей (так ласково, в минуты особой нежности, называл свою жёнушку Анатолий). Это чудо, сделанное из копны пшеничных волос и двух огромных карих глаз, могло хоть кого с ума свести. Особенно если её застать врасплох в момент самого лучшего расположения духа. Ну, вот хоть как сейчас... Лицо Маруси, одухотворенное мальчишеской покорностью Тошика (так ласково, в минуту особой нежности, в свою очередь, называла она своего мужа), излучало величественное ангельское, нет, не сияние, а излучение, которое бликами отражалось в душе, делая её

невесомее и радостнее. Такая женщина в любом возрасте способна даже слона сделать легкой пташкой, парящей над бездной нашего грубого материального бытия. То есть бесшабашно счастливым и свободным! И ни где-нибудь там – в Африке, а в маленьком таёжном посёлке, жизнь которого ограничивается домом, покосом, несколькими стайками для живности, но при этом ничем, да и, по большому счёту, никем не ограничиваемая со стороны неба или, скажем, со стороны сердца или, к примеру, души.

Анатолий нравился Марии совсем не так как она ему, а на особицу. Нет, конечно, всё было при нём, как положено: невысок ростом, но хорошо сложен; глаза небольшие, но бездонно голубые; походка мягкая, рысья, а движения не только рук и ног, но даже пальцев и бровей такие неожиданные, что, аж, дух временами захватывало. Словом, за таким хоть в огонь, хоть в воду! Но главное – не в этом... Упругое нежелание, сосредоточенное во всём его облике, от горбинкой изломанного носа, до чуть приподнятых плеч, идти наперекор всему и всем, что препятствует достижению его пониманию счастья. Нет, не для себя и даже не для неё, Маруси, а вообще для всех, даже для тех в посёлке, кто об этом, как говорится, ни сном ни духом. Это понимала только одна Маруся. И неосознанно гордилась Анатолием.

Дело-то не в том, что он придумывал какие-то небылицы о мгновенном личном обогащении. Анатолий искал «рецепты» как выжить всем, сообща. Мечтал подать пример. Мечтатель! Вот за это-то и любила его Маруся. Хотя, вряд ли сама понимала это... Любила, да и всё тут!

Да и надо ли иногда что-то понимать, то, что и так яснее ясного и без всякого, как говорится, расчёта. Как эта ночь, которая дышала с Анатолием и Марусей одномоментно. Удары их сердец совпадали с миганием звёзд на небе. Полная луна так раззадорено светила, что в зеркале озера, находившегося наискосок в низине от их дома, были издали видны отражающиеся в нём берёзы, гурьбой толпящиеся на дальнем от Московского тракта берегу. Прозрачными и ясными в этой ночи были не только лунный свет и приглушённые тьмой краски, но и звуки. Их проникающая бесконечность была настолько велика, что Анатолию то ли казалось, то ли это так и было на самом деле, но он слышал короткие сигналы («Пи-пи-пи!», пролетающих около земли искусственных спутников и, уж, точно, тиканье, лежащих в соседней комнате на обеденном столе ручных часов.

Но даже такая чудесная ночь мгновенна, как жизнь. Она растаяла, и наступило утро. То самое утро, когда Анатолий, наскоро собрал нехитрые манатки в дорогу. Продал живым весом в тридешево онемевшему от счастья соседу раздобревшего к осени

поросся. Потом, для приличия и, как говорится по обычаю, разыграл прощальный спектакль с застольем для самых близких, с объятиями и поцелуями, которые скорее напоминали формальный ритуал пригубливания «на посошок» нежели искреннее раскаяние за всё содеянное при расставании с семьёй. Затем взял под мышку драгоценную кость и двинулся в путь.

То, как он добирался до Москвы – разговор особый. Заметим одно: легче в столицу провести мамонта целиком.

Неприятности начались уже на иркутском железнодорожном вокзале, когда его, со «снарядом» под мышкой для маскировки завернутым в газеты, заметил милицейский патруль. Вежливый ответ Викторovichа на их закономерный вопрос «Что везёте, гражданин?» - «Бивень», почему-то вызвал неадекватную реакцию у стражей порядка.

- Ты чё, мужик, издеваешься!?

- Ей, богу – бивень мамонта! – почему-то повеселев, добавил Викторovich.

В результате ещё через минуту, уже раздетый до трусов, он продолжал «веселить» в дежурке всех остальных сотрудников, находившихся в этот вечер на дежурстве. Однако, «анализ» образца содержимого пакета показал, что данный продукт не является взрывчатым веществом. Путешественника, извинившись, отпустили, посоветовав сдать нетрадиционную поклажу в багаж.

«Ага, щас, разбежался! – Держите карман шире!» - подумал про себя Викторovich. – А ежели кто пронюхает, что это, по-сути, твёрдая валюта?»

Однако, сделав выводы, новоявленный предприниматель уже не стал рассказывать проводнице скорого поезда «Байкал», что везёт в Москву бивень мамонта. «Прокатила» легенда о том, что это сюрприз для московских друзей. Но так как этот «сюрприз» никак не хотел уместиться под нижними полками, пришлось его положить с собой на верхнюю, что не могло не вызвать удивление у бдительных и чрезмерно любопытных попутчиков.

Началось все с Коляна, который ехал до Новосибирска и никак не мог взять в толк, зачем Викторovich укладывает спать «сюрприз» вместе с собой. Этот пятидесятилетний мужчина с мировоззрением гэпэтэушника из Усолья-Сибирского, начавший «разминаться» портвейном ещё, очевидно, на вокзале, уже в районе станции Зима вопрос поставил ребром: либо Викторovich, как он выразился, «колется», что он везёт, либо он в Тайшете сдает его в руки правоохранительных органов, как личность, незаконно транспортирующую «природную ценность».

Разговор между мужиками, по настоятельной просьбе Коляна, происходил с глазу на глаз в тамбуре.

- Я в общем-то не против, чтобы ты это козлячье государство нагрел... Сам при всяком удобном случае так делаю... Но! – Делиться надо! - хитро прищурившись, констатировал мужик. И, пыхтя папиросным дымом в некурящее лицо Викторovichа, начал напрямки излагать свою концепцию происхождения «сюрприза». Роковой ошибкой Анатолия стало то, что он, во-первых, в купе отказался, помня строгий наказ жены, «поддержать компанию» Коляна, чем сразу же вызвал подозрение. А, во-вторых, испуганный предыдущим эпизодом общения с милицией, он начал просить Коляна оставить его в покое, упирая на то, что он везёт не бодайбинское золото или якутские алмазы, а обыкновенный подарок из Сибири для своих московских друзей. Его оправдательно-заискивающий тон только усилил подозрения Коляна.

- Сюрприз, говоришь?! – угрожающе прохрипел Колян, стряхивая пепел прямо на старенький костюм Викторovichа. - А вот мы сейчас, «не отходя от кассы», и проверим, какой-такой у тебя там сюрприз! И с этими словами, отодвинув в сторону Анатолия Викторovichа, он устремился по направлению к их общему купе, где, по его мнению, хранились их общие драгоценности.

Что оставалось делать Викторovichу? Поймав за грязную майку гэпэтэушника, он рывком развернул чрезмерно бдительного товарища лицом к себе и по-простецки заехал ему «между рог». Разумеется, на этом история не закончилась. Объясняясь сначала с проводницей, а потом и с начальником поезда, Викторovich рассказал чистую правду, которая вызвала предсказуемый эффект: в Тайшете его багаж под злорадным надзором Коляна был подвергнут осмотру правоохранительных органов. Хорошо хоть с поезда не сняли – время стоянки позволило с инцидентом разобраться на месте. Бивень, во избежание дальнейших недоразумений, с согласия Викторovichа, был препровожден до Москвы в купе проводников. А Колян уже до самого Новосибирска не взял в рот ни капли, угрюмо пялился в окно, подсвечивая проплывающие пейзажи огромным фингалом, сияющим всеми цветами радуги под его левым глазом.

В Москве, по совету проводницы, до места назначения Викторovich добирался на специальном, с удлиненным кузовом, такси. В конторе по заготовке бивней его встретили радушно. Видимо, на лице Анатолия Викторovichа всё ещё было написано этакое, что придавало наибольшее количество оптимизма работникам данного предприятия. Вскоре около бивня собрался целый консилиум. Его щупали, рассматривали в лупу, даже нюхали. В результате последовал приговор: «Низший сорт...»

Викторovich попробовал, было интеллигентно вякнуть, что, мол, дескать, так и так – в объявлении не было ни слова о сортности

костей... Но! - Перед ним сразу возникли два здоровенных верзилы, круглые головы которых указывали на низкий коэффициент интеллекта в них.

Анатолий смекнул, что таких гостей со всех российских (преимущественно, очевидно, сибирских!) волостей здесь поджидали постоянно... Словом, чтобы очередной гость не пополнил бездомный отряд бомжей столицы нашей родины, ему вручили 50 долларов «за беспокойство», забрали бивень и ласково, но настойчиво, изображая сожаление, выпроводили за порог.

Как только Викторovich оказался на улице, его, как щепку, подхватил мутный поток людей. От мелькания лиц, автомобилей, какофонии звуков ему сделалось муторно. Он, то и дело подталкиваемый с разных сторон людьми, растерянно шарил глазами вокруг, пытаясь найти хоть какую-нибудь отмель в виде лавочки на которой можно было бы отдышаться. Но всё было тщетно.

Пронесившиеся мимо груды различных зданий не производили на Викторovichа ожидаемого исторического впечатления. Оно усугублялось запахом гари от горевших под Москвой торфяных болот. Казалось, что горит сама столица, которая сдана без выстрела какому-то жестокому, но невидимому неприятелю. В таком городе невозможно дышать полной грудью, невозможно ощущать себя свободным человеком. Люди, как будто подравленные тараканы, стремительно и не очень координировано передвигались в пространстве улиц и проспектов. На лицах многих из них были надеты марлевые повязки, что только подчеркивало абсурдность и трагизм происходящего. Так его болтало по Москве несколько часов, пока не загудели ноги, и он в полном отчаянии не спустился в прямом смысле под землю – в метро. Только там, находясь всё ещё в людском кипящем котле, он узрел спасительный деревянный уголок. Плюхнувшись на скамейку он глубоко вздохнул, как будто оказался на поверхности воды после долгого нырка, во время которого приходилось задерживать дыхание. Осторожно, вытянув затекшие ноги, он попробовал блаженно закрыть глаза, но тут же вынужден был их распахнуть: не очень-то разборчивые пешеходы то и дело, чертыхаясь, начали запинаться о его нижние конечности. Пристыжено подтянув ноги под себя, он задумался. Оставшихся денег от порося, плюс «зеленых» должно было хватить на то, чтобы не очень торопиться в обратный, прямо скажем не радостный, путь. На душе было горько и пустынно.

Но груз пережитых за последние дни событий всё же сказался на состоянии сибиряка. Глаза Анатолия Викторovichа начали слипаться, расслабленная голова прислонилась к одной из стенок ниши, в которой стояла скамейка. Мужчина задремал.

И снилось Викторовичу палящее Закавказье.

... Как он, девятнадцатилетний, крепко скроенный матушкой природой парень, делает «на спор» со старослужащими на турнике сто подъёмов переворотом. Серёга Цветов, Олег Бочкарёв – закадычные друзья, стоят рядом и считаю: «Семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один...» Пот заливают глаза и щиплет губы, разбитые накануне во время спарринга. Горячий металл обжигает пресс, когда животом касаешься перекладкины... Но надо, обязательно надо выиграть это пари, чтобы «деды» знали: всякой силе может быть противопоставлена другая сила...

... Душная и тёмная, хоть глаз выколи, кировоградская ночь. Оглушительное пение цикад и булькающее кваканье лягушек. Под мокрыми простынями, расплавленные от жары солдатские тела. Душно, душно...

- Рота подъём! Строится выходи! – раздается команда Лазаря – старшины специального десантного батальона. Команда относится только к «духам» - молодым солдатам, служащим в Советской Армии первые полгода. Поджарые, уставшие и испуганные духи выстраиваются в проходе между кроватями, на которых в барских позах сидят несколько «кандидатов» (солдаты, прослужившие больше года, но ещё не «деды»), привыкающих к почётной роли «воспитателей» молодых. Старшина командует:

- Ефрейтор Лопухов – два шага вперёд! Упор лёжа принять, отжаться 50 раз!

Молодой Толик выполняет команду. Делает это играючи, думая про себя: «Могли бы, придурки, и сто раз заставить отжаться... Видать, в их курином мозгу не укладывается, что для меня это – пустяк... Или просто лень ждать, пока я буду отжиматься такое большое количество раз... Что-то здесь не так...»

- Встать!

Резко оттолкнувшись сильными руками от пола, ефрейтор легко встаёт. Потряхивает кистями рук, чтобы разогнать кровь по жилам.

- Чё умный самый что ли?! – не выдерживает его спокойствия сержант Мячиков и, подбегая вплотную, бьёт под дышло. Его ватный кулак пружинисто отскакивает от литого прессы Лоха (так дразнят «деды» Толика). Сие обстоятельство ещё больше «заводит» Мячика.

- Да я тебя!

- Отставить! – командует, ухмыляясь, коренастый старшина. Лопаты его рук медленно превращаются в пудовые гири, а грудь в колесо. Мячик «сдувается». Все в роте знали, что Лазарь никогда своих рук о «духов» марасть не будет: это за него делают самые тщедушные «гвардейцы» из его призыва, наподобие Мячика,

которые его боялись пуще, чем молодые солдаты, по крайней мере, чем Лопухов – точно.

- Ефрейтор Лопухов – принять стойку десантника. – нарочито негромко командует Лазарь...

Что означает эта команда - в полку знали все: и офицеры, и сержанты, и солдаты.

Офицеры, потому что с их молчаливого согласия процветали неуставные отношения, позволявшие им свои непосредственные обязанности переложить на плечи сержантского состава, который состоял в основном из старослужащих. Они, преисполненные душой ответственностью, «рулили» (свели за порядком) особенно яростно по ночам, когда власть их над «молодыми» была безраздельна. Чем круче были ночные развлечения с «живыми куклами» первогодков, тем большей была уверенность, что они будут более покорны днём... А как же иначе! Ведь природой устроено так, что за днём обязательно наступает ночь. И насколько она будет страшной для молодого солдата зависело от того насколько он правильно будет себя вести днём. Считалось, что правильно ведёт себя тот «дух», который всегда помнит, что он – дух. А его командир, точнее, господин – старослужащий. Нелепые капризы и желания его – приказы, которые «дух» должен выполнять беспрекословно и подобострастно, искренне изображая, что это ему доставляет удовольствие. Например, постирать гимнастёрку, почистить сапоги или отдраить до зеркального блеска звездистую бляху ремня «деда»...

Сержанты, потому что сами были молодыми... И тот же Лазарь, в своё время, не раз принимал «десантную стойку». Поэтому он теперь считал несправедливым, что нашёлся умник, не желающий исполнять закон дедовщины. Если любой «дед», а тем более такой шикарный качёк как Лазарь, начнёт давать молодым слабину, то получается, что он был в своё время слабаком? В этом у него не было сил признаться даже самому себе...

Ну, а солдаты, то есть в основном первогодки – пока это «знали», как говорится, в прямом смысле слова, на своей шкуре...

Итак, «принять стойку десантника» это означало, что молодой солдат должен был скрестить руки на груди, как будто бы левая лежит на запястье, а правая сжимает вытяжное кольцо купола основного парашюта. Потом согнуться в поясе, будто бы приготовившись к прыжку из люка самолёта. В это время старослужащий с криком «Пошёл!», с оттяжкой, бьёт тяжелой металлической бляхой солдатского ремня по его «мягкому месту». Неприятно, но не смертельно. Зато морально бьёт наповал. Такое унижение лишает человека чести мгновенно, обозначая его место в сложившейся солдатской иерархической лестнице, которая

именуется дедовщина. Однажды, таким образом, «сломанный» морально человек, вынужден играть по тем правилам, которые отныне на время службы становятся его нормами поведения. Они определяют ценности армейской жизни, главная из которых, конечно, не долг перед Родиной, а беспрекословное, слепое, себя не помнящее, подчинение младшего чина старшему. «Дед» мог и приказывал молодым солдатам нарушать Устав, совершать мелкие и крупные преступления (воровать, ходить в «самоход» за спиртным и т.п.). Надо ли говорить, что солдат с такой сломанной волей во время военных действий мог и становился предателем, перебежчиком, причём, не только молодой солдат, но и старослужащий. Потому что человек готовый унизиться ради спасения своей шкуры в мирное время, верящий только в силу кулака - в любой сложной боевой ситуации подсознательно, на уровне инстинкта делает свой выбор в пользу спасения своей жизни, а не товарища.

Толик, впоследствии, это не раз наблюдал в Афганистане... А тогда в отдельной десантном батальоне он был единственным из своего призыва, который не исполнял команду «Десантную стойку принять!» И, конечно, за неповиновение неоднократно был бит... Как, впрочем, и за то, что отказывался «стрелять» сигаретки для «дедов» и многое другое, что не имело никакого отношения к выполнению его воинского долга перед Родиной. Этим самым он противопоставлял себя не Мячику и Лазарю, а сложившейся в армии системе неустанных отношений.

Так что команда Лазаря была на самом деле сигналом к очередному избиению непокорного. Лопухов знал, что для начала ему достанется бляхой по спине, а, возможно, и по лицу, чего он постарается не допустить. За это на него набросятся, как стая голодных псов, все старослужащие и те из «щенят», которые через месяц их заменят...

Но на этот раз всё пошло по другому сценарию. «Слишком умного» Лопуха не тронули, а заставили принять вместо него упор лёжа весь его призыв... Так натравливался призыв на отшельника. Этот вид наказания стократ тяжелее. Самые слабые из призыва во время экзекуции стонут, обессилено падают на пол в лужи собственного пота... И всё это происходит на глазах у «виновника» этих истязаний...

...Следующая «картинка», возникнувшая в подсознании Анатолия, относилась к 1978 году... Ровно через год начнётся афганская кампания. А пока весь полк сидит на аэродроме «на парашютах». У каждого бойца запас сухих пайков на три дня, полный боевой комплект боеприпасов. У молодых лейтенантов бледные лица: они тоже не знают настоящей цели боевой тревоги.

А то, что она не учебная - факт.... Тревожно режут двигатели «аннушек» (самолетов АН-12)... Замок (заместитель командира роты) периодически поднимает бойцов, тела которых «слились» с парашютами и онемели, от долгого неподвижного сидения на земле. Взводный «старолей» (старший лейтенант) проверяет экипировку, главным образом, основного и запасного парашютов, видимо, больше для успокоения самого себя.

Толику почему-то особенно жалко его: он почти его ровесник, но в отличие от него у него дома осталась молодая жена и только что родившийся ребёнок... Ефрейтор, ощупывая прохладную сталь пулемёта, спокойно размышляет, кого пристрелит первым, когда приземлится на земле не предполагаемого, а реального противника... Он уверен, что всё равно эти малодушные изверги, предадут или драпанут в первом же бою.. Кроме того, они от заячьего своего страха могут запросто пристрелить его первыми... Не зря некоторые из них стали в последние часы заискивать перед Лопухом, общаясь с ним на равных. Чуют, что у них нет тыла, иуды... Поэтому Лохов, в отличие от многих солдат и офицеров даже в какой-то мере жаждал, чтобы началась настоящая пусть и смертельно опасная служба...

В смутном сознании Викторovichа возникает ещё один эпизод. Вчера в расположении казармы был «шмон»: офицеры проверяли солдатские тумбочки, что-то искали в их постельном белье и нашли... личный дневник ефрейтора. Конечно, Анатолий знал, что делать личные записи в армии, запрещено, как и вообще, в целом, думать и чувствовать... Но продолжал писать, думать и чувствовать! Но не мог смириться со скотским положением, которое было определено для молодого солдата... Его не страшило наказание, но... Мысли и чувства, пусть даже записанные на бумаге, не могут жить без конкретных людей, их поступков, взаимоотношений... Он не боялся, того, что кто-то прочитает его размышления о «дедовшине». Но ему было страшно даже подумать, что та его часть, в которой он описывает некоторые эпизоды другой неустанной жизни (самоходы-самоволки, солдатские приколы друг над другом и т.п.) станут невольным доносом... Посоветовавшись с Цветиком (так звал Лохов Сергея Цветикова), который ночью был помощником дежурного офицера, он с помощью его «изымает» ключи у спящего офицера, вскрывает сейф, забирает дневник, разрывает его на клочья и бросает в пасть толчка (унитаза). Ключи, разумеется, возвращаются на место...

Утром батальон поднимается по тревоге. Грузный комбат с широким бульдожьим, пышущим гневом, багровым лицом, расхаживается перед строем, мечет «гром и молнии» уверяя, что знает, кто выкрал «важный документ» из сейфа... При этом он

неоднократно останавливается напротив Лохова, сверля его глазами... В конце концов Анатолию надоедает этот «цирк», он четко, так чтобы это было слышно всем, стоящим в строю, говорит:

- Если под «документом» вы подразумеваете мой личный дневник, то его забрал я! Он принадлежит только мне и никто не имеет право читать то, что в нём записано...

Лопухову показалось в тот момент, что комбата прямо сейчас парализует перед строем от злости. Нервный тик перекошил его лицо. В дыхание людей проникла такая тишина, что было слышно, как около караулки на ветках лопался перезревший инжир.

- Да, я... Да, я тебя... В дисбате сгною! – наконец «прорвало» комбата.

Удивлённые признанием ефрейтора офицеры, сдёрнув с него ремень, на тычках, погнали его в кабинет комбата... На батальонной губе¹ он просидел десять суток, но, разумеется, Серёгу «не сдал»... Викторovich даже во сне почуял специфический запах губвахты: смесь человеческого пота и клопов. Он, будто бы наяву, услышал как доски «вертолетов» (откидные лежаки в камере), при малейшем движении арестованного на них, поскрипывали от звуков раздавленных паразитов...

Эта была первая самая памятная для Лопухова отсидка. Всего за всю свою службу, в мирное время, он отсидел почти 100 суток, в основном за драки и самоходы... И два раза был поощрен отпуском за отличные показатели «в боевой и политической подготовке». Два раза представлялся к званию сержанта и два раза перед строем лычки срывали отцы-командиры...

А громкое и, главное, позорное для батальонных офицеров дело о краже «особо важных документов» из сейфа командира отдельного батальона не получило широкой огласки, благодаря усилиям всё тех же офицеров...

Ещё снились Анатолию ротные учения. Земля, как будто нарисованная карта, с высоты трёх тысяч метров... «Каталки», как на санках с горки, по ветру на парашюте... Долина, пахнувшая горькой полынью, огромное звездное ночное южное небо... Горные аулы, на извилистых улицах которых их, измотанных зимними туманами и дождями, встречали северокавказские дети и женщины, угощая, на ходу, хрустящими чуреками... Долгие ночные марши шагом-бегом, по «наезженному» маршруту Герань-Кировобад (расстояние 80 километров!)... Живые упряжки из двух солдат для «самоходных» пушек-гранатомётов... Таскание за ремень солдат первогодков, которые не выдерживая марш-бросков, превращались в ничего не чувствующих «живых трупов»... Рытьё окопов в полный

¹ Губе – (просторечие) губвахта, место заключения солдат и сержантов за совершенные дисциплинарные нарушения.

профиль на горных перевалах малой сапёрной лопатой и многое другое – красивое, грустное, трудное из солдатской нелёгкой жизни.

До сих пор иногда ночью Викторovich просыпается от гула тяжёлых «илов» и «анов», которые, натружено пыхтя, разогреваются перед взлётной полосой. Или от жужжания трассеров, пронсящихся со свистом над головой куда-то в непроглядную то ли афганскую, то ли кировобадскую темень. Или от стога раненых или хрипа умирающих от ран боевых товарищей... А садясь в гражданский самолёт, он, с недоумением, каждый раз, наивно думает: «Почему у экипажа и пассажиров нет парашютов?» И хуже всего в полёте переносит посадку, потому что более ста раз, в своё время, он взлетал на самолёте, а возвращался на землю уже «своим ходом»...

На самом деле Викторovichу снилась не армия и не война, а юность! Прекрасная, залихватская, жестокая, с кучей ошибок, но открытая и трогательная. Юность простого советского паренька, которая, не успев начаться, осталась где-то там на Кавказе в Герани, Зазалы, Гиджаке и в Афганистане – Джалалабаде, Кандагаре... Так же как позже у многих пацанов новой России в Грозном, Моздоке, Гудермесе, Аргуне... Советские солдаты, как будто предчувствуя и Афган, и Чечню, уже в 1978 году в азербайджанском Гиджаке пели:

*Прикорнуло солнце за хребтом горбатым,
Нависает полночь над Кировабадом,
А с рассветом снова на незримых тропах
Меж землёй и небом нам качаться в стропах.*

*И быть может ветер, что ветвями машет,
Унесёт за горы парашюты наши,
Чтобы с лёгким сердцем купола гасили
Среди трав пьянящих на лугах России...*

Викторovich отчётливо, сквозь дрёму, слышал эту музыку и слова. Он видел во сне грустные глаза своих одногодков, сидящих у костра в горах. Его губы, непроизвольно, шептали давно казалось бы забытые слова...

Вдруг он понял, что слышит эту песню совсем не во сне... Викторovich резко открыл глаза и проснулся. Где-то недалёко, в переходе, кто-то играл на гитаре и пел, когда-то сочинённую им песню. Её никто не мог знать, кроме самых близких его товарищей, служивших с ним на Кавказе ... Встав, слегка пошатываясь, ещё до конца не поняв, во сне он или наяву, Викторovich направился в ту сторону, откуда доносились звуки...

Через несколько минут он оказался перед двумя парнями, один из которых пел и играл на гитаре, а другой, пошустрее, помогал ему собирать заработанные деньги, используя вместо традиционной в таких случаях шляпы или чехла от гитары, свою бейсболку.

Викторович неотрывно смотрел на светлого, с ироничным прищуром исполнителя. Казалось, что у парня прямо из шеи растут две тоненькие ветви его рук. Иллюзия эта возникала от того, что у юноши пока отсутствовали, в принятом понимании, «мужские плечи». Такое почти неприличное внимание случайного прохожего к своей персоне, заставило парня, улыбнувшись, спросить:

- Тебе чего, отец?

Спохватившись, Викторovich пошарил по карманам и вручил «мытарю» помятую десятирублёвку, показывая всем своим видом, что больше не может дать.

- Тебя как звать парень? – спросил сибиряк.

- Толик...

- Тёзка, значит... Скажи, Толя, а откуда ты знаешь песенку кировобадского десантника?

- Батя напел...

- А отец твой, случаем, не уральский?

- Да... - удивлённо ответил Толик.

- И звать его - Сергей!

- Точно! – ещё больше удивившись, заразившись «загадочным настроением» Викторovichа, подхватил парень.

- Чёрт возьми – Цветик жив?! – радостно вскрикнул Анатолий Викторovich.

- Ты батин однополчанин?

- Да, Толик, минуту назад ты пел мою песню, а её знали всего несколько человек... Я уж думал, что их никого в живых после Афгана нет... Нас перед самой войной по разным частям разбросали... Ты бы не мог мне адресок отца черкнуть?

- Зачем адресок – вот телефон, звони... Мы теперь в Москве обитаем...

Толик набрал номер и дал мобильник Викторovichу, который так разволновался, что когда на «другом конце провода» раздался глухой, но очень узнаваемый голос Сергея, даже не сразу набрался духу ответить ему.

- Серёга... это я...- и, проглотив подступивший комок к горлу, добавил. – Лохов Толя...

Видимо, и Сергею было не просто поверить своим ушам, собраться с мыслями... Ответ последовал после некоторой паузы.

- Братишка! Ты где? Почему звонишь с телефона сына – в Москве что ли?!

- Да, вот заплутал, как всегда, немножко, на этот раз, видимо, не зря... Примешь старого бродягу?

... Викторovich ехал с Толиком на метро до станции Войковская, а дальше до Коптеевского рынка на трамвае, молча... Толик украдкой, с нескрываемым любопытством, поглядывал на лицо мужчины, о котором не раз слышал из уст отца. Для него он всегда был некий мифический герой: негибаемый, решительный, неунывающий и бесстрашный борец за справедливость. И вот напротив его сидел уже не молодой, далеко не атлетического телосложения, смуглый с крупными чертами лица человек, бронзовый лоб которого пересекал давно зарубцевавшийся, но хорошо видимый шрам. Серые грустные глаза, обвисшие усы, седая борода нелепо завершались сверху большой собачьей шапкой... Всё это совсем не гармонировало со сложившимся в сознании Толика образом «русского Рембо».

Викторovich, не подозревая о размышлениях Толика, действительно, после первых минут радости как-то сник, был несколько удручен и сосредоточен. Он вновь и вновь представлял свою встречу с Сергеем... О чём они будут говорить? Что он мог рассказать своему другу, человеку, очевидно, с состоявшейся судьбой, успевшему к пятидесятилетию достигнуть немало... Живописать о своем беспутном житие-бытие? Ведь у него даже нет какой-нибудь определённой профессии. Всё чему научился в армии: стрелять, прыгать с парашютом из самолётов, бросать гранаты, метать ножи, махать лопатой в рукопашном бою, делать засады, держать оборону и прочее – на гражданке не просто оказалось не нужным, но и даже опасным, в каком-то смысле, знанием. На сверхурочную не остался – всё-таки армия не его стихия. Служить в милицию не пошёл, хотя предлагали и даже упрасивали... На режиссера народного театра не доучился – женился и дети «пошли». Из университета с четвёртого курса филфака «вышибли»... Случилось это, когда в четвёртый раз ему попался на очередном экзамене билет с вопросом по статье Ильича «Партийная организация и партийная литература»... Анатолий не выдержал и сказал, что думает об этой самой партийной литературе. А дальше трудовая подёнщина. Причём, где её отбывать – всё равно, лишь бы на кусок хлеба для семьи заработать. Вдобавок, призрачная «ловля удачи» в тайге и по жизни вообще, чтобы вырваться из нужды и обрести хоть какой-то достаток. Ни дать, ни взять – бродяга... Вот и в Москве оказался по причине очередного мечтательного недоразумения, в которое он, по сути, превратил всю свою жизнь...

Уже перед самым домом Викторovich, выдохнув внутренне своё напряжение, осторожно поинтересовался:

- Толик, как он там вообще?...

- Сами увидите... - ответил сдержанно парень, впервые с момента их встречи, обратившись к Викторовичу на «вы».

-Ну-ну... - неопределённо промычал сибиряк, как будто бы и не задавал вопроса.

Домашнее обиталище армейского друга располагалось в четырёхэтажной обшарпанной хрущёвке, в подъезде с облезлыми, как у помоечного кота шерсть, стенами. Перешагнув порог квартиры Сергея, он услышал из дальней комнаты голос товарища:

- Давай, Толик, сюда!

Зайдя в зал, Викторович увидел как из дверного проёма смежной комнаты на встречу им, выкатилась инвалидная коляска. На ней сидел Серёга, у которого вместо ног на сидении лежали две культы. Сердце Анатолия Викторовича жалобно сжалось...

- Ну-ну... – увидев реакцию Викторовича, жёстко отреагировал Сергей. – Давай, Толя, без истерик... Истерик было уже достаточно... У меня давно началась норма-а-альная жизнь!

Но «нормальная жизнь» гвардии майора воздушно-десантных сил Сергея Владимировича Цветова началась не сразу. Когда он, почти десять лет назад, после тяжёлого ранения в Моздоке, вернулся домой в Челябинск, сначала смалодушничал и, как говорится, «запил горькую». Вскоре жена с малолетним сыном ушла из дому...

Около года, обозлившись на весь мир, майор раскатывал по электричкам Урала - жалея свою юность, оставленную в Афгане, а жизненный опыт и здоровье в Чечне. И закончил бы он печально, как и многие из оставшихся в живых «афганцев» и «чеченцев», если б не встретил в одной из электричек девушку, говоря словами Сергея, «хрупкую и прозрачную как весенняя льдинка на солнце». Девушка была слепой от рождения. У неё накануне их встречи, умер единственный близкий человек – мама. Сергей обратил на неё внимание, когда она, пытаясь положить в его афганку монету, обронила её на пол. Он повернулся к ней и почему-то сразу понял, что за чёрными очками девушки не тьма, а свет, который способен любого, заблудшего в потёмках самого себя, вывести к людям. Он вложил в её невесомую ладонь монету, поблагодарил пожатием. С этого дня она стала его «поводырём» в его путешествии по жизни.

Это было потом... А в тот момент, несмотря на то, что Алёна (так звали девушку) не видела его, он готов был сквозь землю провалиться от стыда. Он - безногий, но, всё же здоровый мужик – просил подаяние, а этот нераспустившийся цветок на тоненьком стебельке тела, делился, очевидно, последним что у неё было. Это стало основным и решающим мотивом сегодняшней его мирной, но по-своему «боевой» жизни. Он вновь вступил в схватку, но уже с

самим собой, с жизненными обстоятельствами, ради сохранения и охранения других, которые олицетворялись теперь для него в Алёне и сыне, которые стали главным смыслом его жизни.

В день встречи Сергея с Викторовичем, Алёна лежала в больнице на сохранении – «молодой папа» ждал второго мальчика. А это значило, что забот у гвардии майора скоро должно было прибавиться... Он был, судя по его счастливой физиономии, этому несказанно рад.

- Вот, пожалуй, и всё... - закончил свой рассказ Сергей. – Теперь, я - пенсионер, промышляю на дому, так сказать, народным творчеством... - кивнув в сторону оборудованного в комнатке верстака, поставил своеобразную точку в своём повествовании майор.

Над верстаком на полочке расположились причудливые фигурки, вырезанные, как показалось Викторовичу из дерева...

- Красиво... Как это у тебя получается?

- Да, ничего особенного... Берёшь заготовку из кости – дальше дело техники и воображения...

- Кости? – настороженно переспросил Анатолий Викторович.

- Не поверишь – бивень мамонта, доисторическое ископаемое...

Виктор, хлопнув себя по щекам, раскатисто рассмеялся.

- Чего тут смешного? – обиделся Сергей.

- Да, нет-нет... - держась за живот и вытирая слезы с раскрасневшегося лица, успокаивал друга сибиряк. – Ты не подумай чего... Тут такое дело...

И Викторович рассказал свою историю. А также, за одно, про «старательство» и другую свою горе-предпринимательскую деятельность.

Тут настал черед смеяться, причем от души, у майора.

- Ну, уморил! Вот «обули так обули»... Я даже не буду тебе говорить, за сколько они нам такой «низший сорт» продают... - и, просмеявшись, добавил, - Однако выглядишь ты неважнецки.

Это Викторович знал и сам. Особенно это, очевидно, бросалось в глаза в сравнении с какой-то светлой, ухоженной, чисто выбритой физиономией армейского друга. Ещё когда они обнимались, он отметил про себя какие у него сильные руки. Потом, порадовался его задорному, как в юности, взгляду, слегка прищуренных ироничных глаз, лукаво выглядывающих из-за небольшого, «картошкой», носа.

Через полчаса «по приказу» старшего по званию оба Толика привели себя в порядок в ванной комнате. А потом уселись вместе с хозяином пить чай на кухне... Ближе к полночи, когда младший Толя угомонился на разложенном по случаю приезда гостя кресле-кровати, друзья разговорились по душам.

- Вот ты, Серёга, прошёл огонь и воду... Повидал разного всего по более меня... Скажи, что со всеми нами происходит???

- Если ты о стране, то один мудрый и очень уважаемый мною человек сказал об этом коротко, но внятно: «Целились в коммунизм, а убили Россию...»

- Эффектно... Но при чём здесь твоя Алёнка, моя Маруся, наши дети, мы с тобой, наконец...

- А притом, что мы все живём в этой самой России... Ты – в Сибири, я – в Москве... Но судьба и душа у нас единая! В отличие от тех мерзавцев, у которых нет ничего общего... Ни национальности, ни родного края, ни тем более родины... Для них нравственно всё, что, как они выражаются, «экономически целесообразно», а на поверку - выгодно... Поэтому это не их, а наша с тобой страна, душу которой, между прочим, «аршином не измерить»...

- Да, изменился ты, Сергей... Сложно и уж слишком вычурно выражаешься...

- Не обижайся... Сам понимаешь, всю жизнь по сопкам бегал, да, под пулями ползал... Теперь вот навёрстываю... Но не в этом суть... Ты моё отношение к коммунистам ещё по довоенной службе знаешь... Но и тогда, и в Афгане, позже в Чечне я и многие другие служили России, а не Горбачёвым, Ельцыным, Путиным и их политическим прихвостням. Догадываешься, что я имею кое-какое право произносить эти, как ты выразился, вычурные слова?!

- Извини...- поняв, что обидел товарища, тихо произнёс Викторovich.

- Извиняю, товарищ, ефрейтор. Но вместе с тем, как и ты не понимаю, почему это мы вдруг стали морщиться и ухмыляться при словах «родина», «Россия», «совесть», «честь», «душа»... Как это так ловко получилось, что вся страна или, по крайней мере очень значительная её часть, превратилась в кладоискателей, которые полагают, что Россия это – поле чудес... Не жизнь, а сплошное шоу... Национальный герой даже не Иван-дурак, который, заметь, то же был не прочь пожить на халяву, а деревянный иностранный чурбан Пинокино-Буратино... Мы же сами собственными своими руками, своим безголовием и бездушием плодим разного достоинства котлов Базилио и лис Алис... Чем, например, ваучер отличается от сольдо Буратино? С нами кто-то очень ловко играет в лотерею, причём, беспроигрышную для этого «кого-то»... В нашей жизни ключевым стало слово «подлог».

Относительная бедность основного населения, еле сводящего концы с концами, стоящего с одной занесенной ногой над бездной подменяется словом «стабильность»... Конечно, кому же хочется в

бездну сковырнуться?! Лучше стабильно стоять на краю пропасти в таком кукольном положении.

Многочисленные и широко рекламируемы в СМИ подачки, например, в виде надбавок к пенсиям и зарплате учителям, военным, которые даже не покрывают инфляцию, выдаются за социальную справедливость...

Российская современная демократия - шоу для простачков, которые думают, что это народовластие... На самом деле это её первозданный древнегреческий вариант, когда главные ценности демократии «свобода» и «равенство» не распространялись на рабов. Не трудно догадаться кто сейчас в России рабы, а кто в полной мере вкушает плоды этой, так называемой, демократии... Шмотки – их наличие или отсутствие – всего лишь показатель кто может наслаждаться свободой и равенством, в том числе перед Законом... А у нас даже коммунистическое равенство среди нищих отняли ...

Отсюда демократическое общество, как говорит старик Хабермас, общество фальсифицированной социальной, политической, экономической, культурной и, следовательно, личной жизни. Для того чтобы этот спектакль был успешным коммерческим предприятием для высшей публики и нравился черни, достаточно содержать подручный штат якобы независимых оценщиков и экспертов. Подлинность любой ценности или истинной цели любой деятельности устанавливается в таком обществе посредством продажи... Поэтому при такой организации политического представления можно всё что угодно выдать за всё что угодно...

Психология такого «общества спектакля», как зараза, распространяется в сознании, а через это и в деятельности людей. Именно с такими оценщиками, порождёнными нашим российским вариантом общества спектакля, ты и столкнулся в Москве... То, что они «обули» тебя это, конечно, обидный, но всё же частный случай... Это мы легко с тобой впоследствии поправим, так как у нас здесь есть, как сейчас принято говорить, «обоюдная заинтересованность»... Гораздо обиднее то, что ежедневно, ежечасно, ежеминутно, с помощью национальных СМИ, нас «обувают» на самом высоком уровне, и мы в массе своей убеждены, что в своей несчастной жизни виноват каждый из нас в отдельности... Вот уж поистине: «На дурака не нужен нож: ему с три короба наврешь и делай с ним что хошь...»

- Но ведь ты, Серёга, извини, не Буратино, а что-то особенного достатка я в твоём доме не наблюдаю...

- Ну, во-первых, я – страшно богат, но ты этого просто не видишь... Самые главные ценности мои и, надеюсь, моей семьи – любовь, взаимовыручка, милосердие... Но ты прав - кое-что зависит

от каждого из нас лично, чтобы не дать пропасть физически и духовно самому и дорогим для тебя людям ...

А, во-вторых, говоря словами поэта: «Нас мало, нас чертовски мало, но самое страшное, то, что мы врозь!» Лично я, например, устал от войны, но война невидимая – информационная - продолжается ... Главный «неприятель» в этой войне не внешний агрессор, а собственный народ, который кому-то хочется превратить в «говорящее орудие», производящее материальные блага... В что-то наподобие самовоспроизводящейся, да плюс к этому, и самосодержащейся ходячей лопаты или кирки... Это война бессовестная, потому что тайная, необъявленная... Но, памятуя о нашей истории, очень боюсь, как бы этот самый народ не начал очередной свой поход на очередную власть «под крестовым российским флагом и девизом «Авось!» Надоело кровь лить, хочется нормальной человеческой жизни...

- Да... Загрузил ты меня, Серёга... Боюсь, что четырёх курсов моего «совдеповского образования» маловато, чтобы с ходу переварить... Надо думать, крепко думать!

- Думай, на то он человек, чтобы думать. Не нами сказано: «Мыслью, значить существую»...

- А пока - меня вот сейчас тукнуло! - Так что же это получается – у каждого из нас есть свой своеобразный «бивень мамонта» - работа, которую, как ты выражаешься «кто-то» может объявить низкосортной?

- Гм-м-м... Может быть и так?... Но сначала надо, как минимум, «стать мамонтом», т.е. сильным в своём деле, вырастить свой бивень, а не искать потерянный кем-то, уповая на удачу ... Толя, я, если честно, не узнаю тебя... Долгие годы, особенно когда попадал в какой-то переплёт, я вспоминал тебя, твою негибаемую душевную силу и всегда о ней рассказывал своим бойцам, сыну, укрепляя твоим примером их веру в себя...

- Серега, ты наверное придумал меня... Да, и какой бы я ни был, разве мог бы быть таковым без вас с Олегом, которые в самые трудные моменты всегда становились со мной спина к спине?..

До утра горел свет в окне кухни, где друзья бередили душу друг друга долгим разговором о нашем житие-бытие ... Одинокое его око на сумрачном лице крупнопанельного пятиэтажного дома, случайному прохожему казалось звездой, бродячим собакам теплой конурой, а мотылькам, тревожно бьющимся о стекло, ночным фонарём. Когда попрощавшись с Сергеем, Викторovich вышел во двор, колокольчики утренних птиц уже позванивали на ветках пожухнувших кленов. В таявшем от приближающихся солнечных лучей воздухе, пахло крепко настоянными на утренней росе травами. Одинокий дворник, размеренно ширкая метлой по

влажному асфальту, задавал ритм шагам Викторовича, которые гулким эхом отзывались в ближайших двориках. Он уходил от Сергея не с тяжелым, а лёгким сердцем...

До самого Иркутска Анатолий Викторович почти всю дорогу «провалился в раздумьях» на второй полке одного из вагонов фирменного поезда «Байкал». Глядя в потолок, он, кажется, даже во сне, продолжал разговор то ли сам с собой, то ли с Сергеем:

«Когда и где совершил подлог самого себя? Конечно, я – «сибирский валенок», но не настолько дремучий, чтобы не знать, что смерти физической человека, предшествует его смерть духовная. Часто этот самый подлог происходит естественным образом, когда в родившемся теле человека, так и не рождается душа... Но в моём случае, кажется, было по другому... Как и почему я допустил подмену себя?»

Человек, задающий себе такие вопросы обречён на раскаяние и обретение в сердце своём более высокого смысла бытия. Только такой человек может стать, хотя бы соавтором «книги своей жизни». Он никогда не согласится с тем, что Россия – поле чудес Базилио и Алисы, потому что ему понятно: главное богатство любой страны не нефть и газ, а, так сказать, природное, исторически сложившееся «ископаемое сокровище» - люди, которых нельзя позволять унижать, обезличивать, распиливать на кусочки и продавать...

ОЧИЩЕНИЕ

Игнат Стружилин возвращался домой в Иркутск из командировки. У него было в запасе два дня, которые он сэкономил на сборе материала об одном передовике производства.

Герой его «улизнул» в отпуск, рванув по заведённой коренным населением в Сибири традиции, на месяц в тайгу. Игната сие обстоятельство не смутило. В один присест он «нарисовал» очерк, почерпнув сведения о ничего не подозревавшем и поэтому в какой-то мере «несчастном» сибиряке из вторых уст. И теперь, в награду за свой профессионализм, беспечно толкался на железнодорожном вокзале Тайшета, пребывая от привалившей нежданно-негаданно свободы в великолепнейшем расположении духа.

Тридцатитрёхлетний корреспондент областной газеты любил такие паузы в изнуряющей журналистской гонке. Хорошо посидеть в ресторане какого-нибудь богом забытого городка, предаваясь одиноким размышлениям о бренности жизни, потягивая неспешно дешёвое вино. Потом, почувствовав себя молодым, небрежно глядеть на длинноногих девчат, притворяясь, что ты можешь быть им интересен. И пусть это закончится, как всегда: обложившись газетами, будешь дремать на одной из жестких деревянных вокзальных лавок в ожидании своего поезда. А завтра, в редакции, врать с упоением коллегам об очередном своем любовном приключении и быть вполне счастливым от того, что они будут делать вид, будто тебе верят.

Все должно было повториться в точности и в этот раз.

Но когда Игнат сел на лавку в зале ожидания и блаженно вытянул ноги, вдруг, напротив него, на обшарпанный диванчик опустилась древненькая бабуля. Именно «опустилась», ибо Стружилину, пропустившему момент её появления, показалось, что она появилась перед ним, как святой дух, из ниоткуда. Бабушка была одета в этакий старенький чёрный плюшевый жакет, большие валенки, в тёплую пуховую, с оборками, шаль. Из-под неё «светился» праздничный цветной платок. Явление завершали два удивительно молодых для возраста бабули внимательных глаза. Лицо её на мгновение показалось Игнату удивительно знакомым. От чего у него внутри даже как-то нехорошо заныло... Он хотел было пересесть на другое место, но бабуля как на грех заговорила.

- Я, сынок, почитай уже годков двадцать тебя здесь поджидаю.

- Кого? Меня?! - оцепенев, тупо пролепетал Игнат и пристально, с ужасом, поглядел в её ласковые голубые глаза.

В сущности, кроме умиротворенности, тихого покоя, они ничего не выражали. Но у него вдруг слегка закружилась голова, бурный поток мыслей, завихрившийся было в его голове, в одно мгновение

превратился в пушистый снежок, который осыпается с веток деревьев от легкого прикосновения руки.

«Что я, право? - подумал Игнат. - Бабуля явно не в себе». А между тем она продолжала.

- Тебя, милый, тебя... - тут она посмотрела как-то отрешённо на свои руки с пожухнувшей золотистой кожей. Потом развязала большой узелок, лежащий у неё на коленях. Из него она достала несколько меньших узелков.

Что-то пришептывая и символически поплеывая в разные стороны, бабушка протянула Игнату один из них белого цвета.

- Это мята, сладкий мой, выросшая на могиле твоей прабабушки. Заваришь её, когда простудится душа твоя.

Стружилин, сам не зная почему, принял из рук «сумасшедшей» непонятный подарок.

- Это пижма и ещё кое-что, росшие на родовом вашем покосе. Она поможет тебе, когда твое собственное зло будет одолевать тебя. А это чабрец. Он очистит тебя и приготовит к послушанию в любви. Храни это всё у сердца своего.

Сказано - сделано: три маленьких узелка-воробышка осели во внутреннем кармане Стружилина.

- Да хранит тебя Пресвятая Божья мать, - сказала бабуля, осенив Игнатия крестным знаменем.

После этого она, как-то по-детски поджав губы, закрыла глаза и затихла с еле заметной улыбкой на устах.

Что пережил Стружилин от сего мистического действия, трудно сказать. Буквально через мгновение он тоже прикрыл глаза, тепло разлилось по всему телу, и он задремал.

В темноте своего сознания Игнат явственно услышал треск горящих поленьев в печке, вздохи дворового пса Дружка, сладостное мурлыканье кота в ногах, шепот бабушкиной молитвы, в которой она выпрашивала у Бога здоровье детям и внукам, мира и благополучия семье, словом, целую симфонию звуков, доносившихся до него из детства, которое блуждало где-то во времени в одном из поселков, расположенных около Восточно-Сибирской железной дороги.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой старушку, всё в такой же смиренной позе. Нехорошее предчувствие больно кольнуло сердце. Поколебавшись, он протянул руку и дотянулся до нее. Безвольное тело странной собеседницы легко легло на бок.

Вскочив, как ошпаренный, Игнат бросился прочь.

На перроне он нашёл дежурного милиционера. Как мог, объяснил суть произошедшего. Когда они вместе со стражем порядка зашли в зал ожидания, Стружилин с удивлением обнаружил, что старушка... исчезла. Словно испарилась!

Милиционер устало посмотрел на корреспондента.

- Честное слово, товарищ сержант, она только что была здесь! Я тронул её, а она... Да вот спросите у женщины!

Женщина смотрела на Игната с не меньшим любопытством, чем сержант.

- Да, действительно, этот мужчина сидел рядом со мной. Дремал. Но никакой бабушки я, извините, не видела. Причудилось, видимо, товарищу что-то спросонья.

- Бывает... - сухо отрезал милиционер и, круто развернувшись, пошёл на свой пост.

Ошарашенный Игнат, буквально разинув рот, смотрел на неспешно удалявшуюся фигуру милиционера.

- Но... - хотел было возразить он, повернувшись к женщине, и осекся. Женщины тоже след простыл!

Надо сказать, что Игнат Иннокентьевич был не из робкого десятка. Но в это мгновение не на шутку испугался. И буквально наутёк бросился из помещения вокзала. По пути он чуть было не сбил с ног того самого милиционера, который, возмущённый толчком журналиста и видимо заподозрив, что он в подпитии, в сердцах заверил его, что если тот ещё раз подвернется ему под руку, то он с большим удовольствием лично препроводит его в отделение. Преодолев в скоростном режиме виадук, Игнат со вздохом облегчения опустил на одну из скамеек в небольшом скверике. Журналист вдруг понял, что он ни за какие коврижки не вернется на злополучный вокзал. Не раздумывая, поддавшись какому-то безотчетному желанию, он направился в сторону Московского тракта. Выйдя на трассу, уверенно зашагал на Восток. В его голове пульсировало одно слово: «Облепиха!»

Из совершенного беспамятства он пришел в себя, только протопав, по инерции, километров пять. Первая мысль, посетившая ум, была:

«Облепиха! Облепиха... Пстой! Да это же посёлок, где жили мамулины предки и я когда-то давно в раннем детстве! Он, кажется, недалеко от Тайшета. Она ещё объясняла мне, что его называют Облепиха не потому, что там растёт облепиха, а что комаров и мошки в деревушке видимо-невидимо. Они шею и руки облепляют - вот поэтому и Облепиха! Уж не туда ли меня ноги сами собой несут?»

Не останавливаясь, он стал внимательно прислушиваться и приглядываться к местам, которые проходил. Стоял солнечный сентябрьский день. Шелест кожанки Игнатия сливался с похрустыванием гальки под ногами. Мощный усилитель гулкого таёжного пространства доносил до его слуха загадочный потусторонний голос ветра, языком которого, кажется, говорила сама вечность. Какие-то небольшие птахи то и дело выскакивали на шершавую ладонь дороги и, удивленно разглядывая фигуру человека,

тут же улетали со стрекотом и свистом сообщить об увиденном странном двуногом существе обитателям леса.

Через полчаса ходьбы из-за сопки внезапно показалось чёрное, со свинцовым отливом, облако. Оно росло буквально на глазах. Оказавшееся под угрозой солнцу, как бы спохватившись, старалось изо всех сил позолотить всё, чего касались его лучи. Особенно поразила Игната паутина, искусно наброшенная на молодые сосенки, которые дружной ватагой толпились около дороги. Она, словно в объективе видеокамеры, переливалась всеми цветами радуги. К её тончайшей ткани были аккуратно приклеены несколько пожухнувших мушек, бабочка и листья... Эта природная художественная композиция, освещённая лучами солнца, так светилась, что слепила глаза. Стружилин, зачарованный увиденным, остановился и даже подобно зверю понюхал, чем пахнет вся эта прелесть. Ему почудился запах меда, сухого березового листа, простокваши из домашнего молока...

Что-то тёплое начало подниматься волнами у него в груди. Непонятный восторг заполнил его сердце и, смешавшись с нахлынувшей грустью, закапал солёными слезами из его глаз. Они текли и текли, а Игнат, нисколько не стыдясь, даже не вытирал их. На его душе почему-то стало по-особенному хорошо и спокойно. Все вокруг казалось теперь таким родным, знакомым, понятным. Даже у грузовиков и лесовозов, то и дело «пыливших» мимо, были какие-то знакомые и добрые физиономии. Ставший на мгновение всем этим, он простоял так минут десять.

Потом в его растаявшем сознании вдруг возникла четкая мысль: «Лесовозы! Они, конечно, не должны миновать Облепиху. Мама говорила о том, что там леспромхоз!» Подталкиваемый неведомой силой он, завидев очередной самосвал, начал «голосовать». Но грузовик, не сбавляя скорости, промчался мимо. Так продолжалось около двух часов. Между тем, тень крыла ночи уже легла на стоявшие вблизи от дороги деревья и кустарники. Сквозь еле видимые очертания веток сочилась густая синева холодной сентябрьской ночи. Небо стало таким стеклянным и звонким, что казалось - задень его легонько ноготком, и оно запоёт.

Отчаявшись, Игнат уже смирился с мыслью, что придётся ночевать в пути. Поэтому, скорее по инерции, не оборачиваясь, махнул в очередной раз рукой, услышав за спиной гул мотора автомобиля. Каково же было его удивление, когда старенький "УАЗ-469" потёртым своим носом легонько уткнулся прямо в бок корреспонденту. Но не слишком ласковое прикосновение «металлического брата» привело человека в неопишуемый восторг! Он радостно распахнул дверцу и обратился с давно уже заученной просьбой к шоферу.

...И вот они уже целый час плутали во тьме. «Уазик», то и дело подпрыгивая, перелетал через ухабы. Начался мелкий нудный дождь,

который постепенно перерос в ливень. Автомобиль, «захлебываясь», надрывно гудя, месил глину. Мутные потоки небесных струй заволкли стекла машины, дворники которой еле успевали делать два небольших просвета, чтобы шофер не наскочил в этой кутерьме из воздуха, воды, земли и человеческого воображения, на какую-нибудь колдобину.

Когда Игнат, очутился в салоне машины, по обыкновению хотел войти в контакт с его добросердечными обитателями. Тем более, что в кабине кроме водителя, на заднем сидении сидела прехорошенькая молодая женщина, голову которой короновал сноп пышных, пахнущих сухими полевыми травами, волос. Стараясь привлечь к себе её внимание, Игнат битых полчаса каламбурил, рассказывая разные потешные истории из своей жизни, за что то и дело получал от шофера, угрюмо уткнувшегося в лобовое стекло, короткие ненавистные взгляды. А от девушки - лишь подобие улыбки. Наконец, Игнату самому стало неловко за свою навязчивость, и он, подрастеряв свой радостный пыл, потихоньку успокоился. А потом, убаюканный ритмичной работой двигателя, задремал.

Очнулся журналист от того, что «Уазик» очень сильно подбросило на очередной кочке.

- Ну, вот и приехали! - скорее радостно, чем сердито сообщил водитель. И как-то зло, глядя в зеркало, наведенное на лицо женщины, сказал:

- Надо выйти, лопаткой поработать, хо-зьяй-ка! Разреши, мы с парнишей на пару минут выскочим.

И, видимо, получив знак согласия, уже примирительно добавил:

- Мы мигом!...

Игнат, не задавая лишних вопросов, и, отчасти еще обижаясь за свою предыдущую бесплодную попытку познакомиться, открыл дверцу машины и шагнул в дождь.

Лишь только они очутились одни у задних колес автомобиля, шофер вдруг бросился к Стружину и сдавленным, тревожным шепотом начал приглушённо рычать ему в самое ухо

- Слушай, паря, я вижу - ты ни сном, ни духом. Здесь какая-то чертовщина! Понимаешь, эта деваха давеча попросилась сама прокатнуться со мной за город. Сам понимаешь, я не железный: не устоял перед такой шикарной куклой, черт бы её побрал! Как только выехали за город, я рулю в ближайший лесок. Смекаешь? И тут-то началось! Она мне руку на затылок положила и меня будто кто-то холодной водой окатил. Потом так спокойно приказала: «Езжай, Ваня, прямо куда скажу, да не оглядывайся. Надо одного человека подвезти».

Ну, я, естественно, её, как говорится, матом, разумеется, про себя и думаю: «Счас я тебе, стервь, покажу, как динамит, да ещё потом опосля всякую ахинею нести!». Хотел было «притопить» педаль тормоза, повернуться и поговорить по душам, но не тут-то было... Не

могу! Жму себе на газ. Стрелка спидометра уже к 140 км. подходит! Это по нашим-то дорогам! Спина, аж, взмокла от страха. А она знай помалкивает и поглядывает на меня из зеркала. Тут меня и осенило: «А откуда она мое имя знает? Я, вроде бы, не имею такой привычки каждой встречной свои паспортные данные сообщать... Ведьма!» Словом, так мы без единой остановки до тебя махом и допёрли. Я думал ты её сообщник. Но потом вижу, ты вроде бы с ней не знаком. То есть, пока не во власти её... Паря, мой тебе совет: бери одно место в горсть и скачками отсель!

Игнат сразу и безоговорочно поверил Ивану. События прошедшего дня убедили его как нельзя лучше в том, что он попал в какую-то историю. Мысленно он уже повернулся спиной к автомобилю. Но... на самом деле, они как-то враз с водителем подняли глаза и посмотрели в заднее стекло машины. Через небольшой его пятючок на них внимательно, до самого сердца, смотрели два насмешливых женских глаза. Очертаний лица видно не было - только расширенные зрачки, из которых сквозила потусторонность и какая-то холодная страсть. Словно ледяной ветер промчался по волосам Стружилина. Он явственно почувствовал, что каждый волосок на его голове встал дыбом, да и сама она как бы отделилась от туловища и, повиснув над ним, на мгновение дала возможность ему почувствовать свою «отдельность» и «непричастность» ко всему происходящему.

Уже больше не проронив ни слова, мужчины сделали всё, что бы «Уазик» тронулся с места. И странная тройца тронулась дальше в путь.

Через некоторое время фары автомобиля выхватили из темноты контуры нескольких домов на окраине посёлка. Не доезжая до него метров пятьсот, «Уазик» уткнулся носом в обочину. Иван с Игнатом молча выразительно переглянулись. Водитель заглушил мотор. И сразу же российский «джип» и его обитателей обступила со всех сторон тишина.

Между тем небо на Востоке начало потихонечку оттаивать. Со стороны посёлка доносился еле слышный ленивый лай дворовых собак. В кронах деревьев таинственно перешептывался ветер. По мере того, как рассвет всё больше и больше вступал в свои права, постепенно оживал лес, из которого петушиной поселковой побудке вторили сотни птичьих голосов. И вот из-за горизонта хлынул поток солнечных лучей, которые сразу же из негатива превратили в позитив... облепихенские дома. Да это была Облепиха! Стружилин это как-то явственно понял, если это понятие приемлемо к тому, что он ощущал. Порывистый ветер начал горстями разбрасывать берёзовую листву. Несколько таких пригоршней упало на капот «Уазика», выведя из оцепенения мужчин.

- Черт возьми! - почти крикнул Иван. - Где она?!

Одновременно повернулись. На заднем сидении никого не было...

- Про чёрта ты это зря ... Не надо ни про Бога, ни про Него в суете... - угрюмо, сквозь зубы, пробормотал Иван. Потом, открыв дверцу, зачем-то выскочил из автомобиля. Обежал его вокруг. Несколько раз нырнул в лес. Запыхавшийся, прибежал обратно, дрожащими руками повернул ключ зажигания и, когда мотор затарахтел, весело выпалил:

- Ну, ты как знаешь, а я засветло домой! С меня хватит...

Потом, выдержав паузу, добавил:

- А тебя, парень, я с собой не возьму. Ты не обижайся, но мне всей этой... - и осёкшись, решительно закончил - Словом, мне уже хватило всего этого по самое горло. Прости, брат....

Всё время, пока Иван суетился, Игнат сидел неподвижно в машине. После его монолога обречённо, просто и спокойно сказал:

- Понимаю...

Открыл дверцу. Вышел. Протянул на прощанье Ивану руку. Водитель было потянулся ответить рукопожатием, но вдруг, как ошпаренный, отдернул руку, хлопнул дверцей и со словами:

- Да, иди-ка ты ... – «вдарил», как говорится, по газам.

Повесив, как автомат наперевес через плечо репортерскую сумку, Стружилин, улыбнувшись неизвестно чему или кому, неспешно побрёл в сторону Облепихи.

Перед посёлком высились огромные штабеля бревен. Перед ними вся земля была усыпана еловой, сосновой и кедровой корой. Проваливаясь в нее, как в песок, Игнат добрёл до ближайших спиленных лесин, присев на которые начал вытрясать попавшие в туфли щепки.

Его долговязая фигура сразу стала объектом внимания нескольких коз. Они отважно подошли к Стружилину и начали пристально, исподлобья рассматривать его. Их непрерывнодвигающиеся челюсти напомнили Игнату, что со вчерашнего полудня у него во рту не было ни маковой росинки. На этот случай в его сумке всегда «болталось» несколько бутербродов и фляжка коньяка. Скрутив ей «голову», корреспондент жадно припал к горлышку, осушив в один присест половину её содержимого. Прикрыв глаза, начал медленно жевать бутерброд. Коньяк благодатно подействовал на организм журналиста. Кровь весело забегала по жилам. Вместе с коньяком она вернула телу бодрость, душе - относительное равновесие, а разуму – спасительное ироничное настроение.

Игнат, делясь остатками завтрака (вплоть до газеты, в которую были завернуты хлеб и колбаса) с козами, стал с любопытством рассматривать посёлок, благо ему позволяла это сделать удачно выбранная позиция: со штабелей брёвен Облепиха была видна, как на ладони.

Повернув голову вправо, Игнат увидел на окраине села безымянный пруд, в который впадала небольшая речка. Он вспомнил, что называлась она Маховая. Чуть правее её, если стоять лицом к Московскому тракту, должна была быть улица, где когда-то был дом его бабушки. Прямо, на другой стороне посёлка и, соответственно, железной дороги, виднелась станция. «А вот там, - глядя на Запад, размышлял Стружилин, удивляясь своей памяти, - Должны быть сельпо и клуб»

Не зная, что делать дальше, он решил сначала сходить в магазин и запастись, на всякий случай, провизией. Не успел он пройти по посёлку и нескольких десятков шагов, как его остановила какая-то пожилая женщина, и задала невероятный для горожанина вопрос:

- А ты почему, парень, не здороваешься?

.- Здравствуйте! - ответил, почему-то устыдившись, Игнат.

- Здравствуйте, здрасте... - укоризненно покачав головой, резюмировала женщина, проводив помчавшегося дальше журналиста долгим взглядом.

Перед сельпо стояли и что-то обсуждали три женщины. При появлении Стружилина они замолчали. На этот раз он не оплошал и, как можно непринужденнее, их поприветствовал. То же сделал, на всякий случай, зайдя в магазин.

Увы, на прилавке было, как говорится, «шаром покати». Пирамидкой стоящие консервные банки с морской капустой, большая аляпистая надпись «Спиртные напитки отпускаются после 11 часов по одной бутылке в руки лицам, не моложе 18-ти лет», молодая продавщица с высокой грудью, золотыми сережками в ушах и с тяжелыми золотыми перстнями на пальцах - вот и всё, что было в наличии в этой торговой точке.

Игнат уже хотел повернуться и уйти, но не тут-то было: хозяйка двух жирно подведенных любопытных глаз, принадлежавших пышногрудой, «вцепилась» в него традиционным вопросом:

- Ты к кому приехал?

- А с чего Вы взяли, что я приезжий? - нехотя ответил Игнат, специально делая ударение на местоимении "Вы".

- Ну, ты даешь! - не обращая внимания на сдержанно-вежливый тон посетителя, продолжала разговор востроглазая. - В зеркало-то давно гляделся?

Игнат глянул в пустую зеркальную витрину. Из нее на него нервно смотрел молодой мужчина с тонким профилем, копной седеющих кудрей, нос картошкой, аккуратно подстриженные усы, тело обвешано импортными шмотками. «Да, явно не похожу на деревенского. Она совершенно права...» - подумал Стружилин. Вслух же его подмывало сказать что-то наподобие: «А вам-то какое дело?!».

Но не успел. Скрипнула дверь и на пороге появился очередной персонаж - красивая статная женщина, бальзаковского возраста, которая, всплеснув руками, обратилась к Игнату.

- Ой, Боже мой! Никак Суббочев! Волосы в точности, как у Володьки! - трещала женщина, уже по-свойски вороша шевелюру Игната. - Да ты, случаем, будешь не Маринин ли младшенький? Кажется, Игнат...

Такого оборота дела Стружилин не ожидал. Уже около тридцати лет в Облепихе не жил никто из его родственников. Последней похоронили бабушку, урождённую Горенскую, по мужу Суббочеву. Тогда Игнату от роду было пять лет.

Но, как ни велико было его удивление по поводу стремительного «опознания», ещё более тревожная мысль неловко шевельнулась в его голове: «А мужики-то есть в этом посёлке?!» - почему-то с испугом подумал он, пытаясь потихоньку отстраниться от норовившей его обнять на радостях женщины. Когда же в сельпо ввалились ещё несколько представительниц прекрасного пола, Игнат сдался на их милость. Продавщица, улыбаясь, с любопытством наблюдала как они теребили и крутили мужчину, словно он был не живой человек, а манекен.

- Всё, всё! - закрыв глаза, выпалил журналист. - Я действительно сын Марии Ивановны Суббочевой - Игнат Стружилин. Что дальше?

- Как, что?! - не унималась, пустившая даже от умиления слезу, видимо, бывшая пассия дяди Володи, брата матери Игната, известного в родове своей любвеобильностью. - Тебе надо идти к Косьяновне, она тебя примет. Небось, устал с дороги?...

- Ой, девоньки, - забыв на мгновение о Стружилине, продолжала она. - Я как его увидела, у меня сердце в пятки ушло: вылитый Володька, только тощей больно. И, повернувшись, без паузы, приказала:

- Сейчас пойдёшь по этой улице прямо, потом повернешь направо, увидишь дом с зелёными ставнями. Постучись - выйдет Касьяновна. Скажи ей, что ты сын Марины Суббочевой, а дальше увидишь, что будет...

Уже через час весь посёлок знал о приезде Игната. Касьяновной оказалась соседка и подруга матери. Она встретила его как родного сына. Истопила баню. Выделила белье и полотенце. Пока он блаженствовал на полках, выстирала рубашку и исподнее. После бани его ждал роскошный обед: толченая картошка, политая щедро сметаной и запечёная в русской печи, «загубленная» по такому случаю курочка, гора хрустящих рыжиков, какие-то ещё соленья и, конечно же, мёд. Посредине этого изобилия красовался графинчик с первачом.

Налив себе и Стружилину до краёв граненые стопки внушительных размеров, Касьяновна, влюблено с умилением смотря на мужчину, подняла стакан и молвила:

- Ну, Игнаша, за приезд - до дна!

. Выдохнув, Игнат с удовольствием опрокинул в рот содержимое стопки. Потом Касьяновна рассказала о том, что леспромхоз в Облепихе давно уже «приказал долго жить». А это было основное место работы местных мужиков. Значительная их часть ринулась на поиски хотя бы временных заработков. Появляются они в посёлке только для того, чтобы сена накопить и вывезти его из тайги. Молодёжь разбегается из Облепихи кто куда. Многих баб мужья побросали, так как каждый из них, во время поисков работы, рано или поздно обзаводится новой женой. И из-за соблазна легкой жизни, уже больше в деревню глаз не кажут. Остались в деревне только старики, да никчемные, обабившиеся пьяницы, которые сами сидят на шее у своих жён. Вот почему Игнат, пройдясь утром по посёлку, не встретил ни одного мужика: их в Облепихе практически нет. Касьяновна предупредила Изната, что вечером обязательно будут смотрины. И попросила, несмотря на то, что он женатый, по возможности, не обижать баб.

- Мы, старухи, худо-бедно свой бабий век прожили, как и положено, - грустно пояснила она, - А живому всегда живого хочется...

И, смахнув крошки со стола, добавила:

- Господи, встала бы сейчас Марина, посмотрела, какой у неё красавец стал сынуля! Царствие небесное, тебе, подруженька! - повернувшись лицом к висевшей в углу иконе, осенив себя и Стружилина крестом, закончила она.

Перспектива вечерних смотрин не очень-то обрадовала Изната. Чтобы как-то отвлечься, он разузнал у Касьяновны, где находится кладбище и решил сходить, поправить могилку бабушки и дедушки.

- И верно, - святое дело, - напутствовала его женщина, вручив лопату, кисть и немного голубой масляной краски.

День выдался удивительно тёплый и солнечный. Используя лопату как посох, он шагал снова по Московскому тракту на Восток. Теперь лес не казался ему таким сумрачным, загадочным. Прищурив глаза, он как мартовский кот мурлыкал себе под нос какую-то мелодию и уходил все дальше от Облепихи, ожидая за каждым поворотом увидеть среди сосен и берез кресты и памятники. Но уже после получасовой прогулки, начал догадываться, что погост не так-то и близок. На его счастье, вскоре за спиной раздался стрекот двигателя. Мотоциклист понял выразительный жест Изната. «Восход» резко затормозил около Стружилина, оставив на дороге длинную полосу следа. Из-за тонированного стекла шлема журналист не рассмотрел толком лица паренька. Но для него было достаточно и того, что он

согласился его подбросить. Не успел Стружилин устроиться на заднем сидении, как он, стараясь перекрыть рев двигателя мотоцикла, крикнул:

- Держись!

Эта просьба была лишней: как только «Восход» резко, слегка приподняв переднее колесо, рванул с места, Игнат моментально вцепился мертвой хваткой за парня. Через каких-нибудь пять минут они были на месте.

- Ну, ты и лихач, парень! - вместо «спасибо» облегченно выдохнул Игнат, когда мотоцикл так же резко затормозил, как и стартанул. В ответ на это мотоциклист задорно засмеялся, расстегнул кожаную куртку и одним движением снял с головы шлем. Из него буквально выпала туго заплетенная толстая девичья коса...

- Простите... - только и смог отреагировать Игнат на чудесное превращение парня в молодую девушку.

- Ничего! - всё ещё улыбаясь, благосклонно простила девушка.

- Бывает. А ты, наверное, и есть тот самый Суббочев, о котором всё утро судачило облепиховское бабье?

- В-общем-то, да... - пробормотал Игнат. - Вот к деду с бабкой на погост пришёл, то есть, приехал с вашей помощью...

- Смотри, если не боишься, на обратном пути могу подбросить назад до посёлка. Я в Никольское. Тут недалеко. Через часок буду возвращаться.

- Спасибо, - сказал Стружилин и, повернувшись, зашагал в сторону кладбища.

- Эй, Суббочев!

- Что? – почему-то вздрогнув и, медленно повернувшись, спросил Игнат.

- А лопату надо нести на плече. «Штыком» в землю - говорят в народе - к покойнику... - с этими словами она, снова резко стартанув с места, унеслась вдаль на своем запыленном «Восходе».

«Как ведьма на помеле», - подумал недовольно Игнат, но лопату все-таки положил на плечо.

Без особого труда он нашёл почерневшие от времени кресты, на которых были вырезаны имена и фамилии его предков. Подровнял не спеша лопатой могилы, вырвал лишнюю траву. Потом, покрасив деревянную оградку, присел на один из безымянных бугорков и, неотрывно, глядя на кресты, стал слушать тишину.

Вскоре из глубины кладбища послышалось нечто, напоминающее звук шагов. Игнат стал всматриваться в ту сторону, откуда доносился неясный шум. Прошло достаточно много времени, прежде чем среди деревьев и памятников появилась фигура удивительного вида старичка. Лицо незнакомца обладало картофелеобразным носом. Из-под двух пучков растущих в разные

стороны бровей, смотрели то ли суровые, то ли ехидные два карих глаза. В руках у дедули был посох, на голове шапка-ушанка из овчины. Скрюченное тело упаковано в тулуп, который на поясе был перетянут кручёной льняной верёвкой. Из-под полы торчала какая-то неизвестная Игнату остроносая, без каблучков, обувь, сделанная, очевидно, из мягкой кожи.

Передвигался дед неспешно, осторожно опираясь на палку. Часто останавливаясь, он, как показалось Стружилину, спокойно, но с интересом разглядывал его. Не дойдя несколько метров до могилы, дед скрюченной своей рукой поманил к себе Игната. Журналист, уже пообвыкший к чудачествам местного населения, покорно подошёл к дедушке.

- В чулане было темно, а пчелы не кусают своего хозяина. Пора, парень, быть хозяином... - прошамкал дедуля. - Вот так, ядрена корень!

Сказав это, он, неожиданно быстрой, семенящей походкой засеменял прочь от Игната.

У Стружилина пот выступил на лбу: он мог поклясться в эту минуту что где-то уже слышал раньше этот скрипучий голос. В его ногах появилась слабость, и он, где стоял, там и сел.

«Снова началось!» - промелькнуло в его голове. Он положил её на скрещенные руки и попытался на какое-то время забыться.

Сколько он так просидел - сказать трудно. Из состояния полной отрешенности его вывел поднявшийся ветер, точнее голос мамы, послышавшийся в нем. Он откуда-то издали звал его: «Игнатушка! А-у-у!». Так всегда она звала своего младшенького, когда брала его с собой по ягоды или грибы. Совершенно обезумев, Игнат хотел было уже пойти в ту сторону, откуда доносился родной голос. Гул собственного сердца разрывал барабанные перепонки. Он встал и ...

- Эй, Суббочев, долго ты будешь стоять, как суслик на задних лапах?! - вдруг донёсся до него звонкий девичий голос со стороны дороги.

Игнат вздрогнул и повернул голову. Он, как-то враз, ощутил дурманящий запах мяты и меда. Стараясь не оборачиваться, Игнат быстро пошёл к девушке напрямки через кусты и упавшие деревья, оставив в стороне тропинку, по которой пришёл на кладбище. В метрах десяти от тракта он обернулся и явственно увидел у могилы дедушки и бабушки фигуру женщины в черном. Он её мог бы узнать из тысячи других...

- Ты видишь?! - прошептал Игнат девушке, показывая рукой в сторону кладбища.

- Что? – удивленно, но беспечно, спросила она его.

- Там! - продолжая указывать пальцем в сторону кладбища, настаивал Стружилин, всё ещё видя очертания матери.

- Бедный Суббочёв, у тебя, видно, от свежего воздуха крыша поехала - требуется срочное лечение в виде выхлопных газов! - сказала русоволосая и, дёрнув своей пружинистой ножкой рычаг, действительно газанула, обдав Игната облаком отработанного бензина.

- Ну, чё стоишь, как пень? Садись!

Игнат плюхнулся на заднее сидение. Зная крутой нрав «наездницы», он сразу столкнулся с проблемой собственных рук, которые искали опоры, но стыд не позволял ему, как в прошлый раз, беспечно вцепиться в джинсы девушки. Но на первом же скачке, он инстинктивно обвил руками талию девушки и, плотно прижавшись к ее спине, думал уже только о том, чтобы его руки случайно не соскользнули вверх или, не дай Бог, вниз. В таком положении на приличной скорости, они с шумом и треском, ворвались в Облепиху.

«Смотрины» вечером по какой-то причине не состоялись, что весьма обрадовало Стружилина. А накануне, когда тормоза «Восхода» взвизгнули у ворот дома Касьяновны, Игнат узнал, что счастливую обладательницу мотоцикла звать Галя.

Она родилась в Облепихе, после окончания педучилища работает преподавателем в маленькой начальной школе села Никольское. Ей двадцать лет, и в Облепихе её с детства называют бедоносцем. И девушка блестяще это подтверждала: то, пойдя по грибы, потеряется на несколько дней в тайге, то ружье случайно выстрелит на охоте в самый неподходящий момент, то парни с солдатами на танцах передерутся «насмерть» из-за её лукавых глаз...

Обо всем этом поведала Игнату Касьяновна, немало удивившись прыткости парня, который всего за несколько часов сумел свести дружбу с Галюней. Прокомментировала она это так:

- Дядька в тебе крепко сидит. Из-за него девки деревенские в своё время все космы друг другу попередрали. А он, знай себе, с одного сеновала на другой шастал. Только когда уехал в Усолье, между ними мир наступил: беда и одиночество сближает даже женщин... Так что не удивляйся, скорей всего, тебя по старой памяти в деревне не Стружилиным, а Суббочевым будут звать... Уж очень ты напоминаешь его и, как видно, не только внешностью...

Когда сумерки опустились на посёлок, а лай собак стал звонче, Касьяновна постелила Игнату во времянке, «оторвав от сердца» большое пуховое, сшитое из лоскутков различной ткани, одеяло.

- Так спокойнее будет тебе и мне, - со вздохом сказала женщина. Утром рано корову буду выгонять на выпас... Ты спи спокойно, сколько захочешь...

ф Во времянке было тепло и уютно: с вечера Касьяновна протопила печку; напротив неё располагался широкий

лежак, застеленный тулупами. Между ними, вплотную к окну был прилажен стол. На него журналист выложил блокнот, фотоаппарат, поставил фляжку с недопитым коньяком. Пошарив глазами по углам, надыбал несколько стручков сладкого перца, краюху полужёсткого хлеба, обреченного стать сухарем. Вдохнув полной грудью, он пригубил терпковатой сорокоградусной жидкости. Подержав её немного во рту, осторожно проглотил. Потом, выдохнув, с удовольствием, втянул в свои легкие добрую порцию вкусного воздуха. Даже коньяк не помешал ему ощутить необычную густую смесь запахов, заполнивших небольшое пространство времянки: на всех её неокрашенных деревянных стенах, под самым потолком, висели пучки различных трав, начиная с сельдерея и кончая сушеной полевой ромашкой.

Прикрыв глаза от удовольствия, вспоминал прожитый сегодня на «малой родине» день. С улыбкой думал о чудачествах своего воображения, о случайной встрече с Галей, образ которой, чего греха таить, не покидал его в этой ночной тишине. Через некоторое время он почувствовал, что засыпает. Сквозь дрему нащупал выключатель на стене, щёлкнул им и погрузился в теплый, душистый мрак своего подсознания.

Проснулся Игнат от тихого скрипа входной двери. Около неё виднелся тонкий девичий силуэт. Стружилин машинально протянул руку к выключателю.

- Не надо, Суббочев, сегодня полнолуние. Через полчаса здесь будет светло, как днем. И ничего не говори... Я тут тебе кое-что принесла...

Сделав один шаг, она присела на краешек его постели. В руках у девушки было что-то наподобие узелка. Она извлекла из него какие-то вещи и, разглаживая рукой, положила на стол.

Не зная, как себя вести, Игнат хотел что-то сказать. Галя (а это, несомненно, была она!), почувствовав его порыв, придвинувшись к нему вплотную, прикрыла ладошкой его губы.

- Пожалуйста... – как трава, шелестящая от ветра в поле, тихим голосом попросила она.

Висок Игната шекотнул упругий сосок девичьей груди, резко проступавший сквозь тонкую ткань платья девушки. Он осторожно коснулся ея губами. Тело девушки отозвалось мелкой призывной дрожью.

- Мне холодно, согрей меня... - сказала она и, не дожидаясь ответа, скользнула под одеяло, растворившись в его объятиях. Их губы недолго искали друг друга...

...Проснулся Стружилин от петушиного крика. Первая мысль была о том, что всё произошедшее ночью приснилось ему. От неё пришлось сразу отказаться: на столе лежали его выглаженная рубашка и нижнее бельё.

Жадно допив, словно воду, содержимое фляжки, он стал припоминать детали. Именно «детали» потому что никакой последовательности и логики его память не хотела признавать.

... В какое-то мгновение, когда девушка сняла с себя платье, стоя у окна, в лунном серебристом свете она показалась ему той самой ведьмой, которая сопровождала его в Облепиху. Но это совсем не испугало его. Может быть потому, что он не мог в ту минуту думать. Игнат, как замороженный, смотрел в стремительно приближающиеся её глаза, пока они не заполнили всего его без остатка. Они видели друг друга губами и руками. Это настоящее зрение, благодаря которому влюблённые видят дыхание, трепет тел, молнии, ветер, зной и стужу в сердце друг друга...

Они слышали друг друга губами... Стук сердца каждого из них гулко отзывался в теле другого... Шелест волос был как шелест листвы и первого снега... Жар и озноб, мгновенно сменяя друг друга, отзывался в их движениях ритмом непроизнесенных, но пульсирующих в сознании слов, которые сначала просачивались из подсознания, а потом слепящим потоком устремлялись в душу друг друга... Прерывистое дыхание, клопочущие, как родники в груди превращались в музыку, которую влюблённые слушали вместе, но каждый по особенному... Игнат в эту ночь впервые услышал симфонию женского тела, которое также впервые познало мужчину....

Потом они, уставшие и счастливые, вместе неслись по теплому течению мелководной речки утихающих их тел... Игнату в это мгновение показалось, что он приятно опустошенный, долго лежит на солнцепёке одной из отмелей своего сознания... Это и земное и, одновременно, не земное блаженство продолжалось до тех пор пока он не проснулся от тихого шепота:

- Милый, милый... Ты обязательно вспомнишь меня!...

Стружилин долго в это утро не решался показаться во дворе. Улучив момент, когда Касьяновна ушла куда-то, он прокрался в баню, где привёл себя в порядок. Переодетый, он, стараясь быть как можно более естественным, объявился в горнице, когда женщина уже заканчивала печь пироги. Увидев на Игнате рубашку, она удивилась, когда Галя успела занести белье, которое она давеча попросила погладить, так как её утюг перегорел. Стружилин в ответ, не поднимая глаз, пробурчал с полным ртом еды что-то невразумительное, которое только с большой натяжкой можно было назвать ответом. Наскоро покончив с завтраком, прихватив фотоаппарат, он улизнул из дома, сопровождаемый прицелом насмешливых глаз Касьяновны.

Куда он шёл и зачем, ему самому было неведомо. Боясь встречи с девушкой, он ещё больше боялся, что больше её не увидит. И хотя безумные случайности последних дней его порядком «достали», он жаждал вновь пережить необъяснимое.

Перейдя через железную дорогу, углубившись в лес, он гипнотизировал пространство, вызывая к жизни хотя бы призрак Галины...

Она появилась внезапно и, не дав Игнату опомниться, просто прижалась к нему своим тёплым земным телом, пахнущим ветром и солнцем. И благодать снова сошла на землю! По крайней мере, для них двоих...

... Около недели бродили они вдвоем по всем окрестным полянам, утоляя свои, такие естественные для их возраста, желания в каждом мало-мальски пригодном для любви месте. В паузах между объятиями и поцелуями, Галина читала свои любимые стихи Пастернака, Заболоцкого, Блока, Волошина, в которых он был «дуб дубом», хотя, кажется, благодаря девушке, научился их даже чувствовать.

Игнат любовался Галиной, как цивилизованный варвар, ступивший некогда на землю аборигенов Нового Света. Девушка покорила его своей открытостью, абсолютным отсутствием логики и прагматичности в своих поступках и движениях души. Ему было стыдно заниматься привычным для журналиста словоблудием, бахвальством, щеголять бескомпромиссностью суждений, идиотским стремлением свою ежедневную, рутинную работу выдавать за героические будни. Примерно так много раз до этого обычно покорялись им сердца девушек-простушек. Глядя в бездонные глаза Гали, он понимал, что ей всё равно, какой он владеет профессией, из какого он явился к ней времени, на какой планете живёт. Она как бы смотрела на него изнутри и видела Игната таким, каким, быть может, он сам себя не знал. Это было для Стружилина удивительно и непостижимо.

Наверное, это была любовь. Хотя наверняка этого Игнат теперь уже не знал и, что самое удивительное, не хотел знать.

Ему казалось, что он как никто другой разбирается в этом чувстве. Прежде всего, как человек с раннего детства пострадавший от этого естественного земного влечения мужчины к женщине и наоборот. Игнату казалось, что он твёрдо знает его природу. Собственный опыт ему подсказывал, что телесное проявление любви – это всего лишь одна из её стадий. Но любовь начинается, как он полагал, не на телесном уровне... Так впервые он влюбился, когда он ходил в детский сад. Так случилось, что его первая любовь училась потом с ним в одном классе. Именно из-за неё, несмотря на многочисленные переезды, он все десять лет не переходил учиться в другие школы, хотя и сам понял эту истинную причину верности классу и школе

гораздо позже... Любовь эта не была взаимной, но от того - ещё желанней и чище...

Спустя годы ему всё ещё достаточно часто снится эта круглолицая девчушка с большой русой косой, в зелёных глазах которой чёртики плясали. В первых классах они недолго сидели за одной партой. Запахом её волос, школьной формы, тетрадок и книжек пропахло насквозь его детство. Самые чуткие и красочные сны его и сегодня - это удачные ухаживания за этой девушкой, на которые она во сне отвечает взаимностью. Она постоянно подстерегает Игната в тоскующей и пустой без неё его душе. Он часто ловит себя на мысли, что сверяет свои поступки и мысли как в детстве и юности с предположительным её мнением. Все его, так называемые, «достижения» - это попытка привлечь её благосклонное внимание... Если когда-нибудь ему и было стыдно за свои поступки, так только перед ней, хотя, разумеется, она теперь о них как и о его «достижениях», как говорится, «ни сном ни духом». Если бы эта его платоническая любовь имела физическое продолжение, он не смог бы понять, что такое истинная любовь...

Последующие многочисленные его романы с женщинами, которые «сочиняло» его тело, не смогли перечеркнуть или затушевать этого его чувства, а наоборот только укрепили уверенность в том, что любовь имеет лишь духовную основу. Он, предаваясь плотским утехам, всегда ставил их ниже любви и, сознательно, публично в частных беседах презрительно, как пострадавшая сторона, отвергал наличие в реальной жизни этого взаимного воздвигающего друг друга телесно и духовно чувства. Поэтому, как бы подводя черту в своём сознании и в споре тела и души, часто повторял, доказывая себе самому и всем остальным, что «любовь зла – полюбишь и козла...», «любовь – это придумали русские, чтобы денег не платить...». Возможно, по этой причине ни о какой любви, например, к собственной жене, у него и речи никогда не шло. Он этого слова, как честный человек, вообще никогда не произносил по отношению к ней. Подметив это, вначале она обижалась, но Игнат отшучивался, и, вскоре, она махнула рукой на этот пробел в их супружеских взаимоотношениях. Они оставались друзьями, которые, как могли, заботились друг о друге, иногда делились своим телом, реже мыслями, чувствами почти никогда. У каждого была своя отдельная жизнь, интересы в ней, друзья... Общее были только жилищная площадь, да штамп в паспорте, где в графе «дети», по этой же самой причине, записей не было... Конечно, у неродных по духу людей, бывают родные дети... Но они, один журналист, другая учительница, хорошо знали каково таким детям живётся в таких семьях... Некоторые это и называют любовью... Может быть, со временем так же стал бы считать и Игнат.

И вдруг эта встреча с Галей... Девушка совершенно перевернула его отношение к этому древнему как мир вопросу. Именно она, очень земная и реальная, а не плод его воображения, недоступная его разуму, смогла всего за несколько дней, а точнее за одну ночь, стать неотъемлемой его частицей, без которой ему уже трудно было мыслить себя. Более того, она вытеснила, нет, даже «вынесла» его разум, подобно как ветер разгоняет на небе хмурые облака, как бурная река весной разрывает оковы ледяного панциря... Его разум, освобождённый от привычных логических комбинаций застоявшегося двухмерного мышления, во мгновение ока возвысился до таких головокружительных высот, сияющих то ли чистотой, то ли зияющей первородной пустотой, что было понятно: он в этой жизни ничего не понимает, не знает и, возможно, никогда не сможет постичь её глубины и первозданности. Но страха от этого незнания в душе не было. Наоборот, он вдруг себя почувствовал тем, давно уже забытым, мальчишкой, который за то, чтобы нести портфель до школы, задорно смеющейся над его чувствами девчонки, готов на самые невероятные подвиги. Он как бы родился заново. И как и всякий новорождённый не мог думать вообще и, в частности, о том, что рано или поздно наступит момент, когда им придется расстаться.

Галя исчезла также внезапно, как и появилась. Об её отъезде утром обмолвилась Касьяновна:

- Бедоносец-то наш вчера укатила... Куда-то на Запад... Тётка сегодня с утра её кастерит на всех перекрёстках. Даже трудовую книжку в школе не забрала... - как бы ненароком, сообщила она Игнату, не глядя в его глаза ...

У Игната помертвело в груди. В образовавшейся пустоте звонко тукало сердце настенных ходиков. Стружилин долго, бессильно опустив плечи, неподвижно смотрел в одну точку. Касьяновна, понимая, что происходит с мужчиной, проглотив горький комок в горле, подошла к нему с боку, бережно прислонила его голову к своей увядшей груди и, поглаживая жилистыми тяжелыми руками волосы, тихо сказала:

- А ты поплачь, поплачь - легче будет... Ничего, сынок, всё наладится... Жить надо...

Вечером журналист уже садился в поезд «Гидростроитель – Иркутск»... Надо было возвращаться домой, на работу... Стоя у окна, он с грустью наблюдал, как набирающий скорость локомотив уносил его всё дальше и дальше от Облепихи. Когда посёлок окончательно растаял вдали, и за окном начали мелькать однообразные сибирские

пейзажи и железнодорожные разъезды, он, почти бегом, устремился в вагон-ресторан, чтобы заглушить чем-нибудь горячительным, сосущую его изнутри боль... Не видя никого и ничего перед собой, он буквально плюхнулся, за один из столиков в ресторане. Когда графин с водкой возник перед ним, он, не дожидаясь закуски, выпил полную стопку, надеясь на «целебные» свойства русского напитка. В тот момент, когда спиртное ещё жгло его гортань, он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Игнат медленно поднял глаза.

Перед ним, как его судьба, сидела ведунья. Он, неотрывно глядя в её магические глаза, резко бросил в её дьявольски хорошенькое лицо:

- Что тебе надо? За что ты преследуешь меня?!

И в тот же момент он вдруг почувствовал, что изнутри его что-то подымается. Поспешно выбросив на столик помятый червонец, Игнат устремился в туалет, услышав вдогонку рассерженный голос какой-то женщины:

- Вы, мужчина, меня с кем-то путаете!

Минут десять Игната выворачивало наизнанку. Еще десять минут он тупо разглядывал свое «вздохмаченное» лицо в зеркале, висящем над умывальником. Усердно поливая бледное изображение холодной водой, он пытался успокоиться и сосредоточиться. Наконец, придя несколько в себя, он осторожно вышел в тамбур, а откуда решился взглянуть вглубь ресторана. За его столиком сидела незнакомая женщина. Смущенный этим обстоятельством, он медленно повернулся и не спеша побрел в свой вагон. В купе Игнат забился на вторую полку, где тихо пролежал всю ночь. Она показалась ему вечностью. Он всё вспомнил! Добрые, умные глаза прабабушки, которая на двадцать лет была моложе прадеда, отчаянного шутника и работяги. Зажиточный кулак, он долгое время скрывался от железной руки пролетариата на разных полустанках Тайшетского уезда.

Дедушка простился с этим миром, когда Стружилину было всего полтора года. Бабушка пережила его всего на полгода. Он не мог их знать. И не знал. Пока не соединился с ними в предыдущую неделю.

Перед его глазами, как наяву, возникла небольшая горница, сиявшая от заливавшего её солнечного света. В углу висела икона с лампадкой. Посредине стоял стол. За ним сидел прадед - Федор Игнатьевич, прабабушка - Екатерина Ефимовна и мама. У неё на коленях маленький Игнат. Перекрестившись, семья начинает есть из общей большой чугунной сковородки. Первым ложку в золотистый толченный картофель запустил прадед, потом прабабушка. Будучи несмышленишем, Игнат тянет свою деревянную ложку к «картохе» без очереди. Фёдор Игнатьевич, лукаво прищулив один глаз, медленно облизывает свой «инструмент», и легонько – «бац!» мальчика по лбу.

Внук некоторое время изумленно смотрит на бородатого дядьку, потом начинает горько плакать. Обидно! Все вокруг смеются. Кто-то говорит:

- Вот так, Самсон, поперёд батьки в пекло не лезь!

Едва научившись ходить, Игнат быстро смекает, что основное местонахождение любимого лакомства, мёда, - в чулане. Бочком подкрадывается к двери, за которой в большом эмалированном жёлтом тазу лежат пахучие соты. Заходит храбро в темноту, ведомый дурманящим запахом. Тут же за ним дверь захлопывается и закрывается на засов. Темно. Страшно. Уже не до мёда! За дверью голос мамы:

- Ты чё, дедуля, в самом-то деле! Он же маленький!

Прадед в ответ ей, говорит, усмехаясь:

- В темноте люди только и прозревают!

Наступило время, когда Екатерина Ефимовна и Фёдор Игнатьевич покинули этот мир. Но зато был туалет, который стоял аккуратно среди двенадцати ульев. Проблема! Гадить по углам, как собачонке, Игнату было не велено, а в туалет идти боязно - пчёлы! Мальчонка надевает накомарник, противно пахнущий конским волосом, и - вперёд! Но попа-то голая! Он с визгом несётся в дом. Мама отмывает вспухшую задницу нежными руками, приговаривая:

- Не хозяин ещё, ходи на горшок!

«Как бы не так. - упрямо думал про себя Игнат, мужественно перенося процедуру купания, - Я ведь уже большой!» И на завтра всё повторялось снова...

Последние дни прабабушки не мог видеть никто. Она из Тайшета на электричке выехала в Облепиху, и сошла, по причине старости, на одну остановку раньше. Там, где, почитай, лет двадцать сама сено косила. И заблудилась. - Склероз!.. Её два месяца искали. Игнат в эту ночь отчетливо увидел её, лежащую под елью, присыпанную ветками: «хозяин» постарался. На голове ее сидел большой, черный, с синим отливом, ворон. В клюве он держал голубой глаз бабули...

Не выдержав сего видения, Игнат снова устремился в тамбур. Туалет был занят. Он опорожнил себя прямо на переходной площадке между вагонами. Потом, в полубморочном состоянии, добрался до умывальника. И вновь, с горечью во рту, но, омытый живительной влагой приковылял к своему купе.

За окном вагона уже розовел закат. Приоткрыв окно, он долго глотал свежий осенний воздух, пока его не заставил закончить эту процедуру ворчливый голос кого-то из попутчиков, лежащих на нижней полке.

Тогда, повернувшись на спину, Стружилин, отчаявшись что-либо понять, начал с отвращением припоминать последние годы своей жизни.

Смерть мамы, единственного близкого ему человека, застала его врасплох в тот момент, когда он решал проблему: остаться ли ему в родном городе или махнуть в Иркутск для успешного продвижения своей карьеры. Похороны были скорыми, можно даже сказать, - наспех.

Оказавшись в столице Восточной Сибири, Стружилин с утроенным рвением начал служить, как ему тогда казалось, Отечеству: командировки, командировки, командировки ... В перерыве между ними женился, ради того, чтобы было где отоспаться и придти в себя до очередной поездки. Но семьи как-то не получилось...

Природная настырность, недюжинное воображение и кое-какие артистические данные помогали ему успешно работать в качестве «социального разведчика». То есть, влезать в души людей: пить с ними водку, ложиться в одну постель, вести «провокационные» разговоры с одной лишь единственной целью - чтобы в один прекрасный момент раздеть их догола перед читателями, и хоть на мгновение почувствовать своё превосходство над теми, кто ещё недавно делил с ним свой кусок хлеба и самые сокровенные мысли. Вслух, конечно, этого не произносилось. Напротив, к нахрапистому молодому пареньку из провинции относились с уважением даже мэтры... Его побаивались руководители государственных и частных учреждений, предприятий и организаций.

Это нравилось Игнату. Он знал, что нужен им. Ибо, на такую грязную работу могли отчаяться немногие... Одни по причине особой принципиальности, которую называли устаревшим понятием «порядочность». Другие исключительно из брезгливости к «человеческим нечистотам», да и просто к простым людям, которых они прилюдно называли гордым именем «рабочий класс», а за глаза - быдлом.

Уже рассвело. Поезд, покачиваясь с боку на бок, «перешагнул» через стрелки и, как бы нехотя остановился около перрона. Игнат неспешно вышел из вагона. Его лицо тронула бодрящая утренняя прохлада. Где-то на крыше вокзала ворковали голуби. Он с очарованием некоторое время прислушивался к их голосу. Потом медленно побрёл к подземному переходу. Но у его чёрного входа, напомнившего ему вдруг лаз в подполье, остановился и, резко повернув, пошагал через рельсы к Ангаре.

Открывшаяся его взгляду панорама, легко умещалась в одном взгляде, который охватывал реку от горбатого моста до острова Юности. Тихая утренняя ангарская вода, легкое туманное дыхание реки, сонное плескание волн - успокоили Игната.

Несмотря на то, что всё, видимое им в этот утренний час, он знал до мельчайших деталей ещё со студенческих лет, берег ему показался местом незнакомым. Такое ощущение должно быть возникает у путешественника, которого, чудом спасшегося после кораблекрушения, волны выбрасывают на необитаемый остров.

Дымящиеся волны, крики чаек, розовеющий Восток, даже разбитая бутылка, хрустнувшая под его ногами - всё в нём вызывало какой-то неопиcуемый детский восторг. В горле запершило. По щекам Игната, как и тогда на Московском тракте около Тайшета, потекли слёзы. И вновь он их не посмел смахнуть рукой...

Он блаженно закрыл глаза и его недвижимое, но поющее изнутри тело, тихо стронулось с места и медленно поплыло вверх. Как канатоходец, балансирующий на тонкой проволоке, Игнат, боясь потерять душевное равновесие, мысленно воспарил над Ангарой. Гул его одинокого сердца заглушала, неизвестно откуда звучащая неземная музыка и острое желание увидеть солнце. И вот сияющий поток света, хлынувший из-за крыш домов, находящихся на другом берегу Ангары, омыл его лицо, освобождая разум от остатков снов и тёмных мыслей. По телу растеклось приятное тепло, голова слегка закружилась... И вдруг, по середине этой звучащей и сияющей гармонии, раздался резкий трамвайный стрёкот!

«Сумасшедший!» - крикнула около самого уха Игната какая-то женщина. От резкого толчка Игнат открыл глаза. Он стоял на трамвайном кольце прямо напротив, отчаянно стрекочущего трамвая. Вокруг него суетились незнакомые люди. Не веря своим глазам, он удивленно рассматривал лица, окруживших его. Потом шагнул в сторону, и уже не обращая ни на кого внимания, направился в сторону железнодорожного вокзала. В это мгновение кто-то взял его осторожно под руку. Игнат, оцепеневший от такого резкого спуска с неба на землю, послушно, как загипнотизированный, шёл за своим «невидимым» поводырём. Но через некоторое время, всё же, остановился, поднял глаза на своего спутника и вздрогнул... Перед ним была ... Галя! Он, крепко сжал пальцы её руки и, разорвав коросту пересохших губ, спросил:

- Так это ты – ведунья?

- Горе моё луковое! – В каком-то смысле – да! Ведь ведунья – это ведущая за собой и ведающая, куда идти... Я тебя веду и знаю куда...

- Как ты оказалась здесь? – Косьяновна сказала, что ты уехала на Запад!

- Мой Запад отныне там, где твой Восток ... И не смотри на меня так как-будто бы я с луны упала... А то снова растворюсь...- засмеялась задорно Галя.

- Нет-нет! - на полном серьёзе испугался Игнат. – Не надо, пожалуйста...

- Ох, и глупый же у тебя вид, Суббочев... Видел бы ты сейчас себя со стороны! – и добавила решительно, - Не стой как истукан на месте, люди уже от нас начинают шарахаться, пойдём в кафешку, присядем, по-моему, горячего чаю глоток тебе не помешает...

... В кафе, очень кстати для влюбленных, было безлюдно. Галя объяснила Игнату, что ничего сверхъестественного в её появлении нет – просто она села на поезд в Тайшете, куда действительно уехала, не желая запутывать его жизнь... Но потом, подумала-подумала и поняла, что от судьбы не уйдёшь... Узнала у знакомого кассира на какое число он взял билет и дальше, как говорится, было «дело техники»... Кроме того, кто запутал, тот и должен помочь распутывать - иначе как-то не по-человечески получается... Словом, «вместе кашу заварили, вместе и расхлёбывать»...

- Или ты думаешь иначе? – спросила серьёзно Галя.

- Конечно ты права... Но я должен предупредить – со мною происходит что-то странное... Как будто время и пространство перепутались... Я стал видеть и слышать то, что, кажется, не видят и не слышат другие и, наоборот, временами не замечаю очевидного... Такое ощущение как будто заблудился, напился из мутной лужи, обвалился весь в грязи, кружу иступлённо на месте... Выбился уже из сил, муторно... Простудилась душа, злоба из глубины сердца поднимается, одолевают чёрные мысли, но никак не могу найти дорогу домой, к себе...

- Ну, многого не обещаю, Игнат Иннокентьевич, - нежно и иронично пообещала Галя, положив свою голову на его плечо. – Но, так и быть, стану твоими глазами и ушами... Чего-чего, а к людям-то, даст бог, выведу – в тайге чай выросла, не впервой... И дом у нас с тобой свой будет... Родим детей – мальчика и девочку... Девочка будет походить на тебя, мальчик на меня... Вот душа-то и оттаёт, злоба уйдет... А станет снова муторно – истопим баньку, веничек берёзовый запарим, в предбанке мяту, пижму, чабрец развесим и духа злого - как не бывало...

Игнат зачарованно слушал размеренный, ласковый, успокаивающий голос Гали, послушно внимая из её уст простые незамысловатые житейские истины, на которых спокон веков держится на этой земле род человеческий... На душе его стало тихо и спокойно как-будто он вернулся в детство и жизнь его - таинственная, полная чудес, неизведанных событий, ярких впечатлений, будоражащих сердце ощущений – только начинается...

1989 – 2013 гг.

Н Е М О Й

(Б Ы Л Ь)

Мне эту историю рассказал незабвенный мой дядюшка, отличный рассказчик и говорун. Ему же поведал один из настоящих чалдонов, который большую часть своей жизни занимался охотничьим таёжным промыслом и жил в одном из глухих сибирских посёлков с красивым названием Белая Русь. Случилось это в конце пятидесятих годов прошлого века на одной из маленьких станций Восточно-Сибирской железной дороги.

Под Новый год, неожиданно для всех, умственно неполноценная Нюрка-дура, живущая милостью божьей и людской на станции «Тайга», вдруг разродилось дитём. Кто были её родители, и откуда она приехала - никто не знал. Но нравом юродивая девка была тихая, и, главное, работающая, поэтому ей без особого труда удалось прижиться в посёлке. Когда, где и какой подлец сумел сделать с ней это житейское дело - осталось тайной. Беременность же у неё, благодаря Нюркиной могучей комплектности, протекала незаметно для постороннего взгляда. Поэтому когда в полночь в один из июльских деньков начались родовые схватки, ничего не подозревающая дежурная по станции, известная в посёлке весёлая вдова, послала за местным фельдшером. Прибывший на «место происшествия» худой высокий студент-практикант, простуженным голосом важно констатировал:

- Острое отравление. Требуется срочное промывание желудка...

В решающий момент нелегкого женского дела, командование приняла на себя одна из приезжих женщин. Маленькая, худенькая она до самого последнего момента оставалась на втором плане. Но как только Нюрка начала рвать на себе волосы и жалобно, совсем по-детски, кричать: «Мама. Ма-ма! Мамочка-а-а-аа!» - она подошла к ней тихо и сказала:

- Боже мой, так ведь эго - роженица,...

- Что??? - обомлела дежурная.

- Тёплой воды, какую-нибудь чистую тряпку, пошуруди в печке, да мужиков куда-нибудь уведи... - сухо, в приказном тоне, отрезала женщина.

- Ага, щас... – пролепетала, сразу подчинившаяся ей вдова.

- Через полчаса помещение маленького железнодорожного вокзала, который скорее напоминало дежурку путейский работников, огласило протяжное детское «Ау-у-уу!». Родился крупный, по виду килограмма четыре, мальчик.

Импровизированная повитуха устало собрала испачканные простыни, которые в суматохе откуда-то притащила дежурная, ополоснула теплой водой малыша, завернула его вместо пелёнок в чистый цветастый платок, добытый из собственной сумки. Дитя притих, удивлённо и как-то серьёзно по-взрослому глядя на первого человека, которого он увидел на белом свете, прибыв в человеческом теле из длительного путешествия по иным мирам. Так, неотрывно глядя на светлое лицо женщины, обрамленное пышными волосами чуть тронутыми сединой, сделав почему-то обиженно губы бантиком, он мало по малу стал прикрывать глаза и ... уснул, первый раз в своей жизни уже не в утробе матери.

Женщина так же неотрывно, с умилением смотрела на явившуюся миру новую человеческую жизнь. Краешки её губ тронула усталая, но довольная улыбка. Это, возникшее единение женщины и ребёнка прервал раскатистый храп Нюрки. Убогая, умаявшаяся от трудов женских, как ни в чём ни бывало, уснула. Лицо её кроме звериного блаженства ничего не выражала, а храп напоминал хрюканье уснувшего поросёнка, который во сне в таких случаях прядёт ушами. У Нюрки их роль выполняли ноги. Она, то и дело бороздя ими скамейку, сбрасывала шаль, которой женщина заботливо укрывала обнажённую часть её тела.

Женщина тревожно взглянула на Нюрку. Потом – на ребёнка. «Боже мой, что же будет с малышкой... Непременно отдадут в приют... Сиротинушка! Не успел появиться на свет, а уже никому не нужен...» - подумала она и по её щеке покатила крупная слеза... Смахнув её украдкой, она твёрдым голосом прервала тихие причитания дежурной по вокзалу, смысл которых можно выразить одной короткой фразой: «Почему именно в моё дежурство...».

- Слышь, молодуха, сообрази-ка чайку сладкого, да покрепче, а то чё-то в горле першит!

- Ага, щас! – покорно, всё ещё преисполненная благодарностью к незнакомке, бросилась выполнять то ли приказ, то ли просьбу женщины теперь уже далеко не весёлая вдова.

Когда через минут десять она пришла с чайником, булочкой и кружками в руках на вокзал - женщины и след простыл. Вместе с ней исчезли ребёнок и шаль.

«Завернула мальчика в шаль, стало быть...» - машинально подумала про себя дежурная. А вслух, почему-то тихо, как будто боясь разбудить Нюрку, произнесла:

- Женщина, где вы?

Потом открыла осторожно входную дверь и, неуверенно, чуть громче позвала:

- Женщина-а-а ...

Но в ответ ей, откликнулась только начинавшаяся вьюга, да далекий лай поселковских собак.

Тихо прикрыв дверь, искоса поглядывая на храпящую Нюрку, почему-то повернувшись к тёмному крестообразному лику окна, дежурная перекрестилась. А потом чуть слышно, удовлетворенно, прошептала:

- Ну, и ладно... Спасибо тебе, Господи... Чему быть, тому не миновать...

Так родился на свет Гоша, о котором и будет наш рассказ.

Тетка Акси́нья (так звали похитительницу Гоши) в тот вечер направлялась на поиски своей единственной дочери. Она уже десять лет назад покинула родное гнездо с заезжим геологом. И с тех пор о ней не было никаких вестей.

Аксинье почти каждую ночь снилось, что она нянчит внуков дочери. Года шли - глаза тускнели, руки тяжелели, а дочь всё не ехала и не ехала. Тогда поехала она. Куда? Зачем? - Этого она и сама толком не знала. В который раз она задавала себе вопрос: «Почему всё так вышло?» Она ли не лелеяла свою доченьку? Она ли не вплетала в её косы алы ленты? И работой её сильно не утруждала, пока здоровьем Бог миловал? Так за что такое бессердечие на старости лет?! Обида, одиночество и тоска - вот что заставило тронуться в этот неопределённый путь тётку Акси́нью.

А тут на станции такой случай... В добром женском сердце вспыхнула нерастроченная материнская ласка. И вот Гоша уже был в далёкой таёжной деревушке Белая Русь.

В этом старинном русском поселении издавна жили только охотники, да старатели, жизнь которых подчинялась своим неписанным законам и обычаям. Правда, лет пять назад, к большому неудовольствию коренных жителей, в посёлке прочно обосновался один из районных леспромхозов. Но появление его мало изменило привычный уклад жизни старожилов: они по старинке собирали и сдавали государству орехи, ягоды, грибы, лекарственные растения и, конечно же, охотились и рыбачили.

Быстрее ветра весть о приёмном сыне одинокой женщины облетела небольшое село. Уже к вечеру стали приходить к Акси́нье любопытные соседи взглянуть на дитё. Удивлялись. Подсмеивались. Осуждали. Но никто не приходил без подарков и долго потом ещё чулан Акси́нии стоял забитый: медком, брусничкой, грибочками и другой сибирской вкусной разностью.

Гоша рос на редкость хилым и болезненным мальчиком. От года до шести он переболел всеми детским болезнями, которые только

существуют. Не раз казалось, что смерть заберёт его в свои когтистые лапы, но Акси́нья мужественно боролась за жизнь своего сыночка, и все болезни одна за другой умирали от маленьких рук доброй женщины.

В пять лет стало ясно, что он - немой. В районной детской больнице объяснили, что у мальчика сложное нарушение фонематического слуха, т.е. он слышит, но по-своему... Чтобы обрести практические навыки озвучивания своего внутреннего голоса, ему нужен был рядом человек, который также слышал и, соответственно, так же говорил, чего в природе вообще не бывает. Говорят, что это болезнь лечится, но для этого нужна была помощь редких специалистов, которых даже в Иркутске в то время не было. Но, главное, лечение это требовало нескольких лет, в течение которых мать должна была находиться с ребёнком рядом... Так как Акси́нья поднимала мальчика одна – ей нельзя было уходить с работы в леспромхозе: она работала уборщицей в конторе, в которой могли обойтись и без неё, но жалели, так сказать, давали заработать на кусок хлеба. Оказавшись в безвыходном положении, она и этот удар судьбы приняла достойно. И даже наоборот ещё с большим воодушевлением стала холить, да голубить своего ненаглядного Гошеньку.

Гоша очень скоро понял, что он непонятен и от этого неприятен людям. Родители одноклассников, узнав каким-то образом о настоящей его матери, запрещали играть с ним, решив, что «от осинки не родятся апельсинки». Да, дети и сами не очень-то к нему тянулись. Боясь его необычайно высокого роста и немоты, они лишь издали осмеливались выкрикивать обидное «Гошка-дурак». В школе-интернате, где он пробыл четыре года, Гоша особых способностей к наукам не выказал. Сидел один за партой, вечно не совсем сытый, он десять месяцев учёбы переносил как затянувшуюся пытку. Боясь быть растерзанным одиночеством, в пятый класс не пошёл. Рано пристрастился к тайге. Уже в четырнадцать лет добывал столько белки, а порой и «соболишки», что даже бывалее охотники разводили руками. Когда пришла пора его «годкам» идти в армию, он тоже пришёл со стареньким вещевым мешком на пункт сбора призывников. Но и среди призывников ему, по понятным причинам, не оказалось места. Тогда, не поняв людей, он сбегал за ружьём, чтобы показать, как он метко умеет стрелять. Вскоре после этого случая к ним приехал лесник для изъятия у «дурака» не зарегистрированного оружия. Гоша чем-то ему приглянулся. Он взял его с собой на охоту... А вскоре после этого выхлопотал ему собственный участок в тайге для самостоятельного промысла. Так он стал зарабатывать на жизнь себе и своей, уже сильно постаревшей к тому времени, маме.

В тайге Гоше никогда не было одиноко. Обосновался он за дальним хребтом. Сплошной бурелом, оголённые скальные породы, мари, да кривоногий кедрач - вот и всё, что окружало его. Но он-то был убеждён, что звери, птицы, деревья и воздух там совершенно особые - ни то что во всей тайге.

Зимовье поставил гам, где кроме него никто не решился бы этого сделать. В болотине, за неприступной марью, на крохотном островке, в чаще чахлых берез и осин – «пряталась» его избушка. Ни дров, ни строительного материала на месте, конечно, не было. Всё приходилось таскать через марь на себе, по одной, известной только ему тропе. Почему он выбрал именно это место - было известно только одному Гоше.

Может быть, потому что на острове было небольшое озерцо, о существовании которого знали даже немногие здешние охотники, Круглое лето на озерце «не выводилась» утка, но сам Гоша никогда их «не бил» из ружья. Они так привязались к своему молчаливому соседу, что позволяли кормить себя хлебом чуть ли не с рук.

Может быть, потому, что в зимовье практически вместе с ним, жило целое семейство бурундуков. Глава его - Васька-вор был любимцем Гоши. Сколько не прикармливал он бурундука, Васька всё равно норовил что-нибудь упереть в свою кладовую. Так что приходилось убирать припасы подальше от вороватого «друга».

А может быть, просто, он здесь был своим среди всевозможных поделок из забавных корней, сучков, лишайников и тому подобных «лесных даров». Ему ещё в школе полюбились уроки труда, на которых их учили делать из шишек, пластилина, бересты и иголок - лесных человечков. Они ему очень удавались. Но как-то так получилось, что этих его способностей вовремя никто не заметил и не развил. Теперь же это стало настоящей его страстью. Он, почти не трогая резцом и ножом древесины, умел увидеть в её мертвых кусках сказочных героев. Они молчали, так же как и он. Но умели, так же как и он, плакать и смеяться, влюбляться и ненавидеть, словом, жить. Незначительная часть коллекции прижилась на тумбочках и комодах мамы и была предметом насмешек всей деревни. Но основную, самую дорогую для себя часть, он прятал здесь. Какое бы ни было пасмурное настроение у него, стоило ему только переступить порог зимовья, как в нём начинало твориться волшебство. И хотелось излить душу на всё его окружающее. Что он и делал, весь отдаваясь своему любимому занятию... И, несмотря на свою немоту, он не считал себя обиженным судьбой человеком. Конечно, ему бывало скучновато иногда одному, но, во-первых, он к одиночеству давно уже привык. Во-вторых, у него была целая тайга,

которую (как думал он) никто лучше его не слышит и не чувствует. В-третьих, он очень любил маму, которая заменяла ему всё человечество вместе взятое и даже больше. Так бы может и текла его жизнь тихо и размерено, если бы...

Кто-то из села на общем собрании, предложил организовать в деревне начальную школу. Дескать, «чѐ маленьких парнишек и девчонков» отрывать от дому, «опять же, леспромхоз разросся - срубить избу путѐвую - раз плюнуть». Мысль понравилась. Послали представителей в район. И вот в середине сентября, когда ветер в сопках заиграл в листопад, а усталые свинцовые тучи стали ложиться на вершины гор не только по утрам, но и днѐм, в Белую Русь приехала учительница. Махонькая, с потертым портфелем, она пожаловала в посѐлок на зашлѐпанном грязью тракторе. На первых порах еѐ поселили у тетки Аксиньи. А через месяц, как по щучьему велению, вырос на самом видном месте села (т.е. на крутом берегу речки Рысьѐвки) большой пятистенок. Основная его часть стала школой, но в ней же, с отдельной печкой и входом, расположилась квартира учительницы. Всю первую зиму селяне, приговаривая «пока пообвыкнет», помогали молодой учительнице кто, чем может: кто дровишек наколет, кто солений, да варений принесѐт, кто свежей стряпни приволочѐт – в общем, не обижали. Впоследствии эта традиция прижилась и не отменялась, несмотря на разные перемены отношения к «Любаше Владимировне» как, по-свойски, но уважительно, называли люди про меж собой, потому как «учитильша по всем законам - авторитет».

В марте, как частенько и бывает в этих местах, квартировали в посѐлке геологи. Один из них начал ухаживать за Любавой. То песенки какие-то чувствительные брнчал на гитаре вечерком в школе, то стишки прямо при посторонних читал, то травил уморительные анекдоты. Хотели его местные ребята образумить по-свойски, да неаккуратно получилось – учительница увидела и заступилась. И вскоре стал он выходить по утрам из комнаты девушки.

«Ну, сошлись – ладно, дело житейское – знать время пришло. Вроде как всё по-людски» - думали селяне. А он, вертихвост, в один из августовских дней, как уехал в район, так до сих пор его никто и не видел и слухом не слыхивал. Долго ходила Любаня с опухшими от слѐз глазами. Шибко жалели ее на селе: думали случайно. Но тут один из разбитых деревенских парней – Корней с хорошей сибирской фамилией, которую называть не будем, чтобы еѐ «не замарать», возьми, да и зайди к ней вечерком под хмельком на огонѐк. О чѐм уж они гам говорили-беседовали никому не известно, да только вышел

он от неё опять-таки утром - это видели все. А начали смеяться на селе...

Вот она-то и приглянулась Гоше. Всего он о ней знать не мог, по понятным причинам: много времени проводил в тайге, да мама не очень баловала сыночка деревенскими новостями, зная, что он к ним не только нем, но ещё и глух. Однако, Гоша быстро почувствовал, что к Любе относятся примерно, так же как и к нему. Наблюдая за ней, он может быть, впервые по-настоящему ощутил, как это несправедливо.

В первый раз он её увидел, когда она только приехала. Придя домой за припасами, он, как только переступил порог, сразу понял, что в доме есть кто-то чужой. Им было давно примечено, что мама, изрядно подслепнув, стала последние два, три года не так чистоплотна как раньше: то занавески не стирает как следует, то пол выскребет не до бела, то, забывшись, ходит долго-долго в одном и том же платье. А тут - на окнах белоснежные паруса занавесок, крыльцо как-будто выслано из только что срубленного дерева, и, в довершение ко всему, перед ним появился, связанный из лоскутков материи, ромашка-коврик. Догадка оправдалась. Вечером из школы пришла Люба. Маленькая, хрупкая, она раз за разом краснела от непривычно пристального взгляда Гоши. Правда, стоило ей умоляюще взглянуть на него, как - тоже самое происходило с ним... Когда наступило время ложиться спать, он посчитал, что лучше уйти на ночлег в сени, хотя комнаты в избе было две. И оттуда уже он услышал как Люба спросила маму:

- Куда он? Ведь там холодно...

- Ничего, он - привычный, не без гордости за сына, ответила Аксинья.

А потом всю ночь Гоше не спалось. Лежа на спине, он снова и снова рисовал в своем воображении Любашу. Так и не уснув, под утро, он вышел подышать воздухом во двор.

Туман ленивой змейкой ползал и грядкам. Иней превратил крапиву в сказочный резкой лес, который дремал опустив руки. Большая бледная луна медленно таяла между багряных сопок, и последние звезды осыпались тусклыми льдинками в ладонь чёрной пади. Всё замерло. Лишь чуть-чуть дышала Рысьёвка, да, кобель сонно урчал, мостясь по удобнее в будке на своей обыгавшей подстилке. Вдруг, Гоша совершенно ясно понял, к чему клонятся все его мысли. И как-то по-особенному болезненно ощутил свое убожество... Потом, немного остынув и успокоившись на утреннем морозце, решил пораньше, пока не проснулись в доме, уйти и в тайгу. «Тайга... - подумал он, - Всё излечит... Она – мудра. Она – поможет»

Да, тайга мудра! Всю зиму ему в каждой осинке чудилась Любаша. Лохматые: корни, вывороченных из земли деревьев, оживали воздушными линиями девичьей фигуры, а большое его воображение из обыкновенной конопатой девчушки сотворило, самое меньшее, прекрасную лесную фею. Поэтому в мае, лишь только с троп сошел снег, он, измученный, пересек хребет и уже на первые сутки, вечером, был дома. Мать очень обрадовалась ему. Засуетилась и даже всплакнула.

- Я уже и не знала, что думать, родненький. Можя беда какa приключилась али ещё чё? Что же ты делаешь, Лешака этакий! - Видь с самой осени как в воду канул! Иль, думаешь, у матери сердце-то железное,- не зло ворчала она, собирая дрожащими руками еду на стол.

Гоше очень хотелось спросить о Любаше. И до того у него это желание было велико, что временами, забывая о своей немоте, он порывался высказать его вслух. Наконец мать заметила странное поведение сына. Присела. Взяла его руку в свои и заглядывая в глаза, спросила:

- Али чё хочешь спросить, сизокрылый??? Эй, паря, глазища-то у тебя какие мутные - будто Рысьёвка по весне... Случалось чё?

Гоша поспешно замотал головой и отвернулся, чтобы хоть мать не видела закипающих на глазах слёз. Но мать было не провести, она порой узнавала мысли сына по движению рук, по походке или по блеску его глаз. Вот и теперь, неизвестно отчего, она вдруг догадалась обо всём и даже испугалась собственной догадки.

- Уж не про Любашу ли?... - уронила она.

Он быстро повернулся к ней и - замер.

- Эй-е-ей, милый, вон оно чё... Парень у неё есть. И говорят, что это у них серьезно... Люди болтают, что дело к свадьбе идёт. Так что... - как-то сникнув, тихо заключила Анисья. А потом неожиданно громко, рассержено добавила:

- На вот, лучше поешь!

И, встав, быстро отошла от сына. А потом подозрительно долго возилась с хватом около черного рта русской печи.

Что-то оборвались внутри у Гоши. Он толком и не помнил, как и ел, и пил. Только снова очутившись в тайге «очнулся и задышал». Жизнь медленно оттаивала в нём и давала знать о себе, то звоном кузнечика, то журчанием ручейка, то запахом черемухи... Так пролетело звонкогорлое лето. Черемуха надела тяжёлые чёрные сережки, зарумянилась боярка и рябина, листья, вспыхнув желто-багряным пламенем, тихо сочилились на мох, прикрывая ровным ковром красные бусинки клюквы. Как всегда, в конце сентября, дружное семейство уток собиралось в тёплые края. Молодняк, подросший и окрепший за лето, то и дело пробовали силу своих крыльев, суетливо навораживая круги над потемневшим озером. А взрослые их папы и мамы, чуть насмешливо покрякивая, над нетерпением молодых, важно и неспешно плавали около берега, выискивая последних вкусных жучков и личинок. Но не было той торжественной и спокойной грусти, которую Гоша обычно испытывал в это время в душе своей. Пристально вглядываясь в пламенеющий простор, он что-то искал и никак не мог найти... Тоска раздирала ему грудь... И вот в одно хмурое осеннее утро, когда ветер начал порывисто бегать по лесу, а утки, сбившись в кучку на воде, затрубили свою прощальную песню, он, охваченный смутной тревогой, выйдя на берег озера, почувствовал себя вдруг невыносимо одиноким. Ему вспомнилась сказка про гадкого утенка и захотелось туда - к людям, которые в эти дни заканчивали подготовку к трудной зиме: стучали топоры, визжали пилы, из домов доносился запах варений и соленых грибов, коты жались поближе к печкам, а подслеповатые бабки вязали теплые носки и рукавицы шаловливым внучатам.

«Ворвавшись» в зимовье, он стал торопливо собираться, хотя, собственно говоря, собирать-то особенно было и нечего: телогрейка, шапка, связка корней и сучьев, ружьецо, да патронташ... Перед тем как тронуться в путь, он постоял, обласкал взглядом зимовье, взял котомку и поспешно вышел...

Любаша сидела у окна. Закрыв ладошками глаза, девушка плакала. Теплые камельки слёз падали на ученические тетрадки. Блики огня от керосиновой лампы вздрагивали, словно живые на постели, на половиках и на бледно-голубом потолке.

Воспитанная в детском доме, она с самого раннего детства не знала родительское ласки. Какими бы ни были добрыми и внимательными учителя и воспитатели они не могли заменить отца и мать. Каждый из них после работы спешил к себе домой, в свою семью, где и жило, по её представлению, какое-то настоящее

одухотворённое человеческое счастье. Поэтому она всегда считала себя не до конца счастливой и страстно мечтала о будущей своей семейной жизни. Именно о семейной, а не о супружеской... В её сознании, почему-то это были разные вещи. Муж, и вообще все понятия, связанные с этим словом, как-то невольно выпадали из сознания девочки. В её грёзах не было места замужеству, зато всё пространство её души заполняли такие понятия как «дети», «семейный очаг», «домашний уют», «взаимопонимание»...

Приехав в Белую Русь она ощутила себя на пороге таинственных свершений этой мечты. И, действительно, вскоре в её жизни появился Эдик. Люба широко раскрыла навстречу ему свою робкую душу, наивно надеясь на взаимность со стороны парням. Но как только стало ясно, что у них будет ребенок, он - исчез, оставив её один на один с людьми и тайгой. Много было пролито слёз, многое было переосмыслено и пережито. Казалось бы, достаточный урок. Но судьба послала ей новое испытание - Корнея... Зайдя как-то вечером, как выражался парень «к Любанке», он навязался остаться «пить чай». К чаю достал поллитровку водки, и после переселения пустой бутылки под стол, у него вдруг начался «приступ любви». Ей бы взять и выгнать пьяного ухажёра, но она этого сделать не смогла... Постеснялась. А он, осмелев от выпитого, попытался сделать то, что обычно делают иногда мужчины с женщинами, когда остаются один на один. Люба, вырвавшись из липких объятий ухажёра, заперлась у себя в комнате. Корней поскрёб, поскрёб дверь, да и уснул на кухне... А утром демонстративно, на зло ей, в наказание за строптивость, вышел из её дома, как говорится, «на глазах у всего села». Это было равносильно тому, если бы он обесчестил её на самом деле. Она понимала нелепость своего положения, но пожаловаться было не кому, везде она встречала теперь понимающие усмешки, да и отчёго-то стыдно, стыдно было... В случившемся стала винить себя. Девушка окончательно замкнулась на работе, затаившись сама в себе. Дни тянулись предательски медленно. Корней распускал по селу одну небылицу краше другой, в отместку за немилость к своей персоне, и, казалось, конца и края такой жизни не будет. Как вдруг всё изменилось...

Сначала, как «ветром сдуло» Корнея. Он больше не стал появляться ни в школе, ни около её квартиры. А когда, как-то раз, случайно встретила его на улице, он от неё как от чумной задал такого стрекоча, что только пятки сверкали. Любаша даже улыбнулась, вспомнив какое у него при этом было испуганное лицо.

Потом у неё во дворе, как по-щучьему велению, стала появляться свежая рыба, ягоды, грибы, орехи, даже дикий мёд... Люба уже не знала, что и подумать, но расспрашивать селян о чудесах не решалась, итак бог весть, что болтают, а тут и вовсе засмеют. Хотя и они, заметила Люба, стали к ней относиться как-то настороженно-уважительно. И даже самые отчаяннее чалдоны называли её - в глаза и за глаза не иначе как Любовь Владимировна, хотя ещё совсем недавно, даже при детях, обращались на «ты» и величали, как-будто делая великое одолжение, отрывисто – Любава.

Люба чувствовала - произошло что-то очень значительное в её отношениях с односельчанами. Но благодаря кому или чему произошли эти перемены - не могла взять в толк, пока, однажды, не услышала такой разговор:

- Ишь вышагивает... И чё нашёл в ней этот чёрт пучеглазый?

- Ты бы, соседушка, потише языком-то молола, а то она возьмёт, да и передаст твои слова этому «чёрту пучеглазому». А ему чё, дураку, всё одно, что человек, а что бревно...

«Дурак» на всю деревню был один. И ей сразу же вспомнилось странное поведение Гоши в последнее время. Нелюдимый и привыкший ходить и дома и на людях в таёжной экипировке, он вдруг купил себе импортный модный костюм, полусапожки, сбрил бороду. Стал появляться как будто нечаянно в тех местах, где вольно или невольно бывала она - в библиотеке, в школе, в клубе... И тогда Люба постоянно ощущала на себе его пристальный взгляд, от которого робела и почему-то терялась.

Вот и сейчас войдя во двор она - обомлела: под навесом стояла большая поленница свежее наколотых дров... Уже вторую неделю шли холодные осенние дожди, а управляющий не спешил с заготовкой дров для школы и «учителки». Выход был один: брать поллитровку и идти на поклон к одному из сельских мужиков, что для Любы в теперешнем её положении было равносильно «ножу у горла». И вот вдруг снова чудо... У девушки гулко забилося сердце, кровь бросилась к лицу, в эту минуту ей показалось, что вся деревня глядит, понимающе ухмыляясь, из окошек своих домов на неё. Засуетившись, не вытирая ног, она вбежала на крыльцо, и, дёрнув за ручку тяжелую дверь, шагнула через спасительный порог...

Придя из тайги домой Гоша не стал скрывать перед матерью охватившего его чувства. И мама, как никогда понимала своего сына, старалась всеми силами поддержать его. Между ними установилось, то счастливое молчаливое понимание, которое редко бывает между

близкими людьми. Сын не задавал своих немых вопросов, а мать не бередила душу ненужными рассказами. Лишь после бани и вечернего чая, в первый день его приезда, она, как бы между делом, заметила:

- Да... у Любаши с энтовым Эдькой ничего не сладилось... Одна она пока... И уже глядя в его светлые глаза, поджав губы, твёрдо, немного сурово, добавила:

- Люди болтают всякое – ты не верь... Пустое это...

А когда он лег на кровать отдохнуть, под села на краешек и любуясь сыном залепетала:

- Вон, вишь, какой стал... А был-то заморышем...

И потом, ещё немного подумав, рассудительно произнесла:

- Надо тебе справить, что-нибудь из одежды. Ведь ничегошеньки у тебя нет, а денег «настрелял», слава Богу, немало...

Перебирая своими сухонькими руками его густые льняные кудри, она «наступала» дальше:

- И чтобы не сидел у меня в избе: завтра же в клуб, на вечерку или как это вас теперяча называется... Чё людей-то шархаться? Небось, не зверь какой, а - человек!

Наутро, наигравшись от души колуном, Гоша отправился в сельпо. Зайдя в магазин, он кивком головы поздоровался с окружающими. На его приветствие, традиционно, ответили немногие. Гоша не смутился. Подойдя к прилавку, показал на костюм, висевший на выставке, и на себя, при это, выразительно помахивая пачкой десятирублевков.

Несколько женщин стоявших рядом притихли, с неприкрытым любопытством наблюдая за действиями Гоши. Продавец, мгновенно сообразив, в чем дело, шустро подала ему костюм самого большого размера, радостно треща при этом на весь магазин:

- Давно пора приодеться, Гоша! Вон парень-то какой ладный, да видный, а все ходишь в каких-то обносках... Али хуже других зарабатываешь? Вот этот тебе будет в самый раз. Костюм добрый, ненашенский, потому только и залежался, что росту большого. Думала уж, что так его здесь и сгною, а он, вишь, и пригодился...

Гоша недолго разглядывал вещь. Прикинув на себя костюм и убедившись, что он ему в пору, взял. И потом начал по очереди требовать сапожки, рубашку, джемпер, свитер и ещё какие-то мелочи из выходной одежды.

Радости продавца не было конца. Порхая из одного угла магазина в другой, она захлеб щебетала:

- Вот молодец, так, молодец – давно у меня таких покупателей не было...

Между тем, уgomонившиеся было при появлении Гоши бабы, понемногу начали возобновлять прервавшийся свой разговор.

- Как это она, может со всеми разом!? – почему с присвистом пробасила Дарья, крупная бабёнка - известная на селе сплетница, за что её собственный муж не редко по пьяни бивал. - Тутa с одним не знаешь как оправиться!

- А ты попробуй, может, и осилишь! – поперхнувшись смехом, посоветовала долговязая женщина средних лет, которую Гоша почти не знал, лишь несколько раз видел на другом конце села. – С виду-то, вон какая ладная – кровь с молоком...

Гоша, примеряя полусапожки, невольно, стал прислушиваться, о чём судачили деревенские бабы.

- А если серьёзно, - вставила угрюмо Дарья, - Так я бы эту учителку из нашего села «за шиворот, да на солнышко». Так ведь, глядишь, и наши мужики до неё потянутся... Даром что кожа, да кости, но баба она молодая, не изболелась... А мужики, известное дело, народ пакостный...

Не успела Дарья ещё рот закрыть, как на её плечо легла тяжёлая рука Гоши. Тетка даже присела от неожиданности... Медленно повернувшись, она потеряла дар речи и ощутила во всем теле предательскую слабость, перемешанную с легкой дрожью в коленках. Увидев бледное лицо парня, будто вытесанное из белого мрамора, его серые глаза, потемневшие как грозозвая тучи, она не просто обомлела, но издала какой-то странный звук похожий на шипение воздуха из пробитого автомобильного баллона, на которых деревенские мальчишки в летние жаркие дни купаются в Рысьёвке. Её собственное большое лицо с крупным мясистым носом, ещё минуту назад имевшее выражение злобного судьи, в один миг переродилось во что-то среднее между мордой нашкодившего кота и побитой хозяином собаки. Не выдержав взгляда Гоши, она, скосив глаза и поджав плечи, икая, протенькала:

- Эть, эть... Эть ты че-го-о-о, милай?

Гоша, взяв за плечи бабёнку, пододвинул её лицо вплотную к своему. И начал пристально разглядывать её испаряющуюся от страха душу. Под левым глазом Дарьи «прятался», смачно припудренный, отцветающий синяк... Видимо след от очередных пьяных разборок мужа. На большом лбу, покрытом сетью мелких морщинок, выступила испарина, которая тоненькой струйкой скатилась на нос, и повисла на нём в виде большой теплой капли...

«Откуда в людях столько пакости? - мелькнуло в его мозгу... - Ведь, в общем-то, она неплохой, даже, по-своему, несчастный человек...»

Вмиг сельпо опустели. Даже продавщица исчезла куда-то бесследно, позабыв до конца рассчитать угрюмого парня.

Опомнившись, Гоша убрал руки от Дарьи и отвернулся спиной к испуганной женщине. А она, не став искушать судьбу разного рода выяснениями по поводу случившегося, припустила мелкой неуверенной рысцой по направлению к двери...

Родившееся на минуту сомнение в душе Гоши, потухло подобно искре костра. «Нет!» - подумал он, облегченно вздохнув и - улыбнулся... Потом взял купленные вещи, положил за них деньги на прилавок, и вышел из сельпо...

Вечером того же дня Гоша пошёл в клуб. Он чувствовал себя не совсем ловко в новом костюме и поэтому, пройдя в кинозал, который был в селе, одновременно, танцевальной площадкой и красным уголком, сел в стороне от общего скопления молодежи. Конечно, все присутствующее в клубе ребята его заметили. Девушки начали оживленно перешептываться, поглядывая в его сторону. Парни, ухмыляясь, чесали затылки, но никаких дружеских или враждебных действий по отношению к отшельнику не предпринимали, зная, что с ним шутки плохи. Благодаря небольшому размеру клуба до острого слуха Гоши доносились довольно четко многие разговоры односельчан.

Кто-то из них хвалился «страсть богатым» брусничным бором, надыбаном где-то совсем недалеко. Кто-то доказывал, что может одним махом выпить литру самогонки и при этом ещё в течение часа не задубеть. Один женский голос страстно уверял, что, если бы, дескать, не её «паскуда Фёдор», то была бы она сейчас не меньше чем «ахтрисой» и пела, где-нибудь в Иркутске в настоящем «театре». Во всем этом нескладном хоре обособленно звучал дребезжащий голос Корнея. Придав своему телу непринуждённую позу, то есть, положив сапоги на спинки впереди стоящих обшитых коричневым дерматином кресел, он, смачно щелкая семечки, кому-то из своих дружков вещал:

- А как она меня любит, братцы, это же прямо страсть! Так прямо и говорит: что ты, Коря, хошь - пей, хошь - гуляй, да только меня не забывай. А я понятное дело, парень добрый - мне этого добра не жалко?

Парни задыхались от смеха. Гоша поворачивался на каждый хлопок входной двери: он ждал Любу. Она пришла, когда киномеханик продавал уже последние билеты, ловко кружась в зале меж узко сдвинутых рядов кресел. Люба, опустив плаза, которые и так было плохо видно из-за наброшенного на волосы капюшона куртки, боком просочилась в дальний угол, как раз туда, где притаился Гоша. Немного оробев, он всё же не сводил с неё своих лучащихся глаз.

Вдруг Гошин взгляд пересекла чья-то тень. Он поднял глаза и увидел Корнея. Тот демонстративно плюхнулся в соседнее кресло с Любой и панибратски обнял её за плечи. Гоша ясно видел, как она

съёжилась и покраснела. Корней же, ловко работая второй рукой, пытался что-то шепнуть ей на ухо. Девушка робко защищалась плечом и отворачивалась от назойливого кавалера. Тогда он нарочно «прошептал» на весь зал:

- Чё, ты, как не родная?!

Люба вырвалась и побежала к выходу. Гоша было рванулся за ней, но, секунду подумав, остался на месте...

- Ах, ты, милая моя,
Чё ты чертыхаешься!
Всё равно - давно моя,
Хоть и не признаешься! -

развязано-пьяно пропел ей вслед Корней. И, заваливаясь то и дело на бок, направился к друзьям, наступая на ноги, пришедших в клуб селян. Потом, разомлев, сел у раскрытого окна и закурил папиросу.

Гоша встал со своего места и под звуки начавшегося киножурнала, как-то даже торжественно, неспешно, направился в сторону Корнея. Подойдя к нему вплотную, выдернул папироску изо рта парня и выкинул её в окно. Потом взял левой рукой его самого за шиворот, поднял с места как мешок с картошкой и, помогая правой, отправил всё неокладное тело Корнея за окурком вслед. Онемевший Корней не успел и рта раскрыть, как оказался на середине большой лужи, которая как на грех расположилась напротив злополучного окна. Его дружки как-будто присохли к местам. Никому даже и в голову не пришло заступиться за словоохотливого товарища. Выждав несколько секунд, Гоша, так же неторопливо, вышел из зала...

Сибиряк народ догадливый. На следующий день всё село только и говорило что про любовь немого к «учителке». Гоша знал об этом, но чем больше он чувствовал насмешливых взглядов «прилипавших» к его спине, когда он оказывался на деревенских улицах, тем упорнее искал встреч с Любой. Тайга не любит слабых - не духовно, не физически. Почувствовав у кого-то из односельчан слабину в характере – люди произвольно начинали подтрунивать и посмеиваться над таким человеком, записав его в разряд неполноценных. Гоша, несмотря свою немоту, был всё же своим: его уважали за силу, за самостоятельность, за то, как он, по всем местным правилам, выстаивал свои взаимоотношения с тайгой.

Другое дело Люба. Мало того, что она не могла постоять за себя в принятом смысле слова в этих местах, она ещё огород «не садила», в лес по грибы и ягоды не ходила и, вообще, была непонятной – чужой. В голове селян не укладывалось, как это можно питаться только из магазина, когда под боком целая тайга. Не ленись и всё будет! Гоша видел это отчуждение, в нём и была истинная причина того, что за Любу никто до сих пор не вступился: трусливому Корнею достаточно было какой-нибудь взрослой женщине издали пальцем погрозить «Нельзя, не по-людски это!» и он, поджав хвост, забыл бы в какой стороне её дом. Но она была не своя, не такая как все, а значит – поделом! Гоша, заступившись за Любу, пошёл наперекор людскому мнению, бросил вызов сложившимся нравам и, по идее, должен был быть наказан.

Но... Удивительное дело! Кремневые таежники, с презрением относящиеся к излишней сентиментальности, вдруг простили ему эту душевную слабость...

Может быть, потому что «свой». Может быть, потому что устыдились своей черствости. Может быть, потому что, по-своему, гордились великодушием парня. Может быть, потому что искренне желали, чтобы и «их Гоша» обрёл-таки своё семейное счастье. Так или иначе, но теперь мимо Гоши, не поздоровавшись не проходил ни один из сельчан. И это, само по себе, уже говорило о многом. Раньше такое случалось слишком часто... Даже деревенские девки, которые раньше обегали его за версту, стали игриво при встречах заглядывать к нему в глаза, отчего Гоша, не привыкший к женскому вниманию, страшно терялся при встрече с ними. А соседка, продавщица Клавка, молодая шустрая вдовица, недавно оставшаяся без мужика по «милости» хозяина тайги, после удачно сделанных Гошей покупок, просто не давала ему проходу. Не успевал он появиться во дворе, как его настигал звонкий голос Клаши. А уж сколько раз на неделе она умудрялась прибегать «за солью», конечно, когда бабки Аксиньи почему-то не было дома, - этого просто и сосчитать трудно...

А Гошу с каждым днем всё безумнее тянуло к Любе, И вот в один из октябрьских дней, заготовив Любе дров, он решил остаться и подождать её. Поднявшись на крыльцо, он легонько толкнул дверь. Распахнувшись, она приоткрыла заветный мирок девушки. Вынужденный молчать, Гоша, острее, чем обычные люди, воспринимал все окружающие его предметы. Они рассказывали ему гораздо больше, чем мог бы рассказать самый разговорчивый собеседник.

Вот, например, идеальная чистота и порядок в жилище, аккуратное, но слишком старенькие пальтецо, портфель с починённой ручкой, сапожки со стёртыми до крайности носками и каблуками - всё это говорило красноречиво само, за себя о сосредоточенном одиночестве и крайней нужде девушки. А вот некрасивый одноглазый кот, лениво развалившийся на остывшей печке, вблизи которого

«мыши пешком ходят», а он и ухом не ведёт, мог растолковать не каждому, что квартирует он здесь по причине исключительно доброго сердца хозяйки, а не из практических каких-то её соображений. Или те же книги... Гоша хоть и был малограмотным, по современным понятиям, но читать очень любил, и знал наперечёт все, имевшиеся в наличии книги в местной библиотеке! Поэтому, увидев среди учебников, которые были необходимые девушке по работе, собрание сочинений Александра Грина, сразу же понял, что Люба девушка впечатлительная, с воображением. Даже заброшенное вязание, лежащие на подоконнике, рассказало Гоше о том, что мысли девушки в последнее время заняты чем-то более важным, чем неоконченная работа.

Вдруг, его немудреные размышления спутались, как нитки распустившегося клубка с пряжей. Парень почувствовал, что Люба где-то рядом. Он уже пожалел, что так своевольно проник в её, по традиции селян, не запертое жильё... От душевного напряжения Гоша даже встал. И сразу же услышал тревожные шаги на крыльце. Открылась дверь, и глаза Гоши ослепил свет лица девушки, словно он вышел из тёмной пади на косогор и встретился лицом к лицу с солнцем. Несколько мгновений, которые показались Гоше вечностью, они в оцепенении смотрели друг на друга. Потом девушка побледнела, так что не стало видно даже веснушек на её лице, тихо ойкнула и, отпрянув, прислонилась к косяку дверей. Гоша и так не ожидавший ничего хорошего от своей затеи, видя, что девушка испугалась его, как диковинного зверя, со слезами на глазах, выскочил из комнаты...

Когда рано утром Гоша отправился в своё зимовье, мама вышла проводить его. Это было не принято у них в семье, да и в селе тоже – почему-то считалось плохой приметой... Поэтому он, вначале недовольно взглянул на неё, но тут же, смягчился и виновато подошёл к матери.

Ей уже шёл девятый десяток, но Гоша никогда не видел её спокойно сидящей на месте. Хотя всю трудную работу он старался сделать сам, она всегда находила себе какое-нибудь заделье, и бесконечно была рада своей немудреной работе: начесать шерсти, спрясть нитки, связать носки; откатать ягоду и сварить из неё варенье; вымочить грузди и засолить их; сшить шапку или душегрейку из выделанной шкурки и прочее, что удавалось сделать особенно хорошо только ей одной в их небольшой семье.

Тронутый вниманием, Гоша нежно смотрел на лицо матери, покрытое паутинкой мелких морщинок. Её карие глаза и но сей день не

потеряли своего утреннего цвета. Выцветшие обветренные губы не казались уродливой гримасой старухи. А белый пух седых волос был аккуратно побран под платок, надетый в этот утренний ранний час невесть по какому случаю...

- В добрый путь, сынок... До свидания, хороший мой... Бог тебе в помощь... - задумчиво сказала она, перекрестив щепоткою своих пальцев широкую грудь сына. Она, вдруг, ощутила себя перед ним, как былинка-травинка, подле смолистого кудрявого кедра, в руках которого запросто, рядом, живут птицы и звёзды, люди и ангелы.

Повернувшись к матери спиной, Гоша зашагал по направлению к лесу. Перед тем как углубиться в тайгу, он остановился и повернулся. Мама стояла всё на том же месте и махала ему рукой... Лица её уже он видеть не мог. Но он почему-то так живо представил её грустные глаза, что ему нестерпимо захотелось повернуть назад, побежать к маме, прижаться щекой к её волосам... Но, пересилив себя, он лишь махнул шапкой ей в ответ и быстро пошёл по тропе...

Зимовьё его встретило угрюмой сыростью. Даже причудливые деревянные фигурки выглядели как-то по-особому недружелюбно. Он поймал себя на мысли, что большинство из них невесёлые герои.

Вот маска какого-то чудища, скорее напоминавшая таёжного бурятского сурового духа, нежели человека. Или любимая его русалка, выстроганная из плавуна, выловленного им весной из Рысьёвки – чем не коварная обольстительница? Кстати, кажется, чем-то похожая на Клаву... А гордость коллекции – кресло, вырубленное из цельного лиственничного пня и вовсе какое-то демоническое ложе, которое обвивают, ползущие прямо из-под земли змеи...

«Как же этого всего я раньше не замечал? - удивлённо подумал Гоша. – Если кто-то из посторонних, да ещё без меня, забредёт в моё зимовьё? Как пить дать, подумает, что здесь нечистая сила поселилась! Может быть, кто-нибудь уже и забредал... Не зря же меня лешим кличут... А если бы Люба всё это моё, так сказать, «творчество» увидела?»

Чтобы как-то рассеять тьму, сгущавшуюся в душе вместе с таёжными сумерками, Гоша, чиркнув спичкой, зажёл свечу, затопил «буржуйку», поставил на плиту котелок с водой. Зимовьё ожило. Блики пламени от свечи, поддувала и дверцы печи заплясали по стенам и потолку, порождая другое пространственное измерение, в котором царил театр теней.

Режиссёром и актёром в нём было тело Гоши, которое жило в этой действительности отдельно от хозяина и, само того не подозревая,

перемещало персонажи-предметы в пространстве, манипулируя их свето-теневым взаимодействием.

Сам Гоша был зрителем. И для него как для зрителя успех спектакля во многом зависел, во-первых, от того насколько быстро в зимовье станет тепло. Во-вторых, насколько оно будет насыщено запахами горящих поленьев, сушёных трав, заваренного чая, первого снега, мокрой листвы, полевых цветов, грибов, ягод... То есть, теми сезонными пахучими нотками тайги и жилья, неслышное звучание которых приводит душу в гармоничное умиротворение, а разум в состояние подсознательного покоя.

В этот раз Гоша заварил чай с сахан-далёй, он стал пить его маленькими глотками, вприкуску с сахаром-рафинадом. Потом ему захотелось сесть в своё, до сегодняшнего дня, любимое кресло. Но как-то неуверенно, потоптавшись перед ним, он решительно направился к лежанке и блаженно распластался на полатях, застеленных медвежьей шкурой – одним из первых серьёзных его охотничьих трофеев. И то ли благодаря таёжной травке, то ли окутавшему его тело теплу, мало по малу, в его сознании начало наступать прояснение и спокойствие. Бездумно прислушиваясь к монотонному голосу трещавших в печи дров, к всхлипывающему о чём-то за окном ветру, к близким и дальним таёжным шорохам и поскрипываниям, Гоша, прикрыл глаза, дыхание его стало ровным, и он уснул.

Ночью ему приснился страшный сон, как будто бы он заблудился в чужой тайге. Гоша кружил по её распадкам, залазил на самые высокие деревья, разбил в кровь колени, разодрал локти и одежду, но, как заколдованный всё равно выходил на одно и тоже место – к пещере, из которой доносились грозное медвежье рычание, стоны и стенания людей. При виде открытой пасти пещеры у него начинали бегать мурашки по телу, так как будто кто-то под рубашку высыпал целый муравейник. Он срывался с места, бежал прочь, искал тропинку к своему селу... И как будто бы находил её... Бежал, спотыкаясь и падая по ней, но всё повторялось вновь – ноги его сами выносили к пещере.... И вот когда он, после очередного круга сделанного по тайге, обессиленный упал в мох, ему вдруг, среди шума ругающихся с ветром деревьев, послышался далёкий голос мамы:

- Сыно-о-ок, где ты!? Ау-у-у!

Голос доноситься из глубины тайги. Он старался сосредоточиться на этих звуках. Но ему жутко было повернуться спиной к пещере. Разрываясь, между страхом перед бездной и неопределимым желанием

повернуться на голос мамы, он отчаянно, куда в глубь себя, пронзительно крикнул:

- Ау-у-у! Ма-а-ма!

Только во сне он забывал, о том, что немой. Так человеку, придавленному грузом земных забот, чудится в сновидениях, что он летает. Так слепому сняться цветные сны. Вот и сейчас Гоша, судорожно хватая ртом, прохладный настоящий на хвое воздух, вновь и вновь, разрывая с трудом узлы своих связок, выбрасывал в этот, то ли белый, то ли чёрный свет - своё сердце. Его голос был подобен отчаянному крику, внезапно ослепнувшей птицы и, одновременно, радостным, как бывает радостной речка, которая, грохоча, сбрасывает оковы льдин по весне со своего сияющего тела. Вслед за первым заветным словом «мама» из его, настрадавшегося от молчания естества, вылетали всё новые и новые, давно созревшие в душе, слова. Они заполняли пространство тайги ветром, солнцем, дурманящим запахом цветущей черёмухи, багульника, нагретой солнцем сосновой хвои, свежескошенной травы... Эти слова бушевали цветастыми переливами радуг... Ими можно было как переспелой брусникой или черникой испачкать рубашку и тело... Ими хотелось говорить как дышать, а тьму превращать в свет!

Опьянённый, проснувшись голосом, Гоша увидел и услышал совсем другую тайгу. Пещера оказалась озером, рёв медведя – брачной песней изюбра, стоны людей – песнями, стенания – сокровенными ночными разговорами влюблённых и философов.

И вот он входит в сияющий этот праздник, оживших в нём звуков... И чувствует как его подхватывает и несёт волна, подобно упавшей с неба дождевой капле в стремительный поток реки... И, постепенно, из частицы, он превращается в целое - в этот, неправдоподобно бесконечный, мир! Он становится – движением, цветом, запахом, звуком... Что же ты есть такое Земля, Вселенная, жизнь?!

- Гоша, вставай... Сынок, надо идти жить... - раздался тихий, откуда-то из детства и, одновременно, совсем рядом голос мамы. И он, вдруг, понимает, что он спал, а значит, он, по-прежнему, немой... Слёзы брызнули из глаз прямо в ладони мамы, которые, пахнущие землей и солнцем, он увидел прямо перед своими глазами... Гоша встаёт и идёт покорно то за мамой, то навстречу ей... Её лицо, точнее глаза (карие с искоркой лукавства), снова и снова встречают его... Подсознательно он понимает, что мама какая-то не такая как всегда... Одновременно близкая, понятная и далёкая, незнакомая... Но! Он чувствует запах её волос пахнущих лесной смородиной и черемшой, запах рук, которые источают запах хозяйственного мыла и свежeweыстиранного белья. Он видит её позолоченную солнцем на щеках кожу и обыгавшие на ветру губы, таящие в своих уголках добрую приветливую улыбку...

«Мама встречает меня – значит всё будет хорошо!» - почему-то неожиданно подумалось ему.

- Как красиво звучал твой голос!

- Мама, ты слышала, слышала!? Так это было не во сне?! Правда?

- Конечно, правда... Я всегда слышала тебя... А ты не верил... Ты просто молчал, чтобы лучше уметь слушать, чтобы побольше скопить в себе звуков... Не спеши разбрасываться словами... Как много на свете людей, голос которых вибрирует, но не звучит, а слова как мыльные пузыри лопаются, только коснувшись слуха другого человека... Но это потом... Потом поймёшь... А пока мы пришли...

Гоша видит перед собой, взявшийся как-будто ниоткуда, только что срубленный дом из тёсаных брёвен, ещё пахнущих непросушенной древесиной и опилками.

- Спасибо, что попроведали...

«Разве мы не одни? О ком это она?» - подумал Гоша, напряженно вглядываясь в пустые, без занавесок и цветов на подоконниках, глазницы окон дома, от которого веяло каким-то пронзительным холодом...

Мама, прочитав его мысли, потрепала Гошу за кудри и шепнула на ухо:

- Чудной! Неужто и взаправду думаешь, что можно от судьбы уйти!? Глянь-ка мне в глаза!

Да - да... - Глаза!? Вдруг Гоша понимает, что это глаза вовсе не мамы, а совсем другой женщины, но такие же понятные и понятливые...

«Ну-да, конечно. Как это я не догадался – это же Любины глаза...», снова подумал про себя Гоша.

- Ну, вот теперь я спокойна.... Учись с Любашей говорить... - послышался откуда-то со стороны, в отдалении, голос мамы.

Гоша хотел повернуться на её голос, но, как привороженный, не мог оторвать глаз от глаз Любы, которая нежно смотрела на парня.

«Почему она молчит!? – вдруг тревожная мысль резанула его сознание. – Она, что тоже – немая!?».

- Что ты, разве так бывает, чтоб человек был немым?! – на только ещё замысленный его вопрос, вслух ответила, улыбнувшись, девушка.

– Тот, кто умеет слушать ветер – становится ветром... Тот, кто умеет слышать небо – становится небом... Тот, кто разговаривает со звёздами, тот сам становится звёздой... Ты готов слушать, слышать и разговаривать со мной?

- Да! – произнёс Гоша, удивившись, как он это легко и просто сделал.

- Вот и ладно, дети мои... - послышался голос мамы.

Гоша и Люба повернулись в сторону удаляющегося голоса мамы. Она стояла на пороге дома, который от влюбленных был уже на значительном расстоянии. У Гоши защемило сердце, он рванулся в её

сторону, но какая-то неведомая сила не позволила ему стронуться даже с места: ноги как-будто в землю корнями проросли.

- Нет... Этот дом теперь только мой. А вы, пока, в нашем поживите, вам ещё рано свой строить...

Гоша вдруг отчётливо понял, что теряет её.

- Ма-ма-а-а! - что есть силы, закричал Гоша и ... проснулся.

... Прямо перед ним сидел испуганный бурундук Васька. Видимо, он проснулся от громких Гошиных вздохов, и теперь удивленно смотрел на хозяина. Гоша не почувствовал обычного облегчения после кошмарного сновидения. Явь ему показалась лишь страшным продолжением сна. На улице была гроза. Ветер рвал с деревьев охапки последние листья, гнул непокорные лесины, и целые потоки холодного ливня, обрушились на худые плечи осинок и берёзок, толпившихся в беспорядке на островке. Гоше, одержимому неясной тревогой, нестерпимо захотелось домой. И он, одевшись наспех, забыв даже ружье и патронташ, почти бегом, устремился в сторону посёлка. Деревья расступались перед ним. Дождь охлаждал горячее от ходьбы тело. Ветер дул в спину. Он то и дело, подхватывал и переносил его через кочки, колдобины, повалившееся стволы - и уже к полудню Гоша был в деревне...

Аксинья умерла под утро. Придя, с вечера, к давнишней своей подруге Наталье, она тихо сказала:

- Вот, подруженька, пришла... Пора собираться в путь...

- Не раненько ли, девонька, засобиралась,- тоже спокойно спросила Наталья, внимательно поглядев в потухающие глаза подруги.

- Нет, в самый раз...

Взяв толстую старинную церковную книгу и пачку давно приготовленных на этот случай тоненьких свечей, они, поддерживая друг дружку, пошли неспешно к избе Аксиньи.

Весть о том, что Акси́нья решила «убраться», быстро облетела село. И уже ночью у постели отходившей Акси́ньи сидело с десяток таких же, как она старушонок. Задумчивые, с торжественно-суровыми лицами, они, как чёрные изваяния, застыли у бревенчатой стены комнаты, в которой расположилась отходящая. Лишь только по их частым негромким вздохам, да по крестообразным мельканием старушечьих рук, можно было понять, что это еще живые люди. Несмотря на открытые двери и окна, в избе было душно и даже смрадно: пахло жжёным воском, человеческими телами, сукном пересыпанным нафталином...

Акси́нья лежала с открытыми глазами, положив руки на грудь, которая, как и её лицо, были совершенно неподвижны, от чего создавалось впечатление, что она уже в другом мире. Рядом, с правой стороны от тела Акси́ньи, стояла Наталья. Перед ней, на небольшой подставке, лежала большая, раскрытая церковная книга. Она, почти не заглядывая в неё, читала монотонным голосом, очевидно, какую-то молитву на древнеславянском языке. Мерцание свечей, темный лик Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом на руках в углу комнаты, плотно зашторенные окна, создавали впечатление нереальности происходящего.

Такую картину застала Люба, когда узнав печальную весть, пришла попрощаться с «бабушкой Акси́ньей». Увидав Любашу, Акси́нья пальцем позвала её к себе. Девушка заробела, но всё же, слегка подталкиваемая кем-то из старушек, подошла к бабушке Акси́нье.

- Ты, сердешная, сделай последнюю милость моей старости - распорядись-ка здесь без меня. Люди помогут... – устало, но внятно прошептала она.

Девушка видела, что она хотела ещё сказать что-то, но вдруг закрыла глаза и замолкла. Люба, стояла и ждала, что она откроет глаза и договорит. Кто-то отвёл её в сторонку. Бабки, негромко, как показалось Любаше, скорее из приличия, запричитали. И тут только девушка в полной мере ощутила, что произошло... У неё закружилась голова. Но чьи-то заботливые руки вывели её в сени, ласково приговаривая:

- Ничего родная, всё образумится, всё уладится: живым - живое... Девушка оцепенело смотрела в одну точку и, сжав кулачки на груди, долго молча стояла на крыльце, до тех пор пока не пришли бабы помоложе и не обратились к ней :

- Ну, хозяйка, показывай, где чё! - пора готовиться соблюсти обряд.

Люба плохо понимала, почему с подобными вопросами обращаются к ней. Но, не почувствовав в голосе их не малейшей иронии, и зная, по старой памяти, где и что хранилось у Акси́ньи, - показала всё, что их интересовало. Завороженная серьезностью всего

происходящего, девушка начала добросовестно выполнять свалившиеся на неё обязанности. Собственно говоря, люди и так всё хорошо знали, что они должны делать в таких случаях. Они действовали четко и слаженно, как давно слаженный механизм. Со стороны могло показаться, что все они очень близкие родственники. Перед лицом свершившейся смерти были сразу забыты все давние ссоры и обиды. Каждый обращался с ближним особенно бережно, словно, вдруг вспомнив, что все они на этой земле сравнительно не надолго... Всё это она осмыслила позже. А тогда, захваченная хозяйскими хлопотами, Любаша не могла позволить себе даже минутного удивления, испытывая необъяснимое чувство долга перед умершей и людьми.

В полдень из тайги пришёл Гоша. Промокший и измученный, он долго стоял у двери, не решаясь пройти в дом. С помощью двух старушек, словно оцепеневший, он сделал несколько нужных шагов и встал на колени перед последним ложем мамы. Только теперь Любаша сумела по-настоящему разглядеть его лицо. Бледное, с намокшей шапкой волос, с резким очертанием ястребиного носа, оно действительно казалось суровым. Но глаза... Больше голубые глаза немого, излучали такую тихую грусть, на которую могут быть способны только очень добрые люди.

Он не плакал. Что слезы человека, когда за окном стонал ветер, рыдали тучи и, помутневшая Рысьёвка, как щепки несла на своей тёмной спине, огромные тела деревьев, дико рыча на всю округу пенистыми ртами своих порогов. После такой скорби природы любые человеческие слёзы казались глупыми, ненужными и притворными.

Гоша неподвижно глядел в лицо матери. Казалось, что он не понимал произошедшего и, сидя у её изголовья, просто ждал, что мама вот-вот проснётся... Два дня и две ночи он не ел, не пил, не спал и вообще не выказывал никакого интереса к окружающему его миру, как будто тот вовсе перестал отныне существовать.

Любашин взгляд всё чаще и чаще останавливался на Гоше. Приглядываясь к нему, она, постепенно, начала понимать, что неотёсанность его внешности – плод воображения селян, которые как раз, возможно, и не могли понять или простить его за то, что он был чем-то не похож на них. Так бывает, когда в гнезде какой-нибудь птицы вылупляется из яйца кукушонок, подложенный кукушкой в чужое гнездо. Или в большой простой семье рождается ребёнок, который похож на

представителя, какой-то родовой ветви, давно прекратившей своё существование. Внешне такой ребёнок похож на своих сестёр и братьев, но образ мыслей и поведение, помимо его воли, иные.

С материнской радостью, «поддаваясь» наставлением деревенских женщин, она подходила несколько раз к нему, пытаясь увести его отдохнуть или перекусить. И несколько раз, даже не замеченная им, со слезами на глазах, была вынуждена вернуться на кухню одна. Её переполняла жалость...

На третий день всё было кончено. Присутствие Аксиньи на земле было отмечено черным крестом и бугорком бурой земли под плакучей ивой, которую задолго до смерти присмотрела покойница на деревенском кладбище. Поминки организовали «сообща» - вскладчину. Длились они до самой глубокой ночи. Наблюдая за происходящим обрядом, Люба открыла для себя, что все сельские по-своему любили эту тихую, как они говорили, «сердечную» старушонку, больше чем кого-либо на селе. Была вспомнута вся её жизнь сызмальства, на протяжении которой она никому не сделала зла, хотя именно её-то судьба особенно не миловала.

Гоши на поминках не было. Сразу после похорон он ушёл в тайгу. Останавливать его никто не стал: значит, так душе было его надобно... Любе такое безучастие к нему было не по душе. Незаметно для себя она нервничала, гремела посудой, не сразу отвечала на вопросы приходивших за разными советами людей. Ей казалось, что она одна помнит о том, что парень не ел, не спал вот уже третьи сутки, что никому нет дела до человека, которому смерть Аксиньи была равносильна собственной смерти.

Утром, покончив, наконец, с грязной посудой, Любаша и ещё несколько молодых женщин, прикрыв осиротелую избу, пошли по домам.

Дома, несмотря на валившую её с ног усталость, она долго ворочалась в своей стылой постели, не в силах уснуть. Она представляла Гошу где-то в тайге ночью одного. Разве справедливо в такие минуты быть одному?! Кому, как ни ей, были это понятно. Ведь ещё недавно, обманутая и покинутая, она осталась на таком же островке одиночества и отчаяния. Ещё долго билась Любаша в круговороте подобных рассуждений, но усталость сделала своё дело: глаза её закрылись, щеки порозовели, а дыхание сделалось ровным и глубоким.

С кладбища ноги сами понесли Гошу в тайгу. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы подальше от дома, где каждый предмет напоминал о матери, где его ждало немое и глухое одиночество. Очень скоро, как ему показались, он вышел к зимовью.

Выл поздний вечер. Лес уже третьи сутки, боровшийся с дождём, что-то устало бормотал поникшею листвой. Луна - обуглившееся солнце, запутавшись в лапах кедрача, грустно смотрела на землю. Изредка в болотной трясине вздыхал водяной, да где-то вдали, тревожно, как уключина старой лодки, поскрипывало на ветру сухостойное дерево.

Но он всего этого не слышал. Пустота, которая его заполнила и заволокла, плотно прикрывала своими холодными руками его уши и глаза. Не раздеваясь, он рухнул на полати и мгновенно уснул...

Спал, кажется, целую вечность. Проснулся совершенно бодрым и свежим. Напившись из ручья, сел на близь лежащую колдобину. Огляделся вокруг. На небе всё так же радовалось жизни только что родившееся солнце. У самых ног Гоши, заглядывая в его глаза, копошился бурундук Васька, который явно был не прочь благосклонно принять из рук хозяина какую-нибудь вкусную подачку. На островке был какой-то особый торжественный осенний покой: ни звона комаров, ни щебетания птиц, только один пронзительный, умопомрачительный запах болотного багульника, да шелест тихо падающих на мох листьев берёз и осин.

Гоше вдруг показалось, что всё это: похороны, кладбище, старухи в чёрном, молитвы, мерцание свечей - не более, как страшный, кошмарный сон. Захотелось мучительно домой, увидеть маму. Не задумываясь о нелепости своего предложения, он поспешно пошёл навстречу восходящему солнцу. Оно слепило его глаза, поэтому, идя по тропе почти вслепую, он «собрал» своим лицом все попавшиеся ему на пути паутинки. Жёлтые листья, обдираясь с цапучих веток, перемешивались с его русыми волосами, и, вместе с серебристыми вкраплениями паутины, к концу пути создали на его голове совершенно сказочный головной убор. Осыпанный хвойными иголками и перепачканный берестой, он, наконец, выбрался из густого леса...

Солнце коснулось его лица упругой тёплой волной. Вздохнув глубже, он приоткрыл глаза и посмотрел в сторону родного дома, стоящего на краю села... Там за забором, сделанного из тёсаных брёвен, положенных в пазы столбов с зазором (что б ветерком продувало!), мелькал хорошо знакомый платок мамы! Как птица, взмахнув руками, он бегом бросился к родному гнезду. Распахнул калитку и увидел во дворе ... Любашу. Она, подоткнув полы длинного платья за пояс, мыла порыжевшее крыльцо. Почувствовав его взгляд, повернулась и виновато взглянула на сникшего Гошу. Он, несмотря на свой двухметровый рост, показался её маленьким мальчиком, которого горько и незаслуженно обидели. Чтобы хоть как-то утешить его, Люба подошла к нему и, молча, положила на его грудь свою пушистую голову - глаза Гоши оттаяли...

Сказывают, что зима в тот год была снежная. А весной необычно рано на лесных полянах проклюнулись подснежники. Лишь только отроги Саянских гор запламенели алыми жарками, у Гоши с Любой родилась девочка, которую они назвали Ксюшей. Потом зацвела черёмуха... А вскоре лесные саранки и желтые лилии... Эти цветы Гоша приносил для Любы домой охапками через день... Ксюша изумленно смотрела из люльки на копошащуюся в букете полевых цветов пчелу. Счастливые родители восторженно следили за каждым движением кареглазой девчушки. Общий любимец – любашин кот, разомлев лежал на печке и, прищутив свой единственный глаз, глядя на людей мудро думал: «Ох, и здорово же жить на белом свете!»

1982 г.

НОВЫЕ СИБИРСКИЕ БАЙКИ



*«Глупость – это ни есть отсутствие ума,
это – особая культура, и она культивируется...»*

*«Организованные новыми средствами,
умело манипулируемые огромные массы людей,
порой даже не подозревают о том,
в каких социальных спектаклях они фигурируют ...
Сейчас в мире осуществляется
организованное оглушение широких слоёв населения...
Свет разума, рождённый западноевропейской цивилизацией,
погружается во тьму...»*

Александр Зиновьев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вы будете смеяться, уважаемый читатель, но «Современные сибирские байки», «Стихоплетение» и «Из записной книжки» Иоанна Бубликова были найдены одним из горожан небольшого сибирского городка Иркутской области – на помойке! Эти, так называемые его «литературные произведения» были записаны в небольшом блокноте, почему-то печатными буквами. Самая важная их примечательность, конечно, помимо сомнительных литературных достоинств, - обилие орфографических ошибок...

Этот факт, как исторический, даже зафиксирован в одной из литературных страниц популярной в городе газеты... Кстати, эта тематическая страница имеет (клянусь!) соответствующие, «бубликовское», название - «Пупы земли».

В ней была, вкратце, описана выше изложенная история, а так же некоторые из опусов стихоплётства Иоанна Бубликова.

Но суть не в этом... Мне показалось не безынтересным издать «произведения» Иоанна Бубликова, потому что они написаны таким языком, на котором непосредственно общалось и, отчасти, общается до сих пор большая часть сибиряков, проживающих в небольших сёлах, посёлках и городах Иркутской области.

Это – не пасквиль, а иллюстрация ко времени и людям, дышащим его стихией. И ещё... Это – хорошая возможность, для здравствующих физически и духовно, взглянуть на себя со стороны. Конечно, это не всегда приятно, но забавно и поучительно...

Автор

БАНЯ ПО-РУССКИ

Намедни мы с друзьями посмотрели передачу по центральному телевидению о том, как правильно русскую баню сварганить. Чтоб все по правилам: веники чтоб дубовые, квас хлебный, шапки белые суконные и всё такое. - Загорелись! А чем мы хуже?!

Бани в нашем городке, слава Богу, почитай, во дворе каждого частного дома имеются, в том числе и у Петрухи, одного из наших гражданских однополчан супротив женского рода. Короче, у мужика своего в доску!

Решено – сделано! Говорим женам: «У нас эксперимент. Решили культурно отдохнуть. По всем правилам: баня, хлебный квас, духан соответствующий!»

Они хотели было возразить, но мы их к стенке прижали: «А иначе, как всегда нарежемся ... в карты и никакой романтики!» Эксперимент, есть эксперимент – отпустили. Тем более, что всё по культурному!

Готовились всю неделю. Ну, веников дубовых раздобыть не удалось: не растут, мать твою за ногу, в Сибири! Зато, чтоб окончательно не опуститься до березовых, раздобыли вересковых. Растение, говорят, сибирское, но, подстать случаю – экзотическое... Хлебный квас сразу решили благоразумно заменить «хлебным» пивом. Легким. «Губернаторское» называется. Шапки, верхонки имелись в наличии у каждого. На дрова берёзовые разорился Петруха. Ему же поручено было и баню истопить, так как мы, выросшие в «хрущёвках», об этой процедуре имели нереально смутные представления.

В субботу, к вечеру, как уговорено, собрались на остановке, которая в нашем городе называется «Магистральная». Трезвые. Почти все, потому как Илья, подозрительно щелкал семечки. На наш вопрос о том, соблюл ли он договор-закон, он утвердительно-уклончиво ответил:

- Что я падла какая!? Не в одном глазу! – и тут же зачем-то попытался сесть в один из проходящих трамваев, идущих явно в противоположную сторону нашего пункта назначения.

Ну, это детали... Баня и культурный отдых нас уже ожидал, поэтому, чтоб не терять драгоценного времени, мы припустили рысцой куда-то в сторону посёлка Каркасного. Добрались бы быстрее, да упаковки с пивом больно били по ногам, тормозя передвижение, по пересеченной местности частного сектора.

Однако, пришли всё-таки... Перед тем, как предаться культурному отдыху непонарошку, я заглянул в помещение, где должны были происходить основные события. И сразу захлопнул дверь, потому что мне показалось, что я голову засунул в паровозную топку. «Ого!» - подумал я про себя. Но вслух, чтоб не смущать народ, оптимистично произнес:

- Ништяк! Как на Канарах!.

Компания, дружно жужжа, располагалась тем временем в предбаннике. Инструктаж проводил Петруха. Я его слушал рассеянно, соображая, как ненароком пропустить «первый пар». В итоге, перед заходом в парную, просто как бы замешкался...

Когда дверь, как крышка гроба, захлопнулась за мужиками, по ту её сторону наступила угнетающая тишина. Слышу, пыхтят. Но никто не выскакивает... Первому – запахло, потому как у каждого имеется мужская гордость. Кряхтят, но терпят. Я открыл бутылку пива, легонько прихлебываю. Жду результата....

Слышу голос: «Щас поддам! Головы пригните. А потом раздался такой звук, будто кто-то из холостого патрона выстрелил. Но, видимо, все равно попал, потому что раздалось короткое «Ой!». Я, на всякий случай, дверь ногой подпёр. – Отдыхать культурно, так отдыхать! И не зря: чувствую толчки. Сопение. Потом всё затихло. И вдруг снова, явно Петрухин, голос:

- Я еще маненичко....

А в ответ мужики хором:

- Я тебе!... - дальше некультурно, поэтому пропускаю.

Слышу, как будто бы лавина с гор спускается. Ну, я же не изверг – открыл дверь. Рожи у народа красные, пот хлещет. Глаза безумные. Каждый по бутылке пива – в один глоток! Оттаяли. Даже повеселели. Иван, как-то резко протрезвев, спрашивает: «Что это было?».

- Первый пар! – беспечно отвечает Петруха.

Я размышляю, опять-таки на всякий случай про себя: «Если это был первый пар, что же будет после второго?!». Решил прикинуться, что с животом неладное происходит. Не поверили...

В общем, второй заход зачинал я. Забился в самый дальний угол полка. Боюсь пошевелиться. Сосредотачиваюсь. А Петруха, вражина:

- Ну, вот пора и париться! -. И замахнулся веником на себя. Но почему-то с полка попадали, как горох на пол, от этого его движения все остальные. А у меня будто кто-то одно место к доскам смолой приклеил – не шелохнусь.

Дальше помню смутно. Кажется, водой обливали, а, может быть, отливали. Пиво нас спасало. Но ненадолго: подозрительно быстро закончилось. И что удивительно! Казалось бы, плохо! – Прекращай экзекуцию! Но каждый выпендривается: «Мол, я могу выдержать и не такое!» Терпят, заразы, улыбаются через силу, подбадривают друг друга. Не компания здравомыслящих мужиков, а клуб идиотов!

Но насилие паром – «цветочки»! «Ягодками» оказалось понужание себя малоизвестным, хоть и сибирским, вересковым веником. После первого сеанса экзекуции с помощью этого растения, мне показалось, что моё тело от меня начало существовать отдельно... И жгло его так,

как будто занозами всё истыкано! А народ всё не унимался! Тогда я, так жалобно, взмолился:

- А можно мне, для храбрости, сто грамм!?

- А почему тебе одному? – резонно заметил Петруха.

Откуда-то взялась, запотевшая бутылка «русской». Дело пошло пошустрее. Ряды храбрецов множились прямо на глазах. Главное, все выпендриваться перестали. А если учесть, что после первых двух полулитров Петруха забыл подбрасывать дрова в печь то, можно сказать, что и вовсе хорошо было уже и без всякого культурного отдыха! Только как это «хорошо» мы помнили на утро смутно. Зато хорошо, видимо запомнили соседи, потому как, накатали на нас маляву в ментовку....

Из заявления соседей Петрухи участковому: «...С 19.00 на территории участка Зазывалова происходили странные события. В 20.00 на всю улицу Красных Каштанов раздались дикие крики неизвестного происхождения, всполошившие всех собак в округе. Впоследствии, около десятка людей мужской наружности, голые, исполняли какой-то ритуальный танец. В 22.00 один из членов этой команды, опять же голый, обняв печную трубу соседнего дома, пытался спеть арию, кажется из оперетты «Летучая мышь». Слова были неразборчивы, хотя собаки к этому времени уже все охрипли и исполнению арии мешать просто физически не могли».

Напоследок несколько слов от себя лично. Я, конечно, не знаю, что за растение этот вереск. Но... Эффект сногшибательный. В прямом и переносном смысле. Кстати, наши жены с этим вполне согласны. Поэтому культурный отдых нам теперь запрещен окончательно. И, честно говоря, слава Богу!

БЕЗ ПОНТОВ

Город, в котором произошли ниже описанные события, отличается в нашей губернии бандитско-политической независимостью и всегда считался кузницей журналистских кадров. В какое иркутское телевидение или газету не плюнь – везде выходцы из этого старинного сибирского городка. Молодые кадры не засиживаются в «отчем доме» - утекают в более высоко оплачиваемые и престижные места. И старожилам - не обидно, даже от этого гордость их жабры раздувает.

Но в последние годы наметилась такая же тенденция в этом городе и в другой ещё более древней профессии. Произошло это как-то незаметно, я бы даже сказал, исподтишка.

Наши кровные новые русские, почитай, аж с самого начала перестройки, не жалея сил и, главное, - денег – неустанно строили сауны по самым закромам углам города, бережно и заботливо выращивали обслуживающий персонал. И на тебе! Ограбили, можно сказать, посередь белого дня!

Первым забил тревогу Евграф Козловский - родоначальник этого бизнеса в данной вотчине, ныне всеми уважаемый и большой человек, депутат Законодательного собрания нашей губернии.

Как-то раз, возвратившись из очередной скучной командировки к родным пенатам, он не поспешил как обычно «до дому», а решил отдохнуть по старинке в укромном банном закутке исключительно один, но при помощи квалифицированного персонала, имеющего женскую наружность. Ну, там, полотенчико подать, в простыночку укутать, массажик сделать, кий подержать и т.п.

Узнав, что сам родоначальник этого бизнеса в нашем городе надумал «отдохнуть по старинке», весь банно-развлекательный сервис «встал на уши». Старались заманить его каждый к себе наперегонки. Дело, поговаривают, чуть было даже не дошло до локального конфликта местного разлива. По крайней мере, из источников недалёких от истины, стало известно как один из таких «инженеров человеческого тела» в запале, сорвав с себя нижнее бельё, кричал другому, подстать, специалисту:

- Ты чё, в натуре?! С каким товаром прёшь?! Разве ж у тебя массажистки?! Хочешь авторитет нашей профессии обрушить в глазах Петровича?! Человек, можно сказать, в кои века в родные пенаты, а ты его «шайкой по голове»?! Да, я тебя за него!!!

Специалист-конкурент, выпучив глаза, несколько секунд грозно раздувал щёки, а потом вдруг выпалил:

- Сам такой!

В общем, неизвестно чем бы это всё закончилось, если б Евграф Петрович не прервал их дискуссию, плавно переходящую в мордобой, короткой, но впечатляющей фразой:

- А давай-ка, братцы, всех сразу – сам разберусь!

Буквально через несколько минут в предбаннике стояло, как минимум рота «ночных бабочек», которых хозяева банно-развлекательной индустрии почему-то звали массажистками. Петрович бегло, намётанным глазом, осмотрел товар. Потом, негромко рыкнув, как лев попавший в капкан, опустил глаза и набычившимся взглядом начал сосредоточенно сверлить пол. Его лоснящаяся от пота шкура на спине и плечах медленно багровела, как камни в каменке, казалось, если сейчас на неё плеснуть из ковшика, она дохнёт на окружающих таким жаром, что не поздоровится. Повисла тревожная театральная пауза. В воздухе запахло скандалом. Затем Петрович в звенящей тишине, медленно-медленно, хрустнув от напряжения шейными позвонками, повернулся к горе-работодателям...

А ещё говорят, что люди не умеют взглядом двигать предметы! Оба-два инстинктивно, как по команде, один икнув с испугу, другой дрыгнув как-то неестественно ногой – пригвоздились к стене. Очевидцы говорят, что у братков из ушей от естественного волнения валил пар. Возможно, от этой предсмертной конвульсии у них начали последние мысли из головы испаряться.

А Козловский в этот раз был ещё лаконичнее:

- Во-о-он! – рявкнул изюбр некогда преступного, а теперь политического мира.

Вечер, начинавшийся у депутата так томно, был безнадежно испорчен. Впрочем, не только вечер и не только у депутата. А ещё кое-что из мебели и прочих мелочей в виде судьбы неудачно подсуевившихся предпринимателей.

Нестройная во всех отношениях толпа девушек, самой молодой из которых было уже явно за тридцать, устремилась мутным потоком к дверям, сметая на своём пути столы, стулья, барную стойку, «мамок», «папок», вместе с их охранниками и шоферами.

Наутро в офисе Петровича созвали экстренное совещание. В повестке дня был один вопрос: куда утекают молодые квалифицированные кадры из банно-развлекательного бизнеса родного города?

- Так ведь, это самое, - начал один из корифеев бизнеса, - Электричество и бензин – вон как подорожали! Опять же, никакой рекламы...

Расфуфыренная «мамка», нервно дёрнув своим сорокалетним кустодоевским плечом, решила бунтовать:

- А журналистам нравится! - пробасила она, загадочно выпучив глаза, прокуренным голосом.

Лучше б она этого не говорила... Её реплика произвела эффект взорвавшейся бомбы. Мирно начавшееся было собрание, вмиг превратилось в что-то наподобие заседания российской Государственной Думы, когда, например, В.Жириновский через плечо нейтральных депутатов, пытается заехать в глаз или оттащить за волосы оппонента просто за то, что у него есть своё, причём заметьте, иное, т.е. не совпадающее с ним, мнение. Всё произнесенное за короткий, но вербально емкий период, можно, поднатужившись, уместить в одно побудительного вида предложение: «А-а-а! Журналисты?! На-ха-ля-я-яву?!»

Один Петрович, обхватив голову руками, во время звучания этой какофонии, безмолвствовал. В этот момент он чем-то, неожиданно, напомнил присутствующим Алёнушку с известного полотна Васнецова, которая обнаружила своего брата Иванушку в облике традиционного козла.

- А кон-струк-тивнее... - негромко, но членораздельно проговорил он. Мгновенно наступила душераздирающая тишина.

- Да какой там! – отчаянно, можно сказать, пальцем в небо, выдохнул некий толстошей, известный в городе под кличкой Батон. – Да я за такие бабки, которые им платят на стороне, будь смазливой бабёнкой, ни то, что в Ангарск или Иркутск, на Колыму работать бы поехал и делал бы всё, что пожелает клиент прямо на голом снегу в 50-ти градусный мороз!

- Без понтов? – угрожающе спросил Козловский.

- Да, что б последний пивбар в городе закрылся! – хором подтвердили специалисты.

- Малую родину в обиду не дам... - сосредоточенно прошипел Козловский - Не для того мы разворовывали 20 лет Россию! Этот вопрос надо урегулировать на самом высоком уровне. Вступаю в партию, всё равно какую, лишь бы бабок и голосов избирателей хватило, и - двигаю в Государственную Думу. А вы пока думайте - кто и сколько может отстегнуть во имя спасения Отечества!!!

Раздались дружные аплодисменты.

«Вот так, очевидно, с отчаяния, с болью за Отечество, рождаются политические партии и их лидеры!» - подумала Сонька – привычным жестом расстегивая лифчик на своей спине, готовясь, во имя малой родины, исполнить свой гражданский долг с Петровичем по партийному заданию своего босса, находящегося в соседней комнате.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДОЯРКА

Некоторые маловерные говорят: «Байки – сказки про белого бычка, враль местная!?» - На-ка, выкуси! Народ он, того, ничего не придумывает. Всё как есть, из жизни берёт! Мало ли жизненных недоразумений с нами происходит каждый день?

Давеча, Марфута наша (между прочим, заслуженная доярка), сердечная такая женщина, отчубучила, так отчубучила...

Поехала она, значит, в город. Так, подкупить кое-чего по хозяйству, а то ведь в сельпо наших (по современному – бутиках), кроме сникерсов, пива и водяры – шаром покати: ничего пригодного для сельского человека нет. Попробуй, например, сыщи иголку цыганскую или литовку, не говоря уже о другом чём-нибудь порядочном!?

Ну, вот, бредёт Марфута Петровна по городу, увешанная сумками. Лето. Жара. Нелегко женщине трудового класса. И где-то, аккурат возле автостанции, глядит мужик в кустах лежит. На вид очень даже приличный и, что характерно, даже живой. Сжалилось бабье сердце: в деревне мужиков наперечет, а ей, вдове, это зрелище и вообще, как ножом по сердцу! Такое добро, можно сказать, на глазах, в кустах пропадает...

Ну, подняла сердечного. Он, конечно, «ни тяти, ни мамы». Но ногами мало-мало передвигать может. Куда тащить не знает. Горожане отнеслись к её затее весьма скептически, даже бабы... «Зажрались, видимо! - подумала негодуяще Петровна, - Вон, мужики даже по кустам так просто валяются!»

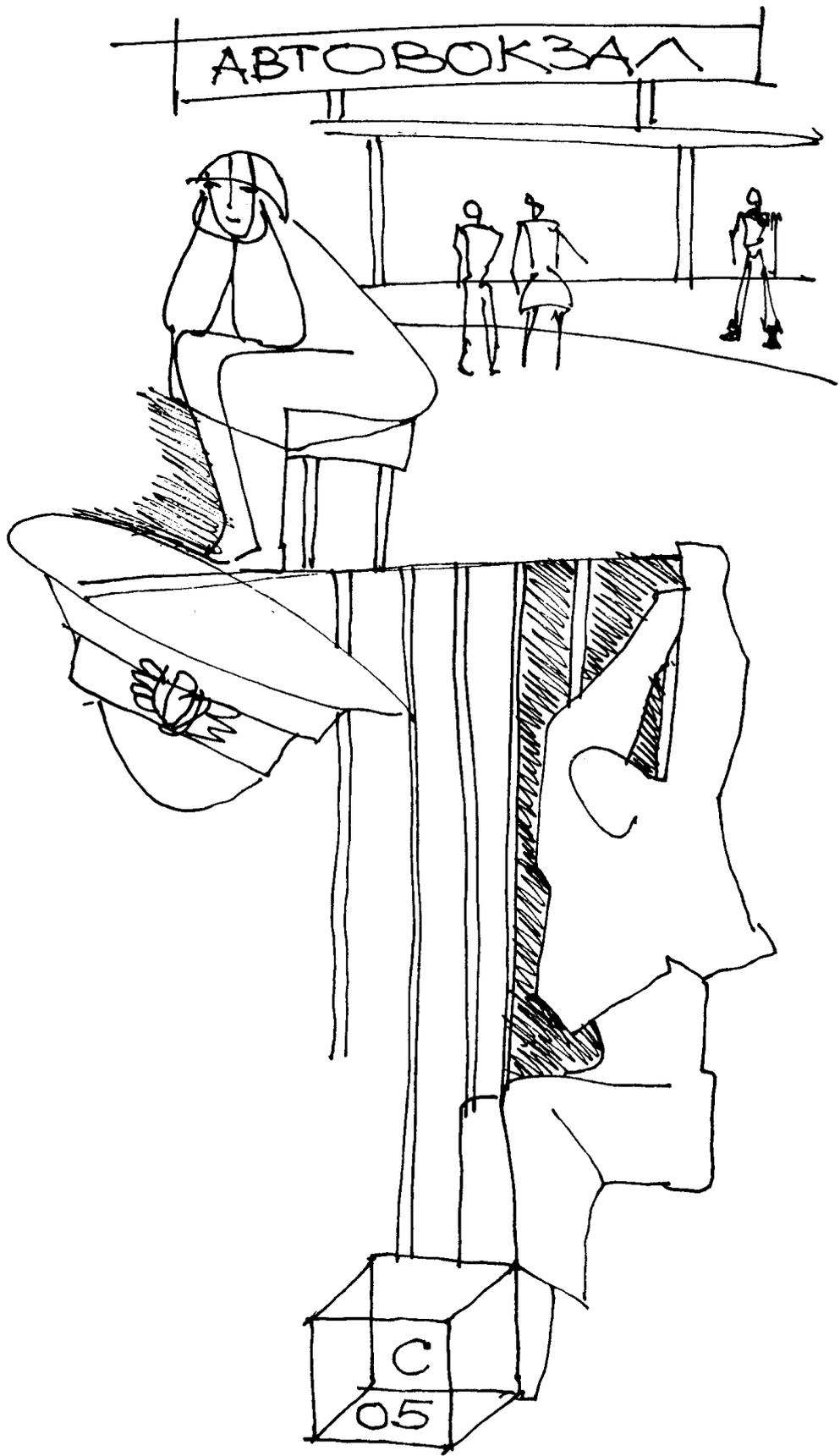
Кто-то подсказал, чтоб она прямёхонько в горотдел милиции его пёрла, поскольку он рядом. Рядом-то, рядом, но сил, заслуженный работник сельского хозяйства, потратила немало, пока втокнула-таки болезненного в дежурную часть.

Отдышалась маленько, и начала, уважаемому человеку в милицейской форме, объяснять, что к чему. Он сначала, даже не хотел глядеть в сторону «сладкой парочки». Но всё-таки глянул и насторожился... Начал пристальнее разглядывать Марфутину находку. Надо сказать, что лицо у пострадавшего было немножечко кем-то подпорчено и имело явно не товарный вид. «Наверное, знакомого встретил, - понимающе смекнула Марфута, - Ишь, как старается!».

А, уважаемый человек, действительно старался. Даже рубашку мужику на морду задрал. А там! – Цельная картинная галерея! Правда, вся синего цвета...Увидев это произведение искусства, он, почему-то радостно, заорал:

- Он! Как есть он! – Ванька-медвежатник! Бабуля, так тебе ж цены нет! Мы его, паскуду, всей областью уже полгода ищем! – и тычет пальцем в какую-ту бумаженцию с портретом, в которой прописано: «Разыскивается особо опасный преступник!».

Похолоднело в груди у Марфуты. Конфуз!



- Да, ты не бойся, родимая, мы тебя не засветим перед этим волчарой. И, может быть, даже к награде представим, инкогнито...

Что такое «инкогнито» Марфута не поняла, да и я, между прочим, тоже не знаю, но сообразила, что её жизни крестьянской, что-то через этот случай угрожает. Ну, конечно, взмолилась, чтоб её отпустили восвояси. Правда, ничего не скажешь, отпустили. И даже, с почётом, хоть и на воронке, но прямехонько до дома в деревню довели.

После этого случая вся местная милиция, аж, два месяца по полу от смеха каталась, вспоминая, как заслуженная доярка самолично в милицию притащила опасного рецидивиста. Правда, премии, а тем более какой другой награды, Марфута, так и не дождалась: видимо, кто-то другой за неё получил... Но благодарность объявили. Прямо при всём народе, на сходе. Его, ради такого случая, собрали в нашем клубе, который давно уже не работает. А вы говорите – «байки!»

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Василий Кузиков был прирожденным слесарем и, где-то глубоко в душе, философом и поэтом. В этот день, после окончания смены, Люська-аппаратчица из соседнего цеха, так посмотрела на него, что он, по-гусарски, ей заявил: «Душа моя – сегодня я твой! Жди!»

Но было одно маленькое препятствие. А именно – жена Василия, незабвенная, весьма дородная Ксюша. Если перевести на килограммы эту самую «дородность» незабвенной Василия, то, очень даже может быть, она из небольшого препятствия могла перерасти в довольно-таки крупную неприятность для слесаря, так как лично он веса и роста он был весьма ограниченного... Но Василия это традиционно не пугало. Он почему-то считал, что жена глупа, поскольку патологически добра. Но, тем не менее, надо было, хотя бы из вежливости, что-то срочно придумывать. Прямо скажем, это было тяжелое для мужика занятие, не особо-то себя утруждавшего силлогизмами. Поэтому, самодовольно ухмыльнувшись, он решил: «Приду домой «придерусь» к чему-нибудь, рявкну угрожающе, хлопну дверью и, «обидевшись», уйду восвояси...до утра».

Но ошибался Вася. Ксюша была женщиной «тертой», выучившая его за годы совместной жизни наизусть. Просчитав по календарю, что «милый» вот уже три недели «не отрывается», почуяла всеми фибрами своей души, опасность и подготовилась к кризису во всеоружии.

... Василий решительно открыл дверь собственной квартиры. Царственно оглядел прихожую и, приняв на всякий случай боксерскую стойку, с порога, завопил: «А ну, мать, давай чего-нибудь пожрать!».

Ксюша смиренно пролепетала: «Чего изволите?». Это стало первой неожиданностью для слесаря. Недоверчиво расслабившись, он, как можно хамовитее, добавил: «Поди, как всегда, щи кислые?».

- Что ты, милый! – томно простонала Ксюша, подумав про себя:

«Этот номер у тебя сегодня не пройдет, козёл вонючий!». А вслух продолжила:

- Отбивные по-французски, салат генеральский, картофель фри – всё как ты любишь!

- Чево отбивные?! – удивлённо, округлив глаза, выдохнул Вася.

Не стала Ксюша уточнять, что отбивные в другой день она сделала бы не из «чево», а из кого-то... Взяла Васю под белы ручки и, так ласково, но настойчиво пропихнула в кухню. То, что предстало перед взором мужика, окончательно его дестабилизировало.

Белая скатерть, салфетки в стакане, ножи и вилки около тарелок и даже небольшой букетик цветов посередине! Аппетит у Васи пропал окончательно. Засмутившись, он пошёл в ванную комнату мыть руки.

Делал он эту простейшую процедуру подозрительно долго. «Ага! Сосредотачиваешься! Ну-ну...» - злорадно подумала Ксюша.

Когда Василий всё-таки «вынырнул» из ванной на столе уже румянилось мясо, тревожил взгляд необычного вида салат, появились рюмки...

Слесарь робко присел на краешек табурета. Он, неожиданно, почувствовал себя дома, как в гостях. Тут в его воображении возникли аппетитные, стройные ножки Люськи, соски её упругой груди, обозначавшиеся даже через грубую ткань рабочего нательного белья, и он решил не сдаваться.

- Это чё, мы пить, что ли будем? – скосив глаза на рюмки, как можно пренебрежительнее, развязнее спросил он. И, почти язвительно, добавил, - Компот, поди, какой-нибудь в виде портвейна?

- Водочку, охлажденную или коньячок? – предупредительно отреагировала жена.

- Ты чё издеваешься надо мной сегодня? – проскрипел зубами Вася

- Почему, милый? – наивным голосом спросила Ксюша и, брякнув дверкой холодильника, действительно извлекла из старенького «Океана» бутылки причудливой наружности.

Наступила немая сцена. Челюсть Васи медленно поползла вниз. Ксюша, элегантно прикрыв рот мужа своею борцовской рукой, повинувшись выразительному жесту Васи, налила из запотевшей бутылки ему рюмку «Путиновки». Совсем сбитый с толку, он интеллигентно долго не мог решиться, чем закусить: с ножом он просто не знал, что делать, а салат в нем вызывал, какую-то странную ассоциацию, будто бы его самого покрошили в него. Жена и тут не растерялась, подцепив что-то на вилку из мясной нарезки, она «ласково» всем своим телом присела на худые коленки мужа, подсунув под самый нос Васи закусь. Слесарь тревожно крикнул, дернулся, но только смог уткнуться лицом в пухлую Ксюшину грудь.

... После третьей рюмки ему опять начала нравиться собственная жена. А образ Люськи медленно растворяется в супружеских объятиях. Последовавшие намёки о чистом постельном белье, ароматизированном французскими духами, поставил окончательную точку. И, когда Ксюша, как бабочка, невесомо, выпорхнула в спальню примерять пеньюар, Василий, как настоящий джентльмен, набрал номер телефона Люськи. Когда в трубке послышался её голос, он, не мешкая, театральным шепотом пророкотал:

- Люська, ничего не выйдет - сегодня у меня идеальная жена!.

НЕУДАЧНАЯ ШУТКА

В этот день на заводе давали получку. По этой простой, но закономерной причине, городские пивные бары были полным-полны радостного люда. Как обычно, в такой день, народ был склонен к шуткам. Шутили, как могли, и мужики в известном местном баре с чисто русским названием «Подберезовик».

- Обойдемся без предсмертных записок! – выкрикнул за соседним столиком, пока ещё слегка подвыпивший гражданин рабоче-крестьянской наружности, которого промеж себя мужики незлобно обзывали – Весельчак.

Все сидевшие в баре вздрогнули и повернулись в сторону шумно оттягивающейся компании.

- Я им говорю, - продолжал Весельчак, жестикулируя большими руками, - Ну, поехали, покойнички! - и сам с места по газам! Чую в салоне тишина. Спесь у клиентов как рукой сняло. Ни тебе ваших, ни тебе наших – все как шелковые. Вот как рулить надо!

Компания заржала. Именно заржала, а не засмеялась. Как будто между столиками табун лошадей промчался. От «топота» голосовых связок компании буквально ветром сдуло половину посетителей из-за соседних столиков. Барменша бдительно прибавила звук в музыкальном центре. Эти меры были запоздалые и только «подлили масло в огонь»: голоса посетителей бара становились все увереннее и увереннее. Демократия уже сделала свое чёрное дело в умах людей: они стали выражаться вслух, публично и тем громче, чем больше их пытались заткнуть.

- Они думают, ежели в Думе, то и думать умеют! – поддержал Весельчака гражданин с бритым затылком, но в очках. – Предлагаю сию же минуту избрать из нашего состава альтернативную, так сказать, подлинно народную Думу. И предложить своего, из наших, в кандидаты на пост рулевого города.

Компания одобрёно загалдела, а потом предложила за это выпить. Выпили и приступили к прениям.

- Братцы! Надо быть объе... объект-ти-и-евне... Тьфу ты, слово-то какое заковыристое! Короче в каждую рожу ... это самое, взглядеться внимательнее. Дело-то не шутейное: всёж-таки рулевой! Как выберешь, так и поплывёшь! – сформулировал наконец-то свою мысль Очкастый.

- Конкретно! – согласился Весельчак.

- Будем выражаться по старшинству, - резонировал Очкастый. Первое слово Кузьмичу, как самому постоянному и длительному посетителю «Подберезовика».

Кузьмич после этих слов вырос в собственных глазах, приосанился и даже от умиления прослезился.

- Да, я мужики, опосля такого почёта... Да я! – заволновался он, -
Всю правду про всех расскажу!

Очкастый, как самый умный, нервно поерзал на месте и мягко урезонил Кузьмича: «Про всех не надо... А вот про этих засланцев от народа во власть, изволь, прямо и - в точку. И так, мы в наличии имеем 19 человек...».

- Понял, - прищурившись, таинственно, почему-то шепотом, согласился Кузьмич и без театральной паузы продолжил, - Вы их только мне правильно обзовите!

- Из всех наших кандидатур особо засветились в прямом и переносном смысле, шестеро, - важно заметил Очкастый, - Это Кровососов, представитель желтой прессы; Полицевич, боец ихней организации; суворовец Тюрский; Ушинский, но не педагог, а как раз наоборот; Стремянкин, из бывших сметанников, ныне безработный и Крамольная. Последнюю, по причине её женского происхождения, предлагаю сразу из списков вычеркнуть, так как дома командование их братом надоело...

- Конкретно! – поддакнул Весельчак.

- Вслепую никого вычеркивать не будем – у нас демократия! – вдруг заерепенился Кузьмич, Тем более, насколько мне известно, она далеко не Железная Леди, хотя вскочила в Думу ловко. И до сих пор, по нашим наблюдениям, вскакивает там и вскакивает...

- Баба за рулем – что фашист на танке! – категорически урезонил Весельчак, - И вообще, зачем нам у руля выскочка?

- Вот это уже по делу, - серьезно констатировал Кузьмич, - Вычеркиваем! Следующий – Кровососов.

- Фамилия мне его не нравится! – опять вступил в дебаты Весельчак.

- Это не аргумент! – возразил Очкастый. – А вот то, что он заборы пачкает в городе своими листовками и обзывает последними словами уважаемых людей...

- Действительно. Зачем нам у руля человек, не умеющий интеллигентно объяснить дураку, что он дурак. Деструктивная личность, никогда ни к каким положительным результатам общество привести не сможет! – подвел итог Кузьмич.

- Чего-о-о?! – простонал Весельчак. – Не понял, что значит «дестру...десту-ивная»... Но я «за». Мне больше всех ндравится этот, с наганом, ну, который всё кричит, как будто шашкой машет и, главное, много говорит!

- Говорит Полицевич, действительно, много и если бы он еще понимал ЧТО – ему бы цены не было. Но, к сожалению... - развел

руками Очкастый. – Парень он хороший, но не умный. И то и другое для рулевого опасно, а еще опаснее для тех, кем он рулит.

- Ну, тогда этот, который, наоборот! – упрямо, уже обидевшись, настаивал Весельчак. – Он из бывших...

- Бывших нам не надо! – бесцеремонно прервал Кузьмич, - Мы это уже проходили. Тем более, что Ушинский тем и ославлен, что всегда и при всяком удобном случае делает «наоборот». Ни человек, а оборотень какой-то! А, ну, как он, встав у руля, обернется в кого-нибудь ... в кого ему прикажут! Я ничего плохого о нём сказать не хочу, дай бог ему здоровья и, как говорится, всего-всего, но народная мудрость гласит: «Хороший мент, только мертвый мент».

- Остается Юрский и безработный Стремянkin... - задумчиво продолжил общую мысль Очкастый.

- Только не Юрский! – У него рожа шибко интеллигентная, от которой тихой пакостью за версту воняет! – завопил, очевидно, из вредности, что его кандидатуры провалили, Весельчак.

- Да, не кипятись ты! – остудил его Кузьмич. – Тут дело другое. Воспитание у Юрского, конечно, хорошее – суворовец всё же! Но... Даже, когда он стоит по стойке смирно, за его спиной отчетлива видна фи́га. Словом, мальчиш-плохиш какой-то... Сдается мне, что он за банку сгущенки на многое способен, лишь бы ему хорошо было. Оно и понятно: молод ещё и по этой причине вполне продажен.

- Итак, единственная кандидатура из наших – Стремянkin... - обречённо сказал Очкастый.

Лица собеседников погрузнели. Глубокая задумчивость парализовала их глаза. Все даже как-то протрезвели. Представили себе, как Стремянkin - неудачник по жизни, безработный, можно сказать, бездомный, сидит в кресле рулевого... Нервно теребит тонкими пальцами носовой платок, которым то и дело смахивает со своего высокого лба волнительную испарину... Оно и понятно – дело ответственное! А здоровье уже подорвано на вредной руководящей должности сметанным производством... Нервная система расшатана многочисленными неудачными попытками взойти, хоть на какой-нибудь капитанский мостик... Штормит человека даже в ясную погоду. А тут надо принимать решения! Руль крепко в руках держать!! Сохранять спокойствие на самых крутых виражах, не дёргаться по пустякам!!!

- Может быть, полечить человека, и он на что-нибудь ещё сгодится... - робко предложил Кузьмич.

- Истерика – это не заболевание, а признак пола! – рявкнул Весельчак. Лучше тогда уж Крамольную!

Круг замкнулся.

- Сами виноваты... - уныло проскрежетал зубами Очкастый, - Кого выбирали-то?

- Да, наших все, наших ... - задумчиво, почти хором, пролепетали мужики.

- Да, самое время, - невесело сострил Весельчак,- Действительно, писать предсмертную записку. И как поется в песне: «Прощай любимый город...».

После этих слов мужики, переглянувшись, молча, не чокаясь, выпили. А вскоре, необычно рано для их компании, разошлись по домам. Чем несказанно обрадовали своих жён, которым, конечно, невдомёк было, что всему виной не их повысившееся самосознание, а неудачная шутка, которая совершенно отравила мужикам праздничное, послеполучечное, настроение.

О БЕДНОМ БЮРОКРАТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Сибиряки, проживающие в небольших старинных сибирских городах - бездушные, чёрствы́е и ленивые люди. Убедился в этом недавно самолично, когда моя бабка вздумала продать свою хибарку в одном из таких населённых пунктов. Мы этот домик в последнее время заместо дачи держали, да вот годы поприжали: сил стало маловато копаться в огороде... Ну, в общем, пустился я, как говорится, во все тяжкие с продажей энтавой.

Оказывается, справок и всего прочего нужно для этой процедуры немереное количество. Я как глянул в перечень необходимых документов, враз подумал: «Несчастливые люди! - Это ж сколько им надо понаписать! А я ведь не один такой. Около каждой двери народу уйма. И всех надо ублажить! Только от одного этого могут ручки отсохнут...» Призадумался в тот момент я...

Дальше – больше. В первой же конторе меня заслали к черту на кулички. Оказывается, все документы на нашу хибарку безнадежно устарели. И что характерно: за любую бумажку надо платить. Несчастливые конторские люди! Нам-то что! Мы свою рухлядь продаём. А им выписывай квитанции, объясняй каждому, что и почему. Терпение-то, какое надо! Потому что народ никак в толк не возьмёт, почему за переделку тех документов, которые когда-то делала эта же контора им надо ещё и деньги платить. Одно слово – тупые!

Дальше – хлещи! Послали меня туда, где все деньги платят, убей меня гром, не помню, как называется, но стоит аккурат напротив перекрестка в центре нашего города. Очередь длинная! И беспокойная такая. Нервная. Грозятся до самого мэра дойти и порешить, вместе со всей администрацией, заодно и их беззаконие. Правда, я потом наблюдал, как только подходит очередь одного из митингующих зайти в кабинет – он «поджимает хвост» и начинает двигаться по направлению к двери кабинета уже на полусогнутых ногах... Учитывая эту неожиданную смену декорации его лица и тела, трудно даже себе представить, что с ним происходит в кабинете, когда он остаётся один на один с начальством...

Но перед кабинетом все храбрые! Один кричит:

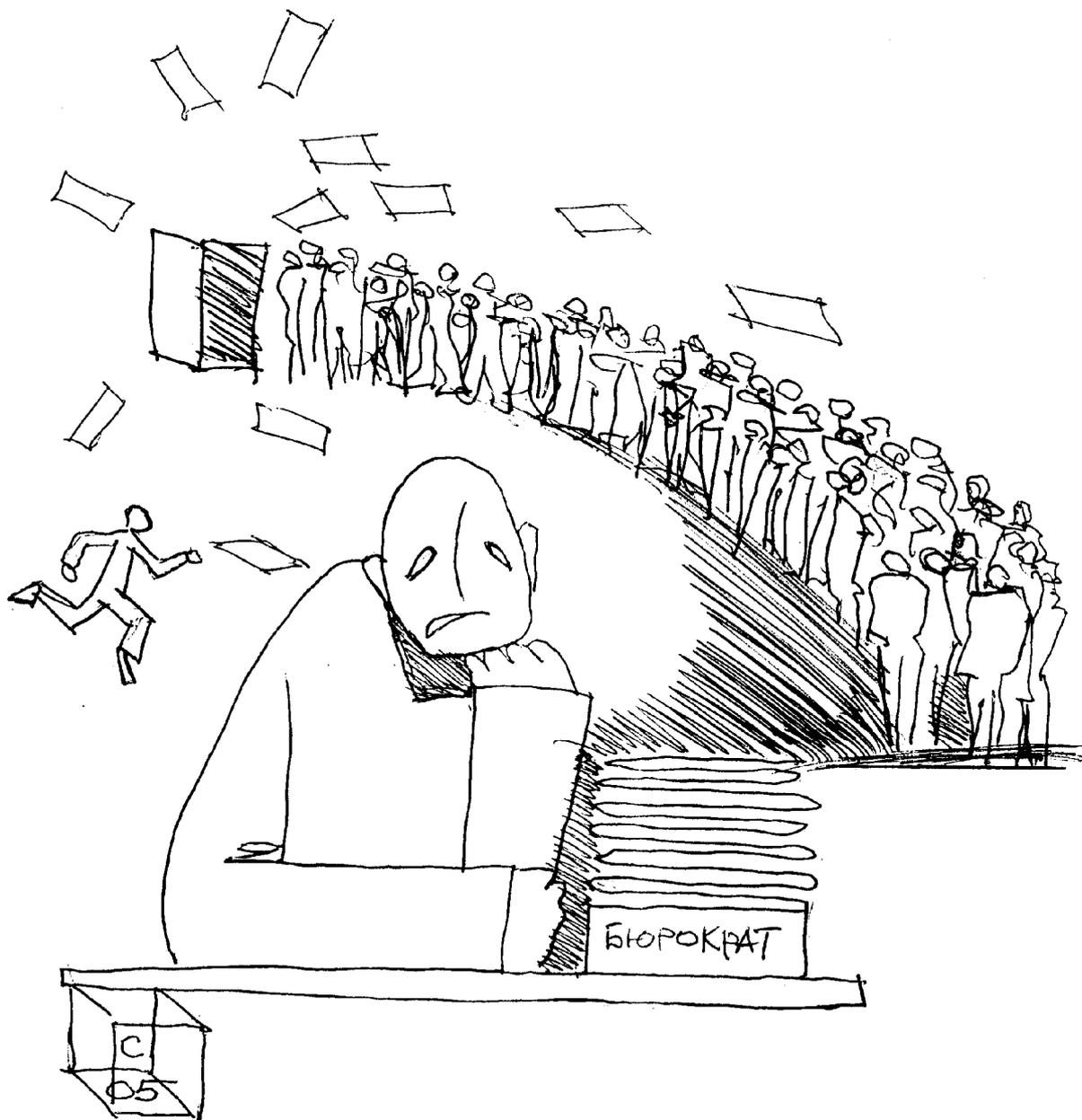
- Да, у меня этой машины уже десять лет как нет, а ко мне всё какие-то квитанции приходят!

Другой, прямо-таки завывает:

- Люди добрые! Я квартиру обменял, почитай, как год, а меня платить налог заставляют!

Тупы-ы-е! - Ничего не понимают. Уж насколько я безграмотный и то смекаю: разве можно про столько хлиентов упомянуть одному человеку!?

Словом, возьми я, да и брякни эту мысль вслух. Одно скажу, зря я это сделал... Очередь, до этого, какая-то недружная, разношерстая, сразу как-то прониклась единодушием и ошетилилась против меня всем, что у неё имелось. Как-будто бы это именно я, выписывал эти проклятые квитанции. Правда, на минуту я почувствовал себя президентом России! И понял, как ему нелегко, бедолаге, с этими несознательными гражданами!



Про справки сказ особый. Они все выдаются на определенный срок. Если он истек, иди по новой за ней. А часы и дни приёма - везде разные. Пока бегаешь за одной справкой, другая устаревает. Я даже помолодел, пока таким образом от конторы к конторе метался. Опять же польза для здоровья: не помню, кто сказал, но воистину – движение жизнь! А

сколько необходимых эмоций! Интересных и, главное, жизненных ситуаций.

Вот, например, одной гражданочке показалось, что с ней невежливо разговаривают. Встала на цыпочки, норовит женщину при исполнении за волосы цапнуть и голосит:

- Бюрократы! Развели вас на нашу голову, как тараканов не счесть! Пьёте кровушку трудового народа!

А чево кипятилась зря? Подумаешь, сказала, та, которая при исполнении, что клиентка тупая? Ну, швырнула в морду ей справку, а потом укусила за палец, чтобы куда не следует руки не тянула? Так ежели, каждый рукоприкладством будет заниматься - бедных бюрократов не напасёшься! В общем, никакого сочувствия у нашего народа к людям, которые при исполнении...

А сколько я полезной информации почерпнул, стоя в очередях! Не надо никакого телевизора! Всё начальство, как на ладони, причем, в чём мать родила... Кто с кем спит, кто, где, что украл. Ох, и трудно быть публичным, да ещё при должности....

Вот возьми меня. Кто я есть такой по своей природе и сущности – человечешко, неприметное насекомое. Может быть, от меня пакости и поболее, да никто ничего не ведает и не знает. Потому как до меня никому никого дела нет. Другое дело, если б я был при должности. Я в туалет, а за мной уже догляд. Изволил ночью, под одеялом, самогоночки откушать – алкоголик. А ежели, к примеру, которую бабёнку погладил взглядом по крутым бедрам?!...

Словом, не приведи господи, быть публичным человеком. Можно о себе такого узнать, чего отродясь не могло быть, даже во сне. Ну, как тут не пожалеть несчастных бюрократов, особливо тех, у которых в руках какой-никакой, но скипетр власти?

А хибарку-то мы всё-таки продали. Правда, не с первого раза, месяца через два, ну, а как иначе? – И на том спасибо!

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Рассказал мне эту историю один из редакторов районной газеты небольшого сибирского городка Василий Егорович Н. Однажды, когда он проводил в ответственную командировку своего лучшего журналиста, с ним то ли приключилась, то ли привиделась эта история...

Проводы сотрудника были по традиции тщательными: у стены редакционной кухни, около мойки, отдыхала добрая дюжина пустых бутылок из-под пива, отряд которой возглавляла тоже пустая бутылка коньяка. По этой самой причине «Егорычу», как его звал для краткости и внятности младший, но любимый товарищ по профессиональному цеху, пришлось помочь подняться в вагон и строго наказать проводнику, чтобы он разбудил журналиста перед станцией, которая является его пунктом назначения.

Как только хвост поезда исчез за последним семафором, редактор направился в сторону трамвайной остановки. Город уже окончательно очнулся от ночной спячки. Принюхиваясь к запаху пирожков и шашлыков, которым, кажется на много лет вперёд, пропиталось всё, что находится рядом с вокзалом, редактор, слегка одурманенный утренним невесёлым солнцем, запинаясь о пластиковые стаканчики, ещё не убранные дворником после ночного гуляния граждан, неспешно полёлся по родному городу..

В этот момент, по признанию, Василия Егоровича, в его душе вдруг ни с того ни с сего образовалась такая тоска, что он не выдержал и забрёл в первый, попавшийся по дороге бар с романтичным названием «Прибой». Когда кружка светлого, горьковатого «братского», оказалось перед ним, мгновенно, напротив, появился некий субъект неопределенного возраста, мужской наружности, одетый как бы понарошку в светлую летнюю рубашку с коротким рукавом, которая выгодно оттеняло его смуглое, возможно загорелое, тело. Незамысловатый костюм дополняли короткие шорты светло кофейного цвета и шлёпанцы на босу ногу. Мужчина бесцеремонно смотрел в упор на Василия Егоровича неестественно синими немигающими глазами.

Егоровичу показалось, что явление гражданина произошло как-то само собой, практически из воздуха. Сделав вид, что он его не видит, редактор сделал два забористых глотка из своей кружки. В это мгновение раздался голос незнакомца:

- Я знаю, вы редактор, - почему-то шепотом, сообщил он.

Егорович, от этого известия, поперхнулся пивом, как будто бы он был преступником и его поймали на месте преступления. «Началось!» - с тоской, подумал он про себя и, прищуривая глаза, начал приглядываться к незнакомцу. Перед ним маячил образ курортного красавца, эдакого женского сердцееда, от которого за версту воняло дорогой туалетной водой и ещё чем-то напоминающим запах дорогих

сигар. Впрочем, последнее, возможно, было плодом воображения Егоровича, так как настоящих, например гавайских сигар, он даже издали не видел, и по этой причине просто не мог знать, какой у них есть первозданный запах.

- Вы не волнуйтесь, я не буду к вам особенно приставать...- неожиданно извиняющимся и ещё неожиданнее - приятным бархатистым голосом поспешно заявил субъект.

«Он что читает мои мысли? Этого ещё не хватало!» – вновь про себя подумал редактор.

- Да. Но, уверяю вас, в этом для вас нет ничего опасного. Просто я, прибыл на Землю с другой планеты, с целью поближе познакомиться с вашей цивилизацией.

- Сумасшедший! – не выдержав, уже вслух, заключил редактор.

- Нет, - спокойно ответил «сумасшедший». – И чтобы доказать вам это, готов рассказать вам, что угодно из вашей жизни, чего даже не знает ваша жена...

- Вот этого делать не надо! – вырвалось у Егоровича. При этом он почему-то стеснительно покраснел, хотя такое понятие как «совесть», он принципиально, из профессиональных соображений, отрицал.

- Тогда разрешите, узнать значение некоторых слов, которые я услышал в вашем городе? Их нет в нашей базе данных...

Редактор, конечно не поверив ни одному слову незнакомца, но, ухмыльнувшись про себя «Ну, что ж давай поиграем – не впервой!» - на всякий случай согласился:

- Валяй, это как раз по адресу!

- Кого «валять», прощу прощения, не понял?

- Это я потом тебе объясню, а сейчас - задавай свои вопросы. Но уговор – пиво за твой счет! Так сказать, компенсация за консультацию...

- Разумно. Не против. Всего меня интересует 123 понятия.

- Не-е-е... Мы столько зараз не выпьем. Давай сначала обсудим те слова, которые наиболее непонятны. А потом, куда кривая вывезет.

- Вот, видите, уже 124 понятие: что значит «кривая»?

- Ну, это просто – российская раздолбанная дорога, а, точнее, дороги, которые посути, кривые. В переносном смысле это судьба любого русского, который живёт на авось, часто руководствуясь лишь одним правилом «Эх, была-небыла!» Понимаю, что для вас это несколько туманно, но точнее, увы, не скажешь... Давай следующее слово!

- Недавно я услышал, как два пожилых человека говорили друг другу: «Наш премьер министр со своей монетизацией совсем «оборзел»! Может быть, они имели ввиду «обозрел»?

- Да, нет... Оборзел, оборзел! В том-то и дело...

И тут редактору, в первый раз, стало стыдно за державу.

- Понимаешь, старина, - начал он тянуть резину... – «Оборзел» – это глагол, произошедший от существительного «борзая». Собачка такая есть, весьма, шустрая. «Оборзеть» - это значит, быть быстрее всех, ловчее, не упустить своего и не только шанса.... Что-что, а это у нашего премьера действительно здорово получается...

- А вот «хренотень»? Я, знаю, что у вас есть слова «хрен» - растение и слово «тьень» - физическое оптическое явление. Но почему, тогда у вас говорят: «Когда эта хренотень у нас в Думе закончится?! Ни как, падлы, власть поделить не могут, дармоеды, хреновы!» Кстати, не понятны так же обращения «падлы» и «дармоеды»...

- Ну!? – начал, несколько повеселев редактор. – «Дармоеды» - те, кто здорово едят. Прямо скажем, чрезмерно, а главное, задарма, то есть даром! «Падла» - это такое обращение, типа, «друг», только наоборот. И, не обращая внимания на «инопланетянина», у которого глаза стали размером с чайное блюдце, бодро, закончил. - А «хрен», действительно, растение, только в понимании россиян оно имеет и ещё один смысл. Та тень от хрена, которую имели в виду наши мужики, гораздо человечнее, ближе что ли нам... И, что самое главное, когда начинается «хрень» он становится огромным, потому что весь народ на всё хрен забил. Поэтому такая большая от него тень, что, временами, всю России, как будто бы мгла, покрывает. Вот такая у нас, периодически, случается хренотень...

- Понятно... А вот перед школой, дети кричали один другому: «Скорее в отстойник! А то класснуха нам покажет, где раки зимуют!» У вас, что дети учителей боятся? И что такое «отстойник»? Они же не могут в очистных сооружениях купаться?

В этот момент, редактору второй раз, стало обидно за державу.

- Что вы?! Вы совершенно всё неправильно поняли! Дети, элементарно, боялись опоздать в школу, пропустить новую тему: «Где раки зимуют». А кто ещё, кого боится – это вопрос... «Отстойник» - школа, своеобразные очистные сооружения, место, где детям души делают чище...

- А «гомыра»?

- А что гомыра!? – начал раздраженно заводиться редактор.

- Я только сейчас, перед входом в бар, слышал: «Ну, это пиво на х...!» Извиняюсь, одно слово не запомнил, за то дальше, дословно: «Пойдем лучше гомыры долбанём!»

В третий раз журналисту стало за державу обидно.

- Правильно сказали. Ничего лучше гомыры нет. Очень колоритный и, главное, секретный продукт. Пива, знаешь, сколько надо выпить, чтобы, ну-у-у, приобрести необходимое количество энергии!? А гомыры бутылочку пропустил во внутрь и можешь целую неделю, только воду попивать: гарантирую, будешь в необходимой энергетической норме! Её только у нас в городе производят народные умельцы для специальных

целей. Не веришь?! Сейчас сбегаю на ближайшую точку, отоварюсь! – почти угрожающе заключил редактор.

... Через десять минут необходимый продукт, в бутылке из-под минеральной воды (в целях конспирации!), стоял на столе. Ещё через полчаса, инопланетянин пытался по сотовому телефону редактора, вызвать свой вид транспорта, который, как утверждал он, у нас почему-то называют летающей тарелкой. Но не тут-то было: в бутылке еще плескалось достаточно «секретной энергии»... А ещё через полчаса, новый друг редактора, требовал, что бы ему караоке спела «Марш космонавтов», утверждая, что именно он, самолично, сочинил в ней строки: «На тихих тропинках далеких планет – останутся наши следы!»

Как Василий Егорович расстался со своим любознательным другом он не помнил. Как, впрочем, и то, как оказался благополучно дома. И вообще, он посчитал бы, что это ему все приснилось или кто-то над ним приколотся, если бы... В следующем номере, одной из местных газет, не появилась небольшая заметка «НЛО в небе над городом?» В ней рассказывалось:

«27 апреля в небе над городом горожане могли наблюдать некий летающий объект неизвестного происхождения. Вёл он себя, даже для НЛО, необычно: выделял такие кривые кренделя, как будто бы за рулем его сидел пьяный водитель. Потом аппарат резко взмыл вверх и, в доли секунды, исчез из видимости сотен людей, наблюдавших за этим явлением».

«Да, малость перебрали. Что было, то было...» - подумал Василий Егорович, размышляя, куда он сегодня пойдет опохмеляться. И тут же спохватился: «Что это я, в самом деле? У какого-то забулдыги, видимо, после многодневного запоя крыша поехала, а я туда же... Как будто сам не сочиняю для своей газеты байки, да ещё по чище чем про НЛО!»

И вдруг его мысль осеклась и споткнулась о собственный совершенно трезвый довод: «А ведь на забулдыгу, во всяком случае, по наружности своей «дружок мой» совсем не тянет...». Он на мгновение испугался этой мысли. Но потом, крикнув от досады, привычно всадил в свой разум самый веский аргумент в виде проверенного утверждения: «Чушь!». Лицо редактора изобразило брезгливость, спокойствие парализовало разум, и он цинично констатировал:

- Да ведь это я сам с собой разговаривал! Нет надо бросать пить... Вот только ещё сегодня, в последний раз, похмелюсь...- и тут же, трусливо, но решительно, поставил то ли крест, то ли точку:

- Только не в «Прибое!»

САМЫЙ ТРЕЗВЫЙ РОМАН

Сказывают, что в одном небольшом городке Иркутской области произошёл такой курьёзный случай.

Константин Веточкин работал грузчиком в одном из магазинов этого города. Магазин как магазин. Сибиряк как сибиряк. В первом продавали то, что виртуально можно назвать продуктом широкого потребления, по народному – ширпотреб. Второй, обыкновенный мужик, любящий тайгу, Ангару и всё окружающее его пространство, так же сильно и преданно, как жену и детей. Впрочем, оставляя за собой право, изредка, изменять и тому и другому ровно настолько, насколько хватало нищенской зарплаты и энергии заблуждения.

И ещё Костя (так его запросто звали друзья и товарищи) – писал, что-то наподобие рассказов и повестей.

Делал он это легко и непринуждённо. Так как будто ему их кто-то на ушко шептал. И отношение его к ним было соответственное: Бог дал – Бог взял. Короче, никто из самых близких друзей, то есть, в большинстве своем сердечных и милых его душе собутыльников, о том, чем потаенно занимался Костя, знать не знали и слыхом не слыхивали.

И вот, однажды, по пьяной дури, он всё-таки открылся своим корешам кто он есть такой на самом деле.

- Я так и знал, - то ли разочарованно, то ли восхищенно произнес один из постоянных «собеседников» Кости. Пока остальные переваривали полученную информацию в своей голове параллельно с солёной воблой в своём желудке, он, придвинувшись по ближе к Костику и, поправив остатки галстука у себя на шее, произнёс:

- Я тебе, как интеллигент интеллигенту, хочу сказать вот что... Ты дурью-то не майся, давай мне рукопись, я тебе на компьютере её отбацию, и разошлю в разные редакции. Работа плёвая, зато шанс. А ежели, что выгорит - мы с тобой, за твоё и моё здоровье фунфырик раздавим. Короче, поляна с тебя, доморощенный Шекспир. Словом, отдал Костик рукопись «интеллигенту». Отдал и забыл. Или запил. О подробностях этого дела история умалчивает. Но, как на грех, спустя некоторое время, Костя получил какую-то премию. Деньги свалились, как снег на голову, в июне. И так же быстро растаяли в любимых пивбарах «писателя». Как говорится, «как пришли, так и ушли».

Закономерная попытка журналистской братии, пронюхавшей о сём событии, сделать из него сенсацию, не принесла им успеха. Костик и его ближайшее окружение держали, по желанию автора, круговую оборону. Любого из них, появившегося на горизонте, все дружно отправляли к первому попавшемуся бомжу или ... грузчику. Об этом приколе уже знала вся округа. Первые и вторые охотно изображали из себя писателей ровно до тех пор, пока у журналистов не кончались деньги на их опохмелку.



Словом, настоящая слава Костика благополучно миновала, даже не зацепив своим рукавом.

Серьезнее дело обстояло с издателями. Они оказались более целеустремленными и изобретательными. По крайней мере, агент одного из них, помыкавшись с недельку по всем значным местам города, методом дидактического умозаключения пришел к выводу, что автора, нашумевшего романа, надо искать в одном из конкретных пивбаров, где и собиралась по устоявшейся привычке вся братия Костика. Причём, искать «не в лоб». А, не обнаруживая себя, тщательнее изучать публику, прислушиваться к их разговорам, приглядываясь к неузнаваемым, по понятиям менеджеров, лицам.

После месячного запоя, став завсегдатаем всех забегаловок, он вычислил кто в действительности Костя, да ещё - Веточкин.

Усыпило бдительность Костика лицо агента, которое от чрезмерного употребления в течение длительного времени «родимой», совершенно потеряло лоск столичного прощелыги.

По обличию и повадкам перед ним был рядовой местный работяга, бывший, конечно, под градусом, но могущий при необходимости благополучно преодолеть проходную популярного или, как принято говорить, градостроительного, промышленного предприятия. А это уже искусство местного разлива, такому научиться залётному человеку непросто... Но главное речь! Стоило агенту произнести:

- Эти москвичи, козлы, пусть подавятся нашими деньгами! – как он стал лучшим другом не только Костика, но и всего населения пивбара, в котором собиралась его «королевская свита».

Ничего не подозревая, доверчивые собутыльники сочувственно, весь вечер, его поили и кормили, что было весьма актуально, так как агент к этому времени уже свои командировочные баксы спустил подчистую.

Выждав удобный момент, когда Костя начал в очередной раз пересказывать свою теорию о непродуктивном капитализме на территории бывшего тоталитарного государства, агент, вскользь, заметил, что, такой как он, гениальный писатель, мог бы, сделать много полезного опубликовав, например, за рубежом, свои бессмертные произведения.

Костя проглотил наживку за один раз. Начал размышлять на подкинутую ему тему...

Когда же он понял, кто есть перед ним - было уже поздно. Поздно врать, отпираться, делать вид, что он не ОН. Это уже понимали оба.

Коварный агент, задал вопрос напролом:

- Сколько!?

Костя, наклонив голову, почесав затылок, глянул исподлобья и многозначительно молвил:

- Как можно продать то, что не принадлежит тебе?

В воздухе повисла пауза.

- Не хотите ли Вы сказать...- раскрыть рот агент, перейдя опрометчиво на «вы».

- Вот именно! – подтвердил, не дослушав агента, Костик. И продолжил на манер отъявленного философа:

- Ежели бы Он, как бы, но не совсем, а впрочем, может быть, но не ручаюсь...

Такая замысловатая манера выражаться поставила агента в тупик. Не зная как адекватно реагировать на происходящее, он, на всякий случай, осторожно, заметил:

- Стало быть, вы, как и я посредник?

- Да. Где-то посередине. И даже, в целом, получается больше с краю...

- Но?

- Никаких «но»! Это нам запрещено...

Вконец запутавшись, агент, сам не зная почему, спросил:

- Ну, хоть выпить-то мы можем?

- Можем. Но теперь только за твой счет.

- И вы это говорите мне?! – вдруг взвинтился агент, как будто ему кто-то под столом наступил на любимый мозоль. – Вы! Без пяти минут миллионер!!

В этот момент уже задумался Костик. Он, только на мгновение представил, сколько хороших людей смог бы осчастливить таким количеством денег, если б захотел...

Например, друга Коляна, который, будучи уже несколько лет безработным, готов был за сто грамм с бодуна совершить самый неблагоприятный поступок. И, не потому что плохой или, к примеру, злодей. Просто так жизнь сложилась. И даже не его, личная, а всей станы.

«Что ОН этого не знает? Разве не с его позволения всё это творится с нами? Значит, и с ЕГО стороны в этом, есть какой-то промысел? Прости...» - про себя прошептал Костик и, как-то обреченно, произнес вслух:

- Хорошо. Хотя это и не очень ... Сдаюсь!

Затерявшийся во времени и пространстве маленький сибирский городок, благодаря Костику, точнее тех денег, которые ему выдали в качестве гонорара, выражаясь фигурально от НЕГО, всё, измучавшееся в раздумьях о своем будущем, население, целную неделю предавалось благородному забвению, руководствуясь древним девизом – «Истина в вине!». Деньги текли рекой, в карман оного из

предпринимателей, который вот уже энное количество лет занимался производством высококачественной катанки, поставляя под разными марками и наименованиями «водку» во все магазины города.

Праздновали по-своему, агент и Костик, ставшие, после этого случая, закадычными друзьями.

- Ну, что ОН доволен? – спрашивал агент.

- Кажется. Только я совсем запутался: кто же есть ОН?

- Сдается мне, что ТВОЙ и МОЙ в одном лице.

- Как?

- А разве свет и тьма делимы?

- Действительно...

- Так давай за это и выпьем! – патетически произнес агент.

Друзья чокнулись. Со стороны могло показаться в прямом смысле. На самом деле, так зарождался ещё один, на этот раз, пожалуй, самый трезвый роман Костика.

ЧАЙНИК

Ещё в школе мне говорили: «Леха, ты чайник!». Тогда я не понимал смысл этих слов. Даже гордился таким прозвищем. Чайник – благородный сосуд, польза от которого несказанная. Оказывается – нет! А просветление в моих мозгах наступило, когда мне «стукнуло» почти под полтинник.

Короче, покупаю я на одном из рынков нашего города чайник. Такой элегантный, весь блестит, электрический. Пять минут и вода в нём вскипает. Радости моей не было предела. Утром, без всяких проблем, пока глаза продираешь, уже горячий кофе под носом. Остается только бутерброд заглотать и - вперёд на работу!

Однако, радость моя была недолгой, а, главное, преждевременной. Уже на вторую неделю чайничек, по неизвестной мне причине, начал глючить. Включается, когда ему заблагорассудится. Воду окончательно отказывается кипятить до положенного предела. Конфликт – души и сердца! Точнее, разума и желудка...

Беру «дезертира за шиворот», упаковываю, несу к частному предпринимателю, у которого приобретал это чудо техники. Проводим экспертизу. Он (то бишь – чайник), зараза, работает, как часики. Только, что не говорит человеческим голосом: «Пожалуйста, на все сто!»

Продавщицы, а особенно частный предприниматель, глядят на меня укоризненно. Не солоно хлебавши, пристыженный, возвращаюсь с чайником домой. Осторожно наливаю воды, включаю. И, только температура воды достигает градусов восьмидесяти – щелчок... Отключился! - Самым наглым образом отрубился на глазах у всех домочадцев! Только, что не сказал человеческим голосом: «На-ка выкуси!».

Начинаю «вскипать». Говорю не очень вежливые слова в адрес чайника. В ответ презрительное: «Не гу-гу!». «Ладно,- думаю, - Рожа электрическая! Завтра я тебя выведу на чистую воду!» И сделал вид, что ничего особенного не произошло.

Ранёхонько утром чайник потихонечку пеленаю в упаковку (пока он не проснулся!) и быстро-быстро к ЧП (частному предпринимателю, стало быть) в магазин. Там, пока, чайник, не очухался воды в него – плюх! Включаю. Вскипятит воду, даже раньше положенного! Я эту процедуру повторил раз десять. Аж, взмок от напряжения. Результат тот же!

Мне уже неудобно людям в глаза смотреть. Чудится, что на меня чайник так ехидно, искоса, поглядывает. Я хозяину, то есть частному предпринимателю на всякий случай паспорт показал, намекая, что такому солидному человеку, как я придуриваться не с руки. Он, слишком понимающе, головой кивает. Вежливый. А у меня всё внутри кипит! Уже не верю никому, в том числе, себе. Осторожно упаковываю чайник и так, вроде бы, про между прочим, громко, вслух говорю:

- Ладно, пусть чайник пока у вас побудет. Завтра его ещё проверим.

При этом мигаю многозначительно частному предпринимателю, что так, мол, и так, это чисто тактический маневр. Вижу у мужика в глазах сомнения. Очевидно, на счёт меня. Но говорить-то лишнего в присутствии чайника нельзя! С миром удаляюсь.

Поздняя ночь. Часа четыре утра. Прокрадываюсь на кухню. Заливаю воду в чайник, включаю... Он, оборзел, вообще работать не хочет! «Мстит, гад!» - думаю. Плюю смачно в его полированную рожу. Ложусь спать. А он, халера, включается потихоньку и кипит до самого моего пробуждения!

Первую половину следующего дня, вырабатываю «технику» моих действий. Отдаю себе полный отчёт, что третье моё появление в магазине на предмет экспертизы, может закончиться психушкой. Перед очередным визитом к частному предпринимателю, сажусь напротив носатого «китайского чуда» и так ласково говорю:

- Ты чайник. Я чайник. Мы ведь должны понимать друг друга. Не срами меня перед людьми! Ежели я тебе почему-либо не понравился – расстанемся по-доброму. Я получаю, взамен тебя другой, а ты другого хозяина. И, как говорится, «волки сыты и овцы целы».

В ответ – тишина. То есть, в этот раз - знак согласия. «Стало быть, согласился!» - обрадовался я и рысцой в магазин. Сразу с порога говорю:

- Всё! Мы с ним договорились! Он согласен! Включай!

... Прошла ещё неделя. Я на берегу Ангары, в известном всему городу зелёном здании специальной лечебной больницы.

- Так вы говорите, - ласково спрашивает меня человек в белом халате, - Что вас в детстве звали Чайником?

- Да! – устало отвечаю я.

- Чудненько, чудненько, - констатирует мой собеседник, зачем-то щелкая у меня перед носом своими холёными пальцами. – Вы так же утверждаете, что никогда ни на кого в жизни не кипятились?!

- Да!!!

- А ваша личная температура вскипания какая?

- 98,5 градусов по Цельсию!

- Понятно...

... Еще спустя некоторое время, тот же человек рассказал мне, что мой чайник был передан, какому-то жителю Тайтурки. И вроде бы они до сих пор с новым хозяином живут душа в душу. А я здесь в уютной палате, с прекрасным видом на Ангару. Всё бы ничего, но до сих пор не пойму: чем я ему, как «чайник» - чайнику не угодил?

БАРДАК

Несколько лет назад со мной произошла забавная история. Она помогла мне вновь открыть свою страну, из жизни которой по причине своего уголовно прошлого был выключен на десять лет.

Началось всё с того, что я прочитал в нашей местной газете, о том, что недалеко от одного из пригородных посёлков проводится бардак! Святое дело. Особливо, ежели ты только, что откинулся.

Мне уже тогда подумалось: «Надо же, как изменилось Отечество всего за каких-то десять лет! Бардак – общественное событие, да ещё в газете о нём пропечатано, приглашаются все желающие! Зуб даю – демократия!»

Это по мне! Само то, конкретно! Перед глазами, конечно, сразу бабцы в чем мать родила, братва с сигарками в зубах, огороженная частоколом бутылок разного калибра и достоинства, оргии до утра... Вот симпозиум так симпозиум! Короче записал адресок, собрал наскоряк шмотки - и в путь!

Приезжаю. Передо мной, недалеко от Московского тракта, на крою деревни, озеро. Ништяк – живописное! На одном берегу небольшая берёзовая роща, в метрах ста от неё деревянная конструкция. Говорят, сцена.

«Очевидно, на ней-то и будут происходить основные оргии» - подумал я. Вокруг палаток понатыкано видимо невидимо. Народец всё подходящий: молоденькие тёлки в купальниках прогуливаются с красивыми попками, мужики солидные бородатые, на гитарах жарят, водяру пьют, костры жгут. Ну, в общем, всё как полагается, но... Всё как-то тихо. Репертуар какой-то не такой: «Изгиб какой-то гитары жёлтой...», «Милая моя, солнышко лесное...», словом, «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...».

Думаю, придуриваются. Наверное – темноты дожидаются.

Я тоже не лыком шитый – враз к первому ларьку, говорю продавщице:

- Мне бы бутылочку!

Подает – банку, да ещё пива..

- Пиво?! – Ты, что офонарела! – начиная злиться, возмущаюсь я. - Дай чего-нибудь посолиднее!

Женщина, такая пухленькая, в общем, вполне торговой наружности, как ни в чём не бывало и даже как-то привычно и спокойно, говорит:

- Нету-ти!

- Как!? «Нету-ти!?!» – передразнивая её, спрашиваю, как можно интеллигентнее. – Чтобы на бардаке и без национального напитка!? Не в жись не поверю!

А она в ответ, изобразив на своем фейсе удивление:

- Вы, гражданин, тут воду не мутите – у нас и так озеро изрядно тинной поросло... Берёте – берите. Нет – идите, загорайте, очень даже полезно для здоровья.

Скрипнул я зубами, но делать нечего. Взял, так на всякий случай, упоковочку пива, которого покрепче. Сижу, как debil, на берегу берёзовой рощи – зубы пивом полоскаю. Балдуха в небе, как яйцо на раскаленной сковородке. Жара, идит твою за ногу, не приведи господи, как будто я не в Сибири, а где-нибудь на раскаленных песках в Сочях.... Окунулся в озере. Рядом, радостно так, выныривает русалочка лет эдак 25-ти с виду. Ну, я ей культурно говорю:

- Не охладиться ли нам вместе, голуба, где-нибудь в теньке раз эдак два-три для начала.

Застыла. Смотрит, ресницами-мотыльками хлопает:

- Что вы имеете в виду?

- Я ей так по-простецки отвечаю:

- Что имею то и введу!

- Дурак! – и засмеялась.

Что-то мне так обидно стало от этого её чистого смеха, как будто меня «козлом» обозвали.

- Ну, и сливай отсюда! – процедил я ей сквозь зубы, но незлобно, скорее лениво.

А тут как на грех выныривает такой дельфин метра два ростом, на теле которого, включая лицо, ничего кроме мышц нет. И что особенно обидно - ни одной наколки! В общем, окунул он моё рыло пару раз в мутную жижу озера. Что и говорить это очень даже способствовало моему охлаждению. Я даже задумался. Что-то, чувствую, здесь для меня не в кайф, а что - пока никак в толк не возьму.

Выкарабкался на берег и засмурнел маненько. Притулился бестолковкой к дереву. Стал смирно ждть вечера. А для окончательного успокоения - зажмурил глаза, чтобы не видеть соблазна в виде то и дело мелькающих перед глазами полуобнаженных женских тел. Когда я, уже было, прикимарил, слышу голос раздаётся. И вроде бы песня наша: как блатные на Рождество решили отдохнуть. Святое дело! Я рысцой на голос. Вот, думаю, началось! Как раз подоспел в тот момент, когда девахи около исполнителя начали танец живота изображать.

Чую, настроение и всё остальное во мне начинает подыматься. Только выпивки не хватает. Намётанным глазом огляделся вокруг. Во! Кажется, наш. Весь в портках и поёт про то, что все вокруг козлы. Я к нему. Он меня тоже за своего признал.

- Когда же, - говорю, - Бардак начнётся!

Он на меня, так жалостливо, посмотрел и «брякнул» прямо в лоб:

- Когда откинулся, братан?

- Да, почитай, как уже несколько дней...

- Какой срок тянул и по какой теме?
- Десятку - от звонка до звонка! – Разбой...
- Да-а-а... - многозначительно протянул он. – Бывает. Ты тут не пались. Не время и не место... На гитаре играть умеешь?
- Три аккорда знаю: звездочка, лесенка и ещё какой-то – подзабыл как называется. Но «Мурку» слабую - за милый мой!
- Держись за меня. Вместе пробиваться будем. Но только надо подождать пока главный их с рельсов съедет. Его в народе Гордей кличут. Как только у него глаза в пучок сойдутся – свобода микрофона! А там уж мы народу всю правду скажем, особенно этой интеллигенции вонючей...

По правде сказать, я в тот момент ничего не понял из того, что мне сказал Сидорович - так звали брата. Особенно про «правду» какую-то. Но уж сильное доверие вызвало его мурло. Интонация голоса Сидоровича была такая уверенная, что даже нарисованная русалка на его плече, заморожено слушала кента. А мне, век воли не видать, показалось, что такой железный человек может не то, что за свой базар отвечать, но и бритвочки живьём глотать.

Слово – дело. Сидим слушаем разную лабуду типа: «Люди идут по свету...» Куда идут и зачем - было непонятно, да и шут с ними, лишь бы Гордей скорее остекленел, что б свободу микрофону дали. Ну, конечно, в процессе ожидания опустошили «баян» с гомырой. Спирт оказался с колошей и забористый, но так, в целом, ничего отдохнули – помог толкач в виде минеральной мальтинской воды, которой было не мерено...

И вот уже три часа ночи. Всё путём – по плану. Но только этот самый Гордей – не в зуб ногой. Только ещё больше звереет, видимо, от чистой мальтинской воды. Ни то, что на сцену даже близко к ней не подпускает, огородившись парнями в камуфляжной форме, главный среди которых с кликухой Серый. Кудрявый такой круглолицый, он то и дело укладывал на траву наиболее свободолюбивых граждан вниз лицом.

Не стал я больше задавать Сидоровичу глупых вопросов про бардак. Сам не дурак, видел, что публика не наша. Целуются. Зажигалками светят. Кайф ловят от простой тусовки, наглотавшись пепси-колы, в лучшем случае пива. - Дурдом!

И всё-таки мы попытку сделали, не упустить своего. Нашли среди мэтров некого Ваську Хряпова. Он уважал блатную песню, называл её каким-то фольклором. Святя золотым зубом, почёсывая свой нос картошкой, он убедил Гордея, Серого и ещё какого-то большого Рыжего, который сидел у ящика с рычажками, выпустить Сидоровича с этим самым фольклором «под занавес», где-то часов пять утра, на сцену. Так и вышло. И вот завыл душевно братан про наше, босяцкое, жите-бытие, да так, что петухи во всей округе ему начали вторить. Я слушал, и меня, аж, слеза прошибла от избытка чувств. И народ то же ничего: смеялся,

хлопал... Правда, осталось уже на пяточке перед сценой людей немного, но всё же...

Одного я тогда так и не понял – причём здесь бардак. Уже у костра, немного успокоившись от выступления, слегка протрезвев, Сидорович мне объяснил, что эта тусовка называется БАРДаком, от слова «бард», т.е. того кто сам пишет и исполняет свои песни под гитару. А биксы, шмары, оттяг и прочее здесь ни при чём... Это воля совсем другого рода. Да, я и сам видел, что народ хоть и был навеселе, некоторые даже очень (не один Сидорович запасливым оказался!), но, в целом, безобразия почти не было. Наоборот, все обнимались, подпевали друг другу, наливали, закусывали, а если шуры-муры, то по согласию и уважению.

Глядя на такой «бардак» я как-то даже зауважал наш народ. Ведь могут же без резни и мордобоя культурно отдыхать!

Да, страна изменилась и всего за какие-то десять лет, пока я лес валил и тапочки шил в местах не столь отдалённых. В такой бардачной стране я всё-таки ещё хотел бы пожить, тем более на свободе...

БЕЗАЛКОГОЛЬНАЯ СВАДЬБА

Кто сказал, что мы, русские, не обладаем чувством юмора?! Например, никто в мире не наступает на одни и те же грабли дважды. А мы можем, при желании, такую процедуру проделать и трижды! вспомните, хотя бы безуспешную борьбу нашего государства с пьянством. Только за 20 век мы успели сразиться с «зеленым змеем» трижды! В двадцатые годы гоняли самогонщиков. Потом Хрущ во время оттепели решил разобраться с ним по-свойски. Но больше всех преуспел Горбач. В 1985 году самыми блатными людьми в СССР, в одночасье, стали продавцы вино-водочных магазинов, торгующих спиртным по талонам. Чем это всё закончилось хорошо известно...

Впрочем, сейчас у меня речь не об этом. Буквально на днях, звоню в редакцию одной уважаемой в городе газеты. Кажется, был четверг. Спрашиваю: «Ну, что летучку «отвоевали?»»

- Отвоевали! – бодрым голосом вещает редактор, похрустывая, очевидно, солёным огурчиком, - Вот сидим отмечаем.

- Что?

- Двадцатилетие со дня открытия организации «Общества борьбы за трезвость». Можно сказать, прямо напротив меня сидит его первый и единственный председатель – Борис... Да, нет! Конечно, не Ельцин! Уральцев! Пришёл самолично сдаваться с бутылкой чистойшей, нашей родненькой, русской. Членским билетом своим козыряет, который у него под номером... в общем, не первым он в СССР таким придурком был... На душе так хорошо! В желудке ещё лучше! Ностальгия...

Намек понимаю сразу – делаю соответствующее предложение-пожелание. Мой душевный порыв пресекает на корню строгий голос на другом конце провода:

- Не успеешь. Слишком много товарищей пожелали отметить эту дату. А бутылка-то всего одна. Давай встретимся где-нибудь посередине.

«Середина», так «середина». Через полчаса уже сидим в одном из городских забегаловок. Предаемся воспоминаниям. Придумывать ничего не надо. И так каждое слово вызывает добрую улыбку.

- Веришь, я ведь, действительно, искренне в то время не пил! – исповедовался Борис Уральцев. - Но как «пошли» талоны на вино-водочные изделия, исправно, как заядлый алкоголик, выстаивал длиннющие очереди и брал, что положено всем. Прозапас... А вдруг гости! А вдруг Новый или Старый год! Иногда в холодильнике скапливалось до 10-20 бутылок. Продукты ставить было некуда! Такого в нашей семье отродясь не было!

- Подумаешь, нашёл чем хвастаться, невидаль – не пил! – вступает в разговор Иванович - редактор. - Да, я не то, что не пил в те годы, даже не курил! Но как только запрет ввели, для всякого такого случая, брагу

поставил. Потом, больше: самогонный аппарат приобрёл. И, тёмными сибирскими ночами, начал гнать – первач! Даже как-то себя романтично человеком почувствовал. Конспирация! Брага побулькивает. Самогон: «Кап-кап-кап...» Как лекарство в капельнице... Жить хочется!

Наверное, этих наших воспоминаний уже не сможет понять современное поколение, возвращенное не натуральном продукте, а на консервантах в виде «Балтики» и «Очакова». Ну, да ладно - не в этом дело... Настоящую ностальгию мы испытали в виде скупых мужских слез, капающих в стакан с водкой, когда услышали рассказ одного подключившегося к нам гражданина, назвавшегося Сергуней... Он чисто случайно подслушал, о чём мы говорим и выказал чистосердечное пожелание внести свою лепту в столь душевно-воскрешающую тему разговора. Оказывается, ему благодаря Указу квартиру дали! А дело, рассказал он, было так:

- Пронюхали мы с моей подружкой, ныне благоверной, Нюской, - вспоминает гражданин, - Что начальство на заводе голову ломает, как бы продемонстрировать любимой КПСС то, что они её постановления любят и трепетно выполняют. Мы в партком, мол, так и так - желаем безалкогольную свадьбу сыграть! А так как это дело рискованное, просим за вредность квартиру в подарок! Представляете, клюнули!

Родственники нас, конечно, поняли, но сомневались: свадьба, да, чтоб без водки – виданное ли дело?! Опасались забастовки со стороны гостей. Конечно, их особым приказом могло нам начальство обеспечить. Но, во-первых, хотелось, что бы на свадьбе у нас собрались всё-таки близкие люди. А, во-вторых, где же у нас в городе взять человек, к примеру, сто непьющих? Пожалуй, и десятка не наберётся, если даже по сусекам поскрести. В общем, стали мы голову ломать, как нам быть. Собрали семейный совет.

- А давай её, сладенькую, перельём в бутылки из-под лимонада! – предложил тесть.

- Не-е-е, - возразила тёща, - Там будет этот, как бы это мягче сказать, «нехороший человек» - Уральцев, председатель «Общества борьбы за трезвость». Он обязательно все бутылки обнюхает. Накроется наша квартира...

Борис, при этих воспоминаниях Сергуни, стыдливо опустил глаза в землю.

- А может под столом разливать! – не унимался тесть, который особенно переживал за последствия нашей идеи.

- Да, что вы? – возразил я, - Там же прессы столько нагонят, наверняка даже из области... А, может быть (чёрт бы побрал, этих корреспондентов!) даже из самой Москвы! Это такой пакостный народ, хуже любого шпики – всё будут на плёнку снимать, а опосля просматривать и анализировать...

Закончился семейный совет далеко за полночь. Было решено водку разлить в бутылки из-под лимонада и выставить в курилках около туалетов Дворца культуры, где должна была состояться свадьба. Наиболее верных родственников поставить на атас, чтобы тот, кто не нужно не пригубил «нашего лимонада». А в качестве закуски оставить там же несколько бутылок настоящей газированной водички. Она же могла пригодиться и в случае неожиданной экспертизы.

Свадьба в целом прошла гладко. И даже, на редкость, дружно. Народ ещё вчера мало знакомый друг с другом, перед лицом общей опасности, как-то по-особенному сплотился. Правда, в начале, всё-таки было немного скучновато. Даже шутки, без всякого злого умысла, получались какими-то натянутыми, провокационными... Например, мне почему-то показалось забавным на выкупе отмочить такую чудь.

Когда подружки начали, как и полагается, клянчить у меня за невесту деньги или жидкий их эквивалент:

- Мы невестины подружки – наливай по полной кружке, чтобы щёчки заалели, чтобы глазки заблестели!

Я, злорадно так, про себя подумал: «Щас, у вас не только глазки заблестят, но и из орбит вылезут!». А вслух, торжественно, произнёс:

- А вы Указ читали?! - и вручаю им по бутылке чистейшего кефира. Надо было видеть, как лица у подрунь перекосились. Такой подлости они с моей стороны не ожидали. Я понимаю, что за такие шутки надо морду бить, но уж сильно хотелось квартиру получить...

Но такая кутерьма и непредсказуемая неразбериха продолжалась до первого перекура. А «курили», как вы понимаете, в тот свадебный вечер все. Причём, много. Тех, кто слишком «обкуривался», немедленно перевозили на квартиру жениха, где всё было по-человечьи. За этим строго следила тёща, которой страсть как не хотелось, чтобы молодожены, заехали в её просторную трёхкомнатную квартиру. Однако, без курьёзов не обошлось...

Перво-наперво, мы «подорвались» на товарище Уральцеве. Надо сказать, что, действительно, это не человек, а – засада.

При этих словах Борис уже нервно заёрзал на месте.

- Так вот, он ещё когда, мы по обоюдному согласию с администрацией Дворца, поднесли музыкантам во время перерыва нашего лимонада (не звери же мы!), чтобы ребята, так сказать могли освежиться, он подозрительно стал водить своим носом в их направлении. Выручила подружка невесты, которая почуяв опасность, вылив предварительно на себя пол флакона духов, повисла у него на руке, стесняя тем самым его свободное передвижение по залу.

Но такой тактики сдерживания хватило всего на час с небольшим. Мы видели, что его подозрительность от минуты к минуте повышает градус. И вообще человек явно нервничал, пытаясь прорвать нашу дружную оборону. Когда же все сдерживающие факторы были

исчерпаны и он-таки вырвался из цепких объятий подружки невесты, стало ясно, что он попытается скрыться от неё в мужском туалете – то есть в самом уязвимом, для нас месте. И хотя группа отцепления была предупреждена о надвигающейся опасности в этом «заведении» уже стоял такой специфический запах как-будто в унитазах вместо воды тёк чистейший спирт и этот дефект никакими дезодорантами выветрить было невозможно... Словом, надо было искать нетрадиционное решение... И оно нашлось само собой...

Когда Уральцев сквозь клубы табачного дыма всё-таки пробрался в отдельную туалетную кабинку, наши наблюдатели установили удивительный факт: после проведения необходимых общеизвестных человеческих процедур, культурный товарищ Уральцев, почему-то не использовал смывное устройство, а из кабинки, кроме страстных булькающих звуков его горла, не доносилось вообще ничего. Второй факт, выйдя из кабинки, он заедал эти бульки, стыренной со свадебного стола шоколадной конфетой. И третий факт... Когда наши эксперты внимательно обнюхали только что покинутый им «отельный кабинет», ими было установлено, что в тонкий запах нашего лимонада вплетается грубый запах сивушных масел, явно кустарного производства... Ну и уж когда, явно взбодрившийся товарищ Уральцев, вернувшись на закрепленное за столом ему место начал не кушать, а явно смачно закусывать - всем стало ясно, что один из опаснейших гостей нейтрализован... Это очень ярко подтвердили быстро последовавшие за тем события. После неоднократного индивидуального посещения товарищем Уральцевым полюбившейся ему туалетной кабинки, вскоре не подружка невесты висела на нём, а он на ней. Когда же он начал пытаться зычно, при полном отсутствии голоса и слуха, неожиданно для всех, петь «Не мороз меня, а моего коня!», члены профкома сочли сделать вид, что это очень весело и удачно... А потом поспешили увести председателя «общества трезвости» репетировать его выступление в кабинете у директора Дворца, после чего ни их, ни его мы уже не наблюдали. Наши разведчики донесли, что из кабинета они так и не появились до конца свадьбы. Хотя репетиция явно проходила успешно... Об этом свидетельствовал то факт, что, вскоре, обозначенную за столом песню и ещё несколько подобных исполнял уже весь, убывший на подготовку выступления квартет. Делал он это не очень стройно, но вдохновенно.

И журналистов мы тоже зря боялись! – заканчивая свой рассказ, сказал гражданин Сергуня, - Они, конечно, обо всём, не сразу, но догадались... Переломный момент наступил тогда, когда похищенную невесту бросились «искать» все родственники с одной и другой стороны. Буквально следом за ними устремились музыканты. А ещё через минут 20 журналистам уже некого было фотографировать в банкетном зале – эпицентр свадебных торжеств переместился в холл подвальных помещений с кодовыми

названиями «М» и «Ж». Заинтересовавшись происходящими событиями журналисты, естественно, последовали за всеми... Да так и остались там, разделив общую судьбу безалкогольной свадьбы. Конечно, этот эпизод в первоизданном своём виде не был отражён ни в одном из репортажей. И хотя интерпретации столь важной, можно сказать, «государственной», свадьбы были разными, но все - в духе того времени и последних решений партии и правительства.

НОСТАЛЬГИЯ

- Собрание нашего подпольного комитета по вопросу международной безопасности пролетариата считаю открытым... - шепотом сообщил председательствующий. Раздались жидкие, но продолжительные аплодисменты...

- Слово для приветственного слова к участникам собрания нашей региональной ячейки предоставляется уважаемому Иван Ивановичу Железному...

Из дальнего угла, плохо освещенного керосиновой лампой, поднялся человек, средних, во всех отношениях, лет. Когда он, протиснувшись сквозь ряды сидевших на полу людей, занял своё место среди членов президиума, стоявших навтыжку перед собравшимися, присутствующие смогли хорошо разглядеть его «видавший виды» френч военного покроя, рябоватое лицо и шикарные тараканьи усы, над которыми нависали два прищуренных скорее азиатских, нежели русских глаза.

- Уважаемые товарищи, по поручению комитета нашей партии, я передаю привет от всего мирового пролетариата, который успешно осуществляет контроль над главным ресурсом нашей среды обитания...

Время, как говорил наш великий вождь, политических проституткок закончилось – пора приступать к активным действиям и овладеть всеми стратегически важными объектами, которые нам остались...

Мы хорошо понимаем, что в сложившейся мировой обстановке, игра в демократию смерти подобна! История нас учит, что любая политическая партия – это путь и средство для прихода к власти, не тех, кто состоит в партии, а тех, кто стоит за всеми партиями вместе взятыми. Мы были нужны только для того, чтобы поделить всё мировое пространство на социальные резервации, а теперь нужны – для соблюдения порядка в этих социальных лакунах. Наконец-то мы теперь все равны, в рамках отведённых нам территорий! Самое время осознать, что главная цель нашей миссии – равенство, братство, свобода для нищих и среди нищих – успешно достигнута! Осталось только приучить политически несознательных товарищей не нарушать установленные международной конвенцией для партий и движений, границ этой, так сказать, экономической свободы...

Собрание закончилось под утро. Серые тени его участников короткими перебежками быстро рассредоточились по ближайшим подвалам и канализационным люкам....

В штабном подвале, остались три человека: две особи мужского и одна женского пола. Представитель последнего биологического вида, выполняя законную роль хозяйки явочной квартиры, накрыла шикарный стол и пригласила, так сказать, мужчин присесть за него. Прежде чем приступить к трапезе товарищи, придав своим лицам вид ликов,

негромко спели несколько куплетов из партийного гимна «Весь мир проклятем заклеименный...». Только после этого священного ритуала они решились приступить к употреблению, того, как говорится, чего вождь послал. И потекла мирная застольная беседа...

- Товарищ, Краснопольский, передай, пожалуйста, бутерброд, вон с той рыбкой...

- Ради бога, Иван Иванович, закусывайте. Машенька, а как насчет икорки для нашего гостя? Под «беленькую», милое дело!

- Конечно, вот, еще из старых запасов, - услужливо, застенчиво улыбаясь, предложила женщина. И, немного виновато, поинтересовалась: - Иван Иванович, как прошло собрание актива?

- Вполне, вполне! – пробасил гость. – Идеологически товарищи совершенно верно мыслят. Оппортунистов мы в своих рядах не допустим. Вся надежда на таких верных товарищей, как твой супруг. А ты сам, Краснопольский, как думаешь?

- Никакой пощады отщепенцам! Надо сделать всё возможное и невозможное, чтобы не допустить раскола. Пожалуй, за это стоит выпить, Иван Иванович...

- Принимаю предложение с большим удовлетворением. Мы всем пособникам мирового империализма ещё покажем «кузькину мать»!

- Ура! Победа будет за нами! – вполголоса поклялась партийная тройка. И, чокнувшись, залпом, осушила наполненную до краев посуду.

- Вот, отведайте, дорогой гость, - засуетилась Машенька. – Грибочки с последнего подвоза. Отличная закусочка!

Тебе, дорогой товарищ Краснопольский, - искоса, вожделенно поглядывая на Машеньку, смачно хрустя грибами, заметил Иван Иванович, - Надо как следует отдохнуть. Нам сейчас нужны стойкие, крепкие кадры. Знаешь, что махни-ка за город, на недельку другую. А то нам с тобой дерьма, в прямом и переносном смысле, ещё разгрести да разгрести...

- Я понимаю, понимаю... - пролепетал Краснопольский. – Когда прикажете?

- Немедленно. Враг не дремлет. Раньше уйдёшь – не скоро придёшь. Свой плацдарм, ради нашего будущего, надо отстаивать до последней капли крови. Кстати, заодно, по пути, проверь посты и, знаешь что, передай товарищам из нашего НЗ (неприкосновенного запаса) по сто грамм наркомовских. А так же общий, пламенный, большевистский привет...

... Когда дверь за Краснопольским закрылась, Машенька бросилась на грудь Иван Ивановича и восторженно заверещала:

- Миленький Иван Иванович, да я за общее дело себя не пожалею!

На почерневшем подвальном потолке, качнулась тусклая, загаженная мухами лампа. Две тени, свившись в один клубок, плюхнулись во что-то наподобие кушетки, бока, которой были изъедены

крысами. Одна из них, под шумок, забралась на ящики, застланные газетами, на которых зияли остатки угощения: банка кильки, банка кабачковой икры, куски хлеба и бутылка спирта промышленного происхождения.

... Краснопольский, выбравшись украдкой из подвала, направился к ближайшему мусорному контейнеру.

- Стой! Кто идет?! Пароль?! – раздался, откуда-то из темноты, простуженный голос.

- Смерть дермократам!

- Краснопольский, ты чё ли?

- А то не видишь?

- Так ведь, темень-то какая...

- Единороссы, справедливороссы, либералы не рыпались?

- Да. Ты чё?! После вчерашнего, они морды свои еще недели две будут зализывать!

- Будьте начеку. По оперативным данным, к нашему району, начинают подкрадываться некоторые из бывших новых русских, которых вытеснили с шикарных курортных помоек. Они то же свою функцию уже выполнили... Так вот, лично, головой, отвечаешь за каждую объедку, пустую бутылку! Этим прихвостням империализма, кровососам народным – ни капли нашего дерьма!

- Ты чё раскипятился-то! Понял я, всё понял!

- Ладно... Вот тебе и всем товарищам, дежурящим на ближайших точках в нашем квадрате, лично от Иван Ивановича и всей организации, для сугреву. С Новым годом, товарищ!

Так начинался новый 2050 год, в одном из провинциальных сибирских городков, когда вся нефть и газ из Сибири уже были выкачаны, и Россия перестала интересоваться подпольное мировое правительство как сырьевой придаток. Демократия, по-гречески, победила: социальная справедливость для немногочисленных свободных граждан, владеющих всеми материальными благами на земле - восторжествовала, превратив всех членов разномастных политических партий в рабов, которые, по инерции, продолжали вести друг с другом политические баталии.

САМОЗВАНЕЦ

Самые узнаваемые лица в нашем городе у мэра, депутатов и кондукторов. С первыми всё ясно: они не «сходят» с экранов телевизоров, мелькают на страницах газет. А кондукторов «не стерёшь» в трамвайных вагонах: мелькают по сто раз на дню перед глазами, как назойливые мухи. А так как народ в нашем городе преимущественно, особенно мужская половина, склонный к употреблению расслабительных напитков не реже пяти раз в неделю после работы, то они по утрам или, к примеру, к вечеру не то, что мэра от кондуктора, но, подчас, и собственную жену от тещи не в состоянии отличить. Это и стало причиной одного из казусов, произошедших недавно в одном из питейных заведений нашего города.

Один из кондукторов нашего трамвайного предприятия решил в выходной день расслабиться перед банькой, буквально, кружкой пива, в одном недалеко располагающемся от его дома пивном баре. Надо сказать, что человек он весьма приличной, я бы даже сказал, представительной наружности. А в этот день, по случаю неработы, оделся, как подобает: сорочка белая, штиблеты на тонкой подошве и даже галстук... Для окончательного завершения его интеллигентного образа только шляпы не хватало!

Ну, значит, зашёл. Заказал, что полагается. Сидит никому не мешает. Время – час пик. Мужики после смены подвалили. Так и так, культурно спрашивают, можно присесть около вас. А почему же нельзя?

Сидят, выпивают, беседуют на разные житейские темы. Где-то после второй кружки «братского», один, прищурив глаз, вежливо обратился к кондуктору:

- Чё-то мне твоя наружность больно знакома. Может где встречались, или пили вместе?

Васе (так звали кондуктора) такие вопросы уже давно поперек горла стояли. Не то, чтобы он был человек нервный, но, как говорится, всему есть предел. В этот момент он наступил. И не т, чтобы со зла, так шутки ради, он возьми, да и брякни:

- Ты чё своего собственного мэра не узнаешь?

На мэра Ивану (так звали собеседника Васи) было, конечно, глубоко наплевать, но интонация голоса Васи, видимо, ему не понравилась. Словом, над столиком случайных знакомых нависла тягостная тишина. Смысл её кондуктор сначала не понял.

- А-а-а! Это ты... ты... - крышу в нашем доме не починил в этом году? – как-то подозрительно вкрадчиво спросил один из собеседников.

Вася, входя постепенно в приятную роль, решил продолжить розыгрыш.

- Крыши, унитазы, бездомные собаки – не моя компетенция! Записывайтесь на приём к моему заместителю. Я занимаюсь

исключительно государственными делами! – как можно небрежнее отчеканил кондуктор. Типа пошутил. Но такие «шутки» в приличном месте всегда не в жилу. Об этом должен был бы знать Вася...

- Зна-а-а-чит, - чуть заикаясь, продолжил так же тихо, но настойчиво Иван, который был прирожденным любителем автомобилистом, - Автогражданка твоих рук дело?

Вася почуял какой-то подвох в этом вопросе, но отступить было уже поздно.

- А в чем дело? Трамваи, по крайней мере, от неё никак не пострадали! – пытался он защититься.

- Трамваи!? – хором завопили мужики, сдержанно сжав руки в кулаки. – А льготы ты куда девал?! Стариков и детей из вагонов, можно сказать, «на пиках» выгоняют!

- Так кондуктора, ведь тоже люди – это их зарплата! – уже завёлся Вася.

И зря.

... За соседним столиком сидели тоже приличные люди. И им тоже было глубоко наплевать, как выглядит мэр. Но и они, неволью, поняли, что бить собираются именно его. Решили сделать доброе дело – позвонили в милицию и сообщили, что мэра сейчас по стенке трудовой народ будет размазывать. Через минуту здание пивбара было отцеплено усиленным нарядом милиции. Впрочем, милиция, похоже, тоже не спешила вмешиваться. Случайно это или не случайно, но все ждали, когда инцидент достигнет своего логического завершения.

Выкрики Васи: «Братцы! Да, пошутил я! Кондуктор я обыкновенный!» – не возымели своего действия. То ли кондукторов также не любили, как и мэров. То ли ещё, по какой причине, но из толпы, дружно присоединившейся к работягам, раздавались примерно такие лозунги: «Как пакостить так - мэры! А как отвечать, так сразу кондуктора-стрелочники! Дайте-ка я ему в глаз заеду от имени всего трудового народа!».

Когда в милиции всё же разобрались в чём дело и кто есть кто, решили, что дело пахнет политикой. Доложили, куда следует и кому следует. И в журнале происшествий появилась такая запись: «12 сентября в пивбаре Н. гражданином приличной наружности К.В. было сделано провокационное заявление, что он мэр города. В результате пьяного сговора, данному гражданину были нанесены незначительные телесные повреждения сознательными жителями города не потерпевшими со стороны самозванца столь явной лжи».

КАК ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА МИЛЛИОНЕРА

Раздражает меня одна реклама: деваха, стройная как газель, при виде предпринимателя, фланирующего вдоль побережья какого-то южного моря на собственной яхте, начинает изображать, что тонет... Благородный мужик спасет «несчастную» и, очарованный, надо полагать её телом, жениться на ней... И в итоге звучит томный, но бодрый женский голос за кадром: «Если хочешь выйти замуж за миллионера, ты должна быть в тонусе!»

Может быть, конечно, в нашем городе миллионеры и есть. Но уж сильно шифруются. Сурьезные предприятия, можно сказать, гибнут на корню, а магазины и бутики растут, как грибы после дождя и при этом кто их строит практически неизвестно... Опять же, моря у нас под боком нет, а в Ангаре не то, что тонуть, купаться дуборно!

Да, и потребности у нас, сибирячек, поскромнее. Но приёмчики свои всё-таки, какие ни какие, тоже имеются!

Вот, намедни, мне Петруха звонит. Покалякали, так ни о чем. Через пол часа снова звонит. Ну, я возьми, да и брякни ему: «Всё, Петруха, теперь ты, как порядочный человек, должён меня замуж взять!». Уже третью неделю от него ни звука...

Или, к примеру, заходишь в пивбар. Оценивающим взглядом осматриваешь клиентов. Покупаешь «наживку»: чекушку водки и пачку сигарет. Присаживаешься. Изображаешь из себя одинокую леди. Обязательно, какой-нибудь «гусь» клюнет! И, если не замуж, то на ночь хахаль обеспечен!

А если по-серьёзному то, это, обязательно, надо идти в ресторан: там публика посolidнее. Правда, подороже обойдется, но на какие жертвы не пойдёшь, чтоб замуж, да ещё повыгоднее!

Тактика такая же, что и в баре, но прикид соответственный на тебе должен быть и, главное, сразу не сдаваться. Пусть «гусь» деньгами поссорит! Можно ему позволить потанцевать с собой, руками потрогать, но не более! И, непременно, на прощанье, телефончик свой всучить. Ну, а дальше, на неделе, пикники, сауны и всё такое... Когда всё произойдет – всплакнуть: «Вы меня не за ту приняли, я девушка порядочная, одинокая...». В общем, если не замуж, то любовницей приличного человека можно стать.

Ну, а ежили еще серьёзнее, то надо... Встать на учет в Городской центр занятости! Окончить курсы, как это... Ну, в общем, секретаршей заделаться! А еще лучше, устроиться продавщицей в супермаркет! И каждый день ходить туда в «боевой раскраске»: юбка мини, прозрачная кофточка, декольте такое, чтоб крестик, лежал на груди горизонтально, и его видно было без бинокля. Словом, выходить на работу, как на охоту...

И не расслабляться! Внимательно смотреть кто из мужиков, что покупает, как деньгами сорит. Выбрать самого жалостливого, плешивого, который регулярно покупает самостоятельно продукты питания. Он, «железно», либо холостяк, либо у него жена – гримза! И хавчик, скорей всего, он готовит сам.

Выследила, не зевай! Сделайся его постоянной «проводницей» по магазину. Каждая покупка – твой выбор, так как будто ты о его здоровье заботишься больше, чем о своём! «Плешивый» должен привыкнуть к тебе, приручиться...

Дальше - больше. Постепенно выясни, женат он или нет. Если женат – не тушуйся: это несчастливый брак! В один из моментов попробуй выяснить, что и как из выбранных продуктов его половина, может быть, что-то готовит. Предложи свой сногшибательный рецепт. Остается только договориться, где и когда вы займетесь приготовлением желанного блюда.

А когда «блюдо будет готово» - не спешите! Сделайте ещё несколько совместных «контрольных» закупок и индивидуально приготовленных вами таких же вкусных обедов. Пусть ваши «блюда» станут неотъемлемой частью его жизни. Помните: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок!» А в один прекрасный момент, всплакните, расскажите, что он тебя не за ту принял и что, вообще, вы одинокая и беззащитная...

- Мать! С голоду подыхаю, скоро ты там!?! – раздался голос из комнаты. Люся (так звать нашу героиню), устало подняла глаза на толстое рабоче-крестьянское «чудовище», лежащее на диване с газетой в руках перед телевизором.

«Вот, гад, даже помечтать не даёт!» - подумала женщина про себя и, как можно ласковее, вслух, ответила:

- Готово, милый, жрать подано...

КОШКИН ДОМ **(из мира бродячих животных)**

Чего у нас в городе только нет. Даже есть Кошкин дом! Так прозвали сантехники один из домов, расположенных по улице... а, впрочем, это неважно. В сухом подвале его живет, припеваючи, несколько десятков бродячих кошек. «Припеваючи», потому что пицци и зимой и летом предостаточно: раньше кошек и котов подвал облюбовали мыши. Точнее, не подвал, а кладовки жильцов, которые образцово хранят в них овощи и другие продукты питания.

Весной, как только начинает припекать солнышко, кошачье сообщество предпочитает отдыхать на молоденькой травке, аккурат около дома, напротив мусорного контейнера. Там-то я и подслушиваю различные кошачьи истории...

История первая

- Ох, и тяжела жизнь котячья! – простонал Тимофей, тоскливо разглядывая в зеркале свое помятое лицо. – И вроде в городе завидное положение отлежал, а плюнуть не в кого. Того и гляди, за усы оттаскают...

А рассуждал Тимофей так по той причине, что, намереваясь, используя свое служебное положение, он попытался мяукнуть во всеуслышание...

- Настоящая глупость – дар Божий, - размышлял Тимофей, держа за хвост мышку. Ту самую, которая бежала, хвостиком задела и яичко разбилось...

- Я всегда не мог понять эту глупую сказку, - продолжал философствовать кот, преданно и сочувственно, глядя в глаза своей собеседнице.

- Пи-и-и? – вопросительно пропищала мышь.

- Ну, сама посуди?! Абсурд какой-то! С самого детства слышу: «Жили-были, дед да баба. Была у них курица Ряба. Снесла она яичко. Дед бил-бил, баба била-била!! Не разбили... Мышка бежала, хвостиком махнула – яичко и разбилось. Плачет дед, плачет баба. «Не плачьте деда, не плачьте баба! – говорит, курочка Ряба. – Я снесу вам яичко не простое, а золотое...»

- Как тебе такой поворот сюжета? Прямо детектив какой-то! То они били-били яичко, можно сказать, вспотели, но не смогли разбить. А когда мышка, добрая душа, им помогла дело сделать, вдруг, разрыдались. Мало того, курочка им, ни с того ни с сего, пообещала за это золотое яичко. Что б все так жили!

- И вообще, старушка, - продолжал Тимофей, попивая небольшими глотками валерьянку, обращаясь к мышке, - Роль котов и мышей в человеческих сказках какая-то, мягко говоря, странная.

- Пи! – одобрительно мотнула головой мышка.

- Тянут-потянут, вытянуть не могут! – передразнил кого-то невидимого кот. – Репка – пребоольшая! Да она, так бы, в натуре, и осталась в земле, если бы не наш брат! Нет, ты не подумай, я прекрасно секу, что эта сказочка – пропаганда коллективного труда. Но зачем нас-то впаривать в эту историю!? Ведь наша мудрость гласит: «Кошка всегда гуляет сама по себе!».

- Люди эти, вообще, сплошные дурни! – все больше и больше распалялся философ. – Представляешь, они воображают себя нашими хозяевами!? На самом деле им просто очень повезло, что мы не умеем говорить на их тарабарском языке. А то бы мы им столько порассказали о них, что... - Тимофей задумался.

Мышка, используя эту театральную паузу, хотела благополучно удалиться. Но не тут-то было. Тимофей контролировал ситуацию: небрежно, лениво, можно сказать, по-дружески, накрыл мышь своей лапой. Да так, что у той дух перехватило. И, как не в чём бывало, продолжил:

- Мишка с первого этажа – вешает лапшу на уши своей Машке, притворяясь, будто каждый вечер бегаёт кроссы! Его «кросс» заканчивается в соседнем подъезде у Верки! Причем, в её постели!

Гришка-слесарь, по крайней мере один раз в месяц, самолично срывает хомуты с труб в подвале, с целью сбора денег с жильцов на бутылку, якобы для ремонта отопительной системы!

У Светки, дочери самого Сан Саныча, с которой он дома пылинки сдувает, три хахалы! Папа о них вообще не знает ничего. А каждый из них думает, что он единственный!

Старший инженер завода стучит на своё начальство в письменной и устной форме (по телефону), аж, в саму Москву! А записку прячет от жены в подвальной кладовке, в чехле из-под инструмента.

Во время последних выборов в думу, Сидоров страшный друг Петрова, целовался с ним публично в засос, а ночью на агитационных листовках, расклеенных по всему городу, подрисовывал ему рога! И напротив его фамилии крупными буквами писал различные ругательные слова!

В местной больнице, по утверждению департамента здравоохранения, нет постельного белья, лекарств, кормежка – кот заплакал! Больные лежат вперемешку по пять человек в палате! А Петр Петрович, из сороковой квартиры, целую неделю провалялся в отдельной палате с телевизором, холодильником и персональной медицинской сестрой, которая по часу и более, при закрытых дверях,

делала ему какие-то процедуры! Проживание оплачивала администрация города!

Директор одного из престижнейших учебных заведений города, проживающий на третьем этаже, вчера, напившись вдрызг, просил у Бога прощения за то, что обирает несчастных родителей. Предлагал Всевышнему взятку, чтобы на том свете он замолвил за него словечко: не ради, мол, живота своего стараюсь, а ради детишек! Но и тут слукавил! Конечно, ради детишек, но почему-то забыл уточнить, что своих!

Да, что там! – Все кто старше 10 лет в городе – пьют, по крайней мере, пиво, покуривают тайком и строят глазки друг другу, только и дожидаясь удобного случая, чтобы зазевавшийся супруг, супруга или родители свалили из дому куда-нибудь этак на денька два или по более.... Какой же это Кошкин дом!? – Что ни на есть, настоящий Садам, причем, как и полагается – человеческий!

Мышка на это ему уже ничего не ответила, потому что была мертва. Кошки, подслушивавшие этот монолог Тимофея, были уверены, что смерть наступила от тяжелой котячьей лапы. Сам же кот придерживается версии, что кончина наступила вследствие передозировки правды.

История вторая

Кот Васька был блудливым. Об этом в Кошкином доме знали все. По-молодости, когда они с Муркой, сошлись как-то около печной трубы, он, бывало, такие рулады пел, что все кошки в округе его избраннице завидовали. Вот он и распустил свои усища...

Со временем, Васька стал валерьянку не в меру попивать, да на хвосты других кошек заглядывать. Не успел оглянуться, как около каждой ближайшей помойки, начали появляться котята подозрительно похожие на него. Стали все друзья похихикивать над Муркой, а она, по-прежнему, без памяти верила своему Васе. Хотя и стала замечать, что он исхудал, шерсть повисла клочками, голос охрит. Но чем больше он таскался, тем больше она его жалела. «Совсем изработался, бедолага, - размышляла она, - Каждую ноченьку без роздыху работает! Всё обо мне, да о наших котятах печётся!»

Васька почуял такое дело и вовсе перестал мышей ловить. Ходит по двору, хвост трубой, глаза замороженные: ни то, что котов, даже собак в упор не видит. Специально вечером из подвала выйдет. Лениво потянется. Сядет около подъезда и ждет, пока кто-нибудь из жильцов своего пса выгуливать выведет.

Вскоре, появлялась «жертва». В этакой связке: хозяин, а на поводке у него собака. Васька, презрительно прищурившись, даже ухом не вёл. Бедная собачка, оскорбленная таким неуважительным

отношением, лаяла до обморока. Рвала и метала до такой степени, что, невольно, вскоре хозяин оказывался уже на поводке у пса. Так и таскал он за собой недоуменного человека, что уже было не понятно – кто кого выгуливает.

А Васька лишь, неспешна, менял диспозицию, хорошо понимая, что его, в случае чего, «спасет» любое ближайшее дерево. Это «представление» очень нравилось всем обитателям Кошкиного дома. Ваське завидовали. Васькой гордились. Ваську обожали кошки со всех ближайших подвалов и помоек.

Но время шло и, как это водится, Васька постарел. Валерьянка, слишком частые «трудовые ночи», «кобелирование» - сделали своё дело...

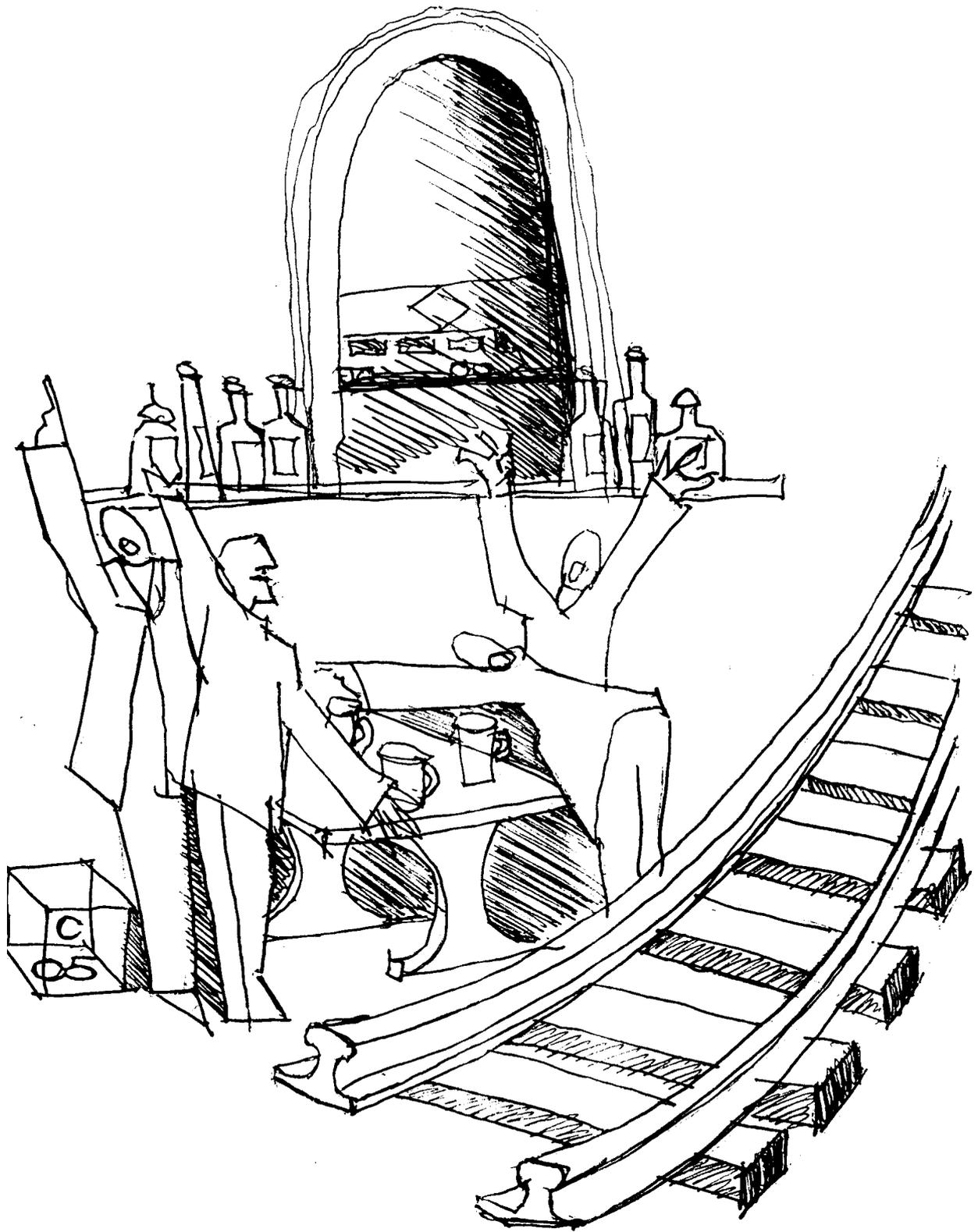
Сначала, подросшие котята, стали больно бить его лапой промеж ушей. Потом, в гостях у знакомых кошек, стали все чаще встречаться посторонние коты очень недружелюбного вида. И, наконец, постаревшая Мурка, которая по всем подсчетам Васьки, должна была с возрастом видеть всё хуже и хуже, вдруг, прозрела! А, может быть, ей просто «добрые кошки» глаза открыли: уж слишком много стало в квартале подрастать Васиных двойников. Как будто их кто-то клонировал. Даже сам Васька стал шарахаться от них. Идет, бывало, а на встречу ему – он сам! Жутко... Ни какая валерьянка не помогает.

Словом, ушла Мурка в соседний подвал к какому-то Семёну, не захотев, ни за какие колбасные обрезки, иметь больше дело с Васькой. Остался он один...

Мыши прямо перед носом бегают, за усы таскают. Молодые коты, при встрече, снисходительно шипят, проходя рядом с ним, как с пустым местом. На крышу подняться, больше нет сил. Одно утешение: летом полежать на солнышке погреться, а зимой, если повезёт, около теплой трубы. И, положив морду на лапы, прикрыв глаза, мирно думать:

«А все-таки, жизнь моя - вечная! Ведь столько обличем и нравом таких как я расплодилось в нашем районе, И, клянусь, своим хвостом, это ещё не предел! Наверное, в этом и есть смысл жизни...»

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИОАННА БУБЛИКОВА



«Дурдом уполномочен заявить...»
Юрий Козлов

- Старость – это отбывание срока за грехи, совершённые в молодости.
- Зелёный Змей, болящую душу не исцеляет, а отравляет. На то он и змей...
- - Человек – высшее достижение природы! - изрёк философ. И, подумав, добавил. - Или её веселое недоразумение...
- Философский камень был найден тогда, когда философы научились скверну человеческую превращать в золотые словеса.
- Человек - это текст, который пишется только набело. Пиши грамотно!
- Грустно, когда верховный правитель страны имеет социальный интеллект обезьяны...
- Слепые на земле, мы прозреваем в небесах.
- Пью от горя, пью от счастья и не пойму, то ли горло моё пересохло, то ли сердце...
- Я не умру – прилягу в землю передохнуть.
- Я увеличиваю пространство своего бытия за счёт увеличения пространства своего сознания...
- Многотрудные путешествия по лабиринтам своего сознания, дают мне необходимые навыки общения не только с самим собой, но и с другими людьми...
- Трёхаршинное сознание человека, по А.П.Чехову, свидетельствует о наличие признаков трупа.
- После 13 дней новогодних праздников жизнь кажется круглой как чемодан...
- Валенки до колен на ногах сибирского паренька – это два его отмирающих крыла...

- Когда что-то делаю, стучишься головой об стену - по судьбе разносится звон пустеющей души...
- Пустыне подобная душа способствует вымиранию сердца...
- Смерть угрожает каждый день живому человеку, потому что слишком велик соблазн преждевременной духовной смерти...
- Рождество – сомнительный для «антихриста» праздник.
- Смертельно когда всё обычно...
- Иногда жизнь – это стихи с окнами людей, а иногда наоборот – это окна в жизнь людей.
- Когда подстригают мои волосы - меняется прическа моей души...
- Самое прекрасное время для человека, когда он на листках пелёнок и клочках подгузников записывает летопись эпохи...
- В сумрачное и лихорадочное время самое лучшее лекарство для меня это микстура стихотворения.
- Если ты приковал на цепь воображения дождь – дай ему пролиться и напоить землю...
- Если снегопад – дай ему он потеплее укутать деревья и дома.
- Если два корявых тополя перед твоим окном – отпусти их погастись в траве. А лучше преврати их в людей и вдрызг напои вином, что выведать у них тайну слов, осыпающихся листьев...
- Домашняя жизнь может превратить человека в домашнюю кошку или комнатную крысу...
- Безмыслие не страшно, если это штиль, хуже, когда это застой, который от брожения ума начинает извергать зловонные слова...
- Как только раздаётся барабанная дробь в моей судьбе, рука «чешется» вскинуться к голове, а горло выпалить «Всегда готов!»
- Человек – это мыслящее дерево.
- Каждый человек не только часть жизни, но и часть смерти.

- Настоящая поэзия – это неправильная жемчужина.
- Из пяти пальцев можно сделать фигу, а можно кулак, но каждый раз значение этих фигур будет разное...
- Если ты не платишь за телефон, но тебя не отключают, значит это кому-то нужно.
- Когда быт из потребности физической превращается в потребность духовную - человек превращается в творца, но когда творчество начинает подменяться привычками и стереотипами, он становится рабом.
- В моей голове каждый день мучаются несколько мыслей...
- Если одиноко – разорви ночь на клочья безжалостных, но жалящих строк.
- Ночь как шрам у дочки на лбу...
- Когда лирично на душе, небрежно размешиваю в кружке с чаем ломтик луны.
- Лучше быть с сумою шедшим, чем с ума сошедшим, воображающим себя мир знающим.
- У рабства быта ночь – территория свободы.
- Для горожанина электричка может быть длиною в вечер, а для железнодорожника – длиною в жизнь.
- Пока руки превращаются в крылья, всегда остается шанс стать птицей.
- У человечества ещё не пересохло небо на губах...
- Когда на улице капель, даже воробьи поют окапельно...
- Особенно хочется съесть то, у чего цены не по зубам...
- Обнажённая шляпа тоже может быть оружием...
- Если хочешь разобраться с собой основательно, разбери сначала книги на полке и старые записи в блокноте...

- Несвобода - это, когда солнечным весенним днем тебе хочется стать воробьем, и ты завидуешь быстрым и вольным кошкам, грациозно шествующим по верхней кромке забора...
- Любовь - это когда при виде женщины сердечко в груди начинает прыгать, как мячик...
- Нырание в себя должно быть по времени непродолжительным, иначе захлебнешься собственными мыслями и задохнешься от собственных чувств...
- Подмена образования потреблением продуктов массовой культуры приводит к подмене образа человека образом зверя.
- Россия - это не географическое понятие, а способ кому-то выживать, кому-то жить.
- До Бога высоко, до Москвы далеко, Усолье – рядом, а Россия, увы, везде...
- Президент, губернаторы, мэры, депутаты – не следствие, а похмельное последствие нашей жизни...
- Иногда пресса так прессует, что любого железного человека может превратить в жалкую жестянку...
- Настоящие поклонники это не те, кто бьёт поклоны, а заставляет кланяться своих кумиров...
- Честность – это не чистоплюйство, а свойство характера чистильщика, убирающего скверну людскую...
- Всё в мире проходящее и уходящее, и только глупость человеческая вечна...
- Самая страшная несвобода – безделье...
- Потеря себя сродни потере денег. Важно не только вернуть утраченное, но и приумножить его...
- Как рыба может жить в определенной среде обитания, так и человек рано или поздно задохнётся без единомышленников...

- Одиночество – это диагноз...
- Нет ни счастливой жизни, ни счастливой смерти, есть право человека страдать, прощать, любить...
- Влюбленные всегда правы...
- Редактор, проработавший в журналистике 25 лет, пришел к выводу, что человек, если и венец природы, то терновый...
- Студент филфака, сдав экзамены по зарубежной литературе, глубокомысленно заявил: «Если правда, что человек дело рук Бога, то они у него уже давно отсохли...»
- Самые трезвые политики – пьяные граждане в пивных барах России...
- Когда пространство ограничено квадратом комнаты, становится квадратной голова...
- Вдохновение – это когда с утра пальцы рук прорастают ветром...
- С вечера все спали вповалку кто с кем, но ни с кем попало...
- Надо работать! Только она воскрешает... Это – масленица моей души...
- Радость тогда светла, когда она наподобие улыбки брошенного котёнка, которого ты подобрал на помойке...
- Я сжигаю себя, слепленного из газетной бумаги...
- Когда обида штормит – сердце к сердцу потихонечку правь...
- Пересыпаю зёрна слов своих перед тем, как намолоть из них чувств муку и выпечь душистое стихотворение...
- У каждого из нас в норе сердца живёт Шариков, важно его не выпускать наружу...
- От перестройки до перестрелки – один шаг ...
- Когда хочешь, чтобы небо стало ближе, остерегайся, чтобы оно не придавило тебя...

- Небо имеет свойство изображать облаками полёт...
- Если долго смотришь на звезду, - неминуемо становишься ею...
- Когда солнце падает в лужи, там же и твоё небо...
- Когда в тебе зашевелились стихи – замри и жди, пока они сами прорастут...
- Чтобы костёр не захлебнулся от дождя, - дай ему покусать сухих веток, заслони от порывистого ветра. Так же и сердце человека в непогодь судьбы требует поддержки и внимания...
- Когда, бродя по жизни, то и дело натыкаешься на собственные выдумки – не прячься от себя: настала пора быть собой...
- Если б люди каждый день видели звёзды!
- Хвастливое одиночество бывает только у юности...
- Самая трудная работа поэта - собирать себя из случайных взглядов, потаённых вздохов, оброненных на ходу слов...
- Когда квартирой завладевает мебель, человеку там места не остается...
- Учитель с учениками должен делать не аэропланы, а превращать их души в изящных мотыльков...
- Помыслы сильных мира сего чисты и прозрачны, как мираж...
- Деньги материализуют не в вещи, а в смыслы, которые потом читаются в вещах...
- Государство - не аппарат насилия, как это принято считать, а фабрика обмана сильным слабым...
- Я всегда был гражданином несуществующей страны. В СССР – России. В современной России – гражданин СССР...
- Велика Россия, но отступать некуда – за нами Сибирь...

- Что для единоросса «дело в шляпе», то для сибиряка дело в шапке...
- Нам говорят: «Вы свободны! Но... в специально отведённых для этого местах...»
- Квартира в тоталитарном государстве – это социальная резервация, в которой человек может быть относительно свободным...
- У наших политиков барачный тип мышления жителей спальных районов Европы...
- Московский провинциализм выражается в претензии на то, что Россия всё ещё может стать Третьим Римом...
- Я публицист одной кухни. Моё публичное пространство простирается от плиты до стола, моя публика - кот и телевизор, которые слышат меня, но мне неизвестно, что они обо мне думают. Впрочем, меня это устраивает...
- Для меня общественная жизнь – это роскошь, которая мне не по карману, поэтому любая моя вынужденная попытка обратиться к общественной деятельности, превращается в бунт голодного аборигена.
- Политик думает, что он творит историю, но самом деле история творит его, превращая в куклу, которой дали роль, выпустили на сцену и забыли показать, где выход...
- Моя политика – обнаружить себя перед собой и другими...
- Случайность рифмы как случайность жизни и закономерность смерти...
- Много денег в кармане – лучшая косметика: моментально становишься для окружающих умнее и красивее...
- Денег никогда не бывает много, бывает мало воображения...
- Самопожертвование невозможно без жертвования судьбой других...
- Памятник – всегда насилие над памятью...

- Тот, кто заплутал на жизненном пути, сначала заблудился в себе...
- Мужик тогда становится дубом, когда начинает расти корнем наружу...
- Тёмные мысли читай при свете фонарика своей совести...
- Никто не сможет отнять у тебя того, чего у тебя нет...
- Светильник в ночи – жизнь путнику, но смерть – мотылькам...
- Роешь яму другому днём – не выходи ночью из дома...
- Кости других людей – очень ненадёжный фундамент для строительства своего дома...
- Блюди словоблудие – будешь кушать на три блюда...
- Девушка облегчённого поведения...
- Гражданский брак – это брак на законных основаниях любви...
- Только для американца судьба и душа – новогодняя индейка...
- Доящий комара и верблюда в игольное ушко просунет...
- Свободный журналист – это рыбка в аквариуме...
- Редактор – романтический мираж для читателя и – жёсткая реальность для корреспондента...
- «Проедемся по ушам!» - сказал новый русский, садясь в кабину бульдозера...
- Лапша на уши – любимое блюдо пиартехнолога...
- Перо может стать стальным или золотым, во время предвыборной компании...
- Бойся самого себя!
- Не разводи лохов: они плодятся, как блохи – до смерти закусуют!
- Гранение даже алмаза – ограничение...

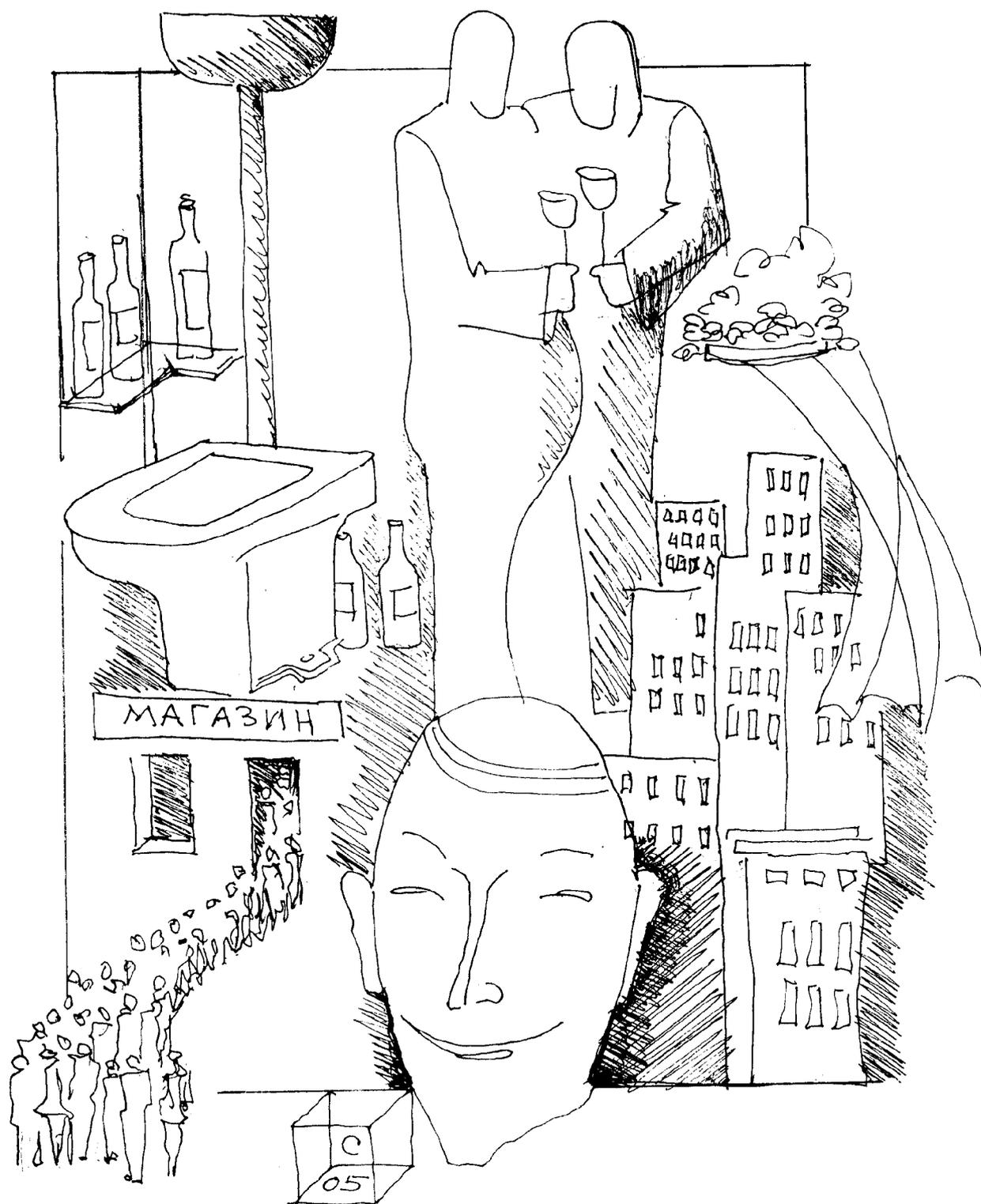
- Не сломай зубы о сладкие речи и врагов, и друзей!
- На дно самого чистого колодца кто-то уже плюнул...
- Самое хорошее мыло – у чистоплюев...
- Он пытался выпить до дна её бездонное сердце и ... стал алкоголиком...
- Самая выгодная стрижка – стрижка денег...
- Змею лучше пригревать на чужой груди...
- Чужие сапоги натирают кровавые мозоли...
- Опасаясь сосуллек весной, смотри не только вверх, но и под ноги...
- Нет такого порока, которого бы не было в своём Отечестве...
- Умный в гору не пойдёт, умный гору – уберёт...
- Голова - не мусорный ящик для чужих мыслей...
- Счастье - легкомысленная, но очень дорогая шлюха...
- Счастье - блудница, но не настолько, чтобы отдаваться идиоту...
- Ветер – дыхание природы, а промышленность – человеческая одышка...
- Век живи – не учишь: сэкономишь время себе и другим...
- «Да, долг – дело Чести! Но я не имею к ней никакого отношения...» - сказал государственный чиновник, небрежно стряхивая в ящик стола конверт с баблом...
- Все зеркала в стране кривеют, когда о правде начинают говорить политики...
- Если в душе мэра умирает чиновник, то, чем этот процесс длительнее, тем дороже потом похороны...
- Мэры уходят и приходят, а город остаётся...

- У «худого» директора – толстые работники, у толстого – худые...
- «Я самый честный!» - сказал журналист и пошёл отдаваться первому попавшему издателю...
- «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» - сказала курица, высидевшая золотое яйцо...
- Депутат депутату – друг, брат, товарищ, если они из одной преступной семьи...
- Чистота не всегда залог здоровья, если рука руку моет...
- Яблоко каждого сердца грызёт свой червяк...
- Для короля опасен не ферзь противника, а собственная пешка, стоящая рядом и готовая в любой момент поменять свой цвет...
- Не укрывайся от дождя дырявым зонтиком...
- Не любая трудолюбивая пчела может медоносить...
- Некоторые черепахи быстрее достигают цели, чем гончие псы...
- Безумство стихов, безумство любви, без умысла – не безрассудство...
- Возлюби ближнего ровно настолько, насколько он презирает тебя...
- Сатира сродни щекотки – можно защекотать насмерть...
- Туз он и в Африке туз, какой бы он не был масти...
- Когда у детей прорезаются зубы, – смотри внимательно, чтобы они не превратились в клыки...
- Не подгоняй картину под раму...
- Когда думаешь – чеши затылок, а не пятки – плохая примета...
- Совет журналисту: никогда не ищи - чему было всё начало, иначе найдешь себе конец...

- Сленги для рекламных роликов:
- - «Только в памперсах и пиве сохранится наша сила...»,
- - «Самое лучшее средство от простатита – три женщины в день и пива литр...»,
- - «Даже самый лучший мужчина без пива и женщин – скотина...»
- Новый закон как новые сапоги, может натереть мозоли...
- Самоубийство – всегда «убийство» других...
- Человек, ставший на голову, часто гораздо устойчивее других стоит ногами на земле...
- Золотое обручальное кольцо – всего лишь звено в чугунной цепи супружеской жизни...
- Челнок – современный кораблик, который иногда не даёт разбиться семье о скалы быта...
- Сказавший: «Я – гений!» подобен человеку, наступившему в дерьмо...
- Если жизнь начинаешь «с чистого листа», остерегайся оказаться в чьём-нибудь сортире...
- Урод всегда предпочитает смотреться в кривое зеркало...
- Воображение поэта подобно соловью: чем крепче клетка, тем он лучше поёт...
- Часто тень гораздо больше предмета, рождающего её...
- Только самый тёмный разум порождает самые ясные мысли...
- Когда всем хорошо живётся, - даже петух несётся...
- Если рвёшь себя на части, то и будешь самым собой, всего лишь отчасти...
- Выживший из ума человек напоминает человека, вышедшего из дома, который не помнит обратной дороги...

- В России в очередной раз наступила свобода. На этот раз она наступила на образование...

СТИХОПЛЕТЕНИЕ



«Страна находится в состоянии разбушевавшейся помойки...»
Александр Зиновьев

«Наши помыслы чисты как ... водяной дым»
Юрий Козлов

ИЗ ЦИКЛА «БУМАЖНЫЙ БОГ»

Гражданин

Я в этой комнате один –
явление масштаба мирового.
Пью чай, страдаю... Гражданин,
быть может, измерения другого.

А рядом, на подстилке, кот
к холодной батарее жмётся.
Конечно, он – безмозглый идиот!
От этой мысли сердце слаще бьётся...

Так вот оно, признание себя
явлением трагедии и фарса:
чем громче по тебе пальба,
тем более похож - на барса!

А если ты – запечный таракан?
А жрать охота, пить охота...
И ничего-нибудь, а, например, банан
иль виски пред любовною охотой?

Как быть, философ и поэт?
«Спроси у одиноких женщин...» -
на ушко, шепчет дьявольский ответ
двойник – коварнейший изменщик.

О, нет! Я гениально обречён
на одиночество в пустыне!
Сбивают только с толку перезвон
бутылок и девчонки в мини...

20 января 1996 года

Бумажный бог

Бумажный бог,
подвешенный за нитку,
при галстукe и при часах,
считал себя - редактором,
верша над словами пытку,
с улыбкой сатанинской на губах...

1996 год

Через бублик моей души
глядит на меня пустота.
Небо в чашечках кофе дрожит,
а в желудке моем – чистота!

И, конечно же, выбора нет:
на обоях бездарных квартир,
я – цветков серый, бледный свет
и простуженных женщин кумир.

О, мой город! – Барачный прилив!
Общежитие, страждущих есть!
Ты, смотрящийся в зеркальца лыв,
гетто русских! – Всевышнего месть...

Ковыряю я пальцем в ноздре,
чуть сверкающих нынче небес,
и декабрь скулит на дворе:
он поземкою первой облез.

А на плоском пространстве дорог –
тараканы снующих людей.
И стихи мои – грязный порог,
с хриплым голосом ржавых дверей

А.Семёнову

Стихи, пейзажи – вперемешку!
Хождение от лиц до ликов.
Плесни вина! Не мешкай,
дружище! Но только – тихо...

Нам время - оживаться.
Касаться неба. И, слегка
под градусом, в Афинах ошиваться:
в моей руке - твоя рука!

В твоей душе – моя душа!
А это значит (без булды!),
в кармане завтра – ни шиша,
и снова мы в пути!

Пусть бестолковые паяцы,
построят нам бумажный дом
потом. А нам под звездным одеяльцем,
приглуно нынче хорошо вдвоем...

Кто же я? Китаец или русский? –
Не пойму уже совсем...
Глаз мой, вроде бы, не узкий
и лапшу, из принципа, не ем!

Но на мне – куртяга из Шанхая,
кофта – «made in» Пекин.
Даже плавки... И – не знаю,
чей, взаправду, гражданин...

Подражание С.Есенину

Мне грустно на себя смотреть –
какая боль, какая жалость!
Ведь было столько золота! Глянь, медь...
И связь времен в мгновение распалась.

Чужие руки разнесли
мой жар души. И в сердце – стылость...

Отчаянно шепчу: «Усни,
усни, мой разум, сделай милость!»

Как хорошо быть деревом в саду!
А лучше кружкой пивною...

Так до себя, быть может, и дойду...
Дойдя, смиренно, отравлюсь собою.

И пусть Господь меня простит
за жест, сей грациозно-трезвый:
пиит пиитом был убит,
что, в целом, для поэзии полезно!

1 февраля 1998 года

Ветер в городе, словно в клетке,
завывает: «А-а-у-у!».
И на елочке вновь конфетки,
очень сладкие в Новом Году!

Мишура, свет фонариков,
Боже мой, что со мной?!
Сорок мне, а я, точно старенький,
этой ночью хочу домой.

Хотя дом уж давно простывший:
просквозило от взрослых грёз...
И ночами там, еле слышно,
сплю я, будто продрогший пес.

Отчего же такая потеха:
сердце есть и его, будто нет!
Только шрамы стихов, словно вехи,
метят, чей, непонятно, след...

1999 г.

Голуба, ты опять серчаешь на меня!
Небрит, мол, и с невыспавшимся глазом...

Без пива с воблюю – ни дня,
и пахнешь всяческой заразой!

Ну что поделаешь, не голубой!
Не фиолетовый, а – серый:
плетусь лишь спать и есть домой,
ведь все поэты где-то изуверы.

Но знала б ты, как нежная братва,
насилуя свое воображение,
рожает... Нет! Не детей – слова,
до умопомрачения.

И в ход идет всё: женщины, вино,
трава, шприцы – сермяга!
Чем круче падаешь на дно,
тем доблестней словесная отвага!

1999 г.

В Империи на воду лают вороны.
Рассол рассветов и огурец луны –
всё для воспитателей дождей
словесных. Ах, на все четыре стороны
послать бы их! Но какая-то жажда вождей...
И в каждом слове – птица!
И гадают они - на головах опавших...
И не прочь с тобой стихами спиться,
правда, спиваются кровью нашей.

Как ужасно, наверное, трезветь
им в бессмертии...

Из всех щелей, из всех, навывлет, дыр -
сквозняк реклам и новостей!
В лампадах стынущих квартир
чуть пламя теплится детей.
Скользя по лунному лучу
среди чужих дворов,

бредём плечом к плечу,
пугаясь собственных шагов -
ватага, верящих ещё
в печатную всесильность фраз,
которой грязь и гнёт – не в счёт,
хоть жизнь вся в профиль и в анфас...
Лишь только бы с утра
всходило солнце над землёй,
картофель рос, и не стояло зря
начальство над душой...
Кто ослеплён блистательной игрой
растиражированных полувождей,
и – собственной изящной болтовней
о духоносности людей.
И кажется ещё чуть-чуть
осталось горемыкам ждать –
вот-вот закончится наш путь –
приляжем в землю отдыхать...
Но в алчущей, сторотой пустоте,
вдруг раздаётся чей-то глас
и снова - оживаем! Кто и где
задумал Ванькой-встанькой нас?

1993-1996 гг.

Наживую живу! Без прикида!!
В жилу всё: и нечаянный друг, и нечаянный враг,
и безмерная радость, и даже обида,
что живётся навскидку, но как-то не так!!!
Рассердиться всерьёз - и то не умею,
ни на близких, ни на чужих...
И душою талою всею
разливаюсь до баек простых.
Так уж, видно, я временем скроен,
как и весь мильонный мой вид,
что на свете привык гулким роем
строить, думать и даже любить.
Не поэтому ль, странно светлею,
возвращаясь из странствий ночных:
за обшарпанной нашей дверью
столько помыслов неземных!
Нереальных - до неприличия:
свет не видел добрее вранья.

Ниже, падшего в людях величия,
вряд ли знала и эта земля.
Устаканится ли бестолковая
странной придурью наша страна?
Мысль, прямо скажем, не новая,
но бездонная, в смысле, без дна...
И хотя мы и я, поднатужившись,
целых несколько зряшных лет,
неуклюже на рынках сгрудившись,
свой счастливый тянули билет -
истомилась душа по чудачеству!
Скоморошеству!! – Знаю – грех...
Но от счастья ведь тоже плачется,
Потому как оно не на всех?
Ну а тут, ах, какая досада –
столько слов, столько снов взаперти:
нет на свете милее услады
дать им волю на свет изойти!
Не поэтому ль так пересохшее
то ли горло, то ль сердце моё,
жаждет выпить до дна моё прошлое
и, хмелея ещё и ещё,
беспрепятственно, безостановочно,
наживульку оброненных слов,
с первым встречным, конечно же, полночью
изливать свою душу готов!
И не то, чтобы блажь это странная
(человеческое волшебство?) -
просто встреча в пути первозданная,
толь наитие, толь колдовство...

Не могу не лукавить. - И, с придурью,
сочиняю себя невпопад...
Разве это в России невидаль? -
Ну чему, простофиля, ты рад?!

Враль и врал – это безоговорочно...
Но - какое же ес-тес-тво!
До того, что совсем беспомощно
верю сам я в своё враньё...

В чём же сила беспутная случая? -
О-о-о! - Юродствуя на показ,
мое сердце, от боли беззвучное,

жизнь мою превращает в рассказ...

Содержание

Слово к читателю	5
Рассказы	
Безработный домовой	10
Утопленник	21
Жарёха	35
Сибирский валенок	49
Исповедь	58
Бивень мамонта	68
Очищение	90
Немой	113
Новые сибирские байки	
Вместо предисловия	142
Баня по-русски	143
Без понтов	146
Героическая доярка	149
Идеальная жена	152
Неудачная шутка	154
О бедном бюрократе замолвите слово	158
Инопланетянин	161
Самый трезвый роман	165
Чайник	170
БАРДак	172
Безалкогольная свадьба	176
Ностальгия	181
Самозванец	184
Как выйти замуж за миллионера	186
Кошкин дом	188
Из записной книжки Иоанна Бубликова	192
Стихоплетение из цикла «Бумажный Бог»	
1. Гражданин	206
2. Бумажный Бог	207
3. «Через бублик моей души...»	207
4. А Семёнову	208
5. «Кто я? Китаец или русский?»	208
6. Подражание С.Есенину	208
7. «Ветер в городе, словно в клетке...»	209
8. «Голуба, ты опять сердчаешь на меня...»	209
9. «В Империи на воду лают вороны...»	210
«Из всех щелей, из всех – навывлет...»	210
«Наживую живу! Без прикида!»	211
Содержание	212
Краткие сведения об авторе	213



Гордин Александр Иннокентьевич, 1958 года рождения, член Союза журналистов России, лауреат премии общественно фонда «Творческая интеллигенция – школе» XVI Всероссийских педагогически чтений, посвященных 100-летию М.И.Цветаевой (1993 г.), кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Иркутского государственного университета.

Автор двух книжек прозы «Сибирский валенок» (2013 г.), «Незнаемая поэма» (2017 г.), шести сборников стихотворений «Скрипка дерева» (2007 г.), «Ночной приют странников» (2007 г.), «Язык шершавый сумрака» (2009 г.), «Голос ослепшей птицы» (2011 г.), «Предчувствие» (2015 г.). «Уроки поэзии» (2017 г.), брошюры «Восхождение» (2005 г.) о творчестве Марины Цветаевой; научно-популярных эссе и литературоведческих исследований «Духовидец» (религиозно-философское осмысление действительности в творчестве Николая Клюева), «Реквием» (гражданская лирика Анны Ахматовой), «В

поисках смысла слова» (методологические проблемы изучения литературы, как одного из способов познания мира), «REINTEGRATIO» (проблемы публицистического мировосприятия в русской литературе); более шестидесяти научных публикаций, в т. ч. пяти монографий (среди которых - «Себя забывший бог»: педагогический потенциал поэзии М. Волошина» - 2006 г.) и шести учебно-методических пособий; а так же более ста художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованные в различных газетах и журналах Иркутской области в период с 1985 по 2013 годы.

Имеет многолетний опыт работы в сфере неформального и информального образования взрослых. В разные времена возглавлял литературное объединение г. Усолья-Сибирского (1986–89 гг.), молодёжную редакцию «Будущел» (1993–2000 гг.), усольское отделение Союза журналистов России (2000–2006 гг.). Был литературным сотрудником газеты «Ленинский Путь» (1985–88 гг.), главным редактором кабельного телевидения «Эхо» г.Усолья-Сибирского (1989–1991 гг.), а также редактором и издателем газет, выходящих в свет на территории Иркутской области: «Свеча» (усольский вариант, 1997–2000 гг.), «Усольские новости и мировые репортажи» (2000–2003 гг.), сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2001–2003 гг.), которая является лауреатом и победителем нескольких всероссийских и межрегиональных конкурсов профессионального журналистского мастерства.

С 2005 г. Александр Иннокентьевич участник сетевого проекта «Обучающийся регион». При поддержке Российского гуманитарного научного фонда осуществлял исследовательский проект «Традиции неформального образования взрослых в сибирской печати и пути их актуализации в современной России» (2007–2009 гг.). Один из региональных координаторов организации акции ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых» в России (г. Иркутск – 2007 г.).

Один из создателей и в настоящее время член совета директоров Высшей народной школы г. Иркутска, руководитель литературного клуба при этой школе, редактор научно-популярного, художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» и художественно-публицистического альманаха «Родные берега».

ГОРДИН
Александр Иннокентьевич

СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК

(лирико-иронический фарс)

Рассказы
Байки
Афоризмы
Стихи

Художественное оформление: В.Быргазов, С.Соловьёв, А.Гордин
Компьютерная вёрстка - А.Гордин
Литературный редактор – В.Шерстов

Подписано в печать 10.04.2013. Формат 60x90 1/16 Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 150 экз. Заказ 18804.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
тел.: 540–940



СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК

ГОРДИН А.

